

ISSN 2221-2698

Арктика и Север. 2012. № 7

Электронное периодическое издание

- © Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2012
- © Редакция журнала «Арктика и Север», 2012

Выходит не менее четырех раз в год

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках. Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № Φ C77-42809 от 26 ноября 2010 года.

Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 года.

Журнал зарегистрирован в Депозитарии электронных изданий ФГУП НТЦ «Информрегистр» (регистрационное свидетельство № 543 от 13 октября 2011 года) и ему присвоен номер государственной регистрации 0421200166.

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова».

Главный редактор - Лукин Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор.

Редакционный совет

Востряков Лев Евгеньевич Дергачёв Владимир Александрович Кефели Игорь Фёдорович Котляков Владимир Михайлович Кудряшова Елена Владимировна Неёлов Юрий Васильевич Орлов Игорь Анатольевич Селин Владимир Степанович Фёдоров Игорь Геннадьевич Чилингаров Артур Николаевич

Редакционная коллегия

Вертешин Алексей Иванович Дрегало Александр Алексеевич Залывский Николай Павлович Кудряшов Юрий Владимирович Окунев Юрий Павлович Соколова Флёра Харисовна Тоскунина Вера Эдуардовна Ульяновский Виктор Иванович Шрага Моисей Хаимович Шубин Сергей Иванович Фёдоров Павел Викторович

Все номера журнала находятся в свободном доступе на сайтах http://narfu.ru/aan/, http://narfu.ru/aan/article_index_years.php. Статьи журнала «Арктика и Север» размещены также в системе «Академия Google» и находятся по поисковому запросу «Арктика и Север».

Информация для авторов опубликована на сайте САФУ: http://narfu.ru/aan/author.php.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов, за публикацию статей, других материалов не взимается; гонорары не выплачиваются. Редакция считает возможным публиковать статьи, теоретические позиции авторов которых представляются дискуссионными. Публикуемые материалы могут не отражать мнение редакции. Все рукописи рецензируются. Редколлегия сохраняет за собой право выбора наиболее интересных и актуальных материалов, которые публикуются в первую очередь.

Вниманию авторов! Номера электронного журнала выкладываются на сайте по мере редактирования поступающих статей, что значительно ускоряет сроки публикации для авторов. Дата выхода журнала в свет указывается в выходных данных на последней странице после окончательной редакции каждого номера.

Содержание

Геополитика

ском регионе	4
Жилина И. С. Правовые аспекты развития Северного морского пути и Северо- Западного прохода как новой Арктической морской транспортной системы	8
Исторические науки, этнология и антропология	
Лукин Ю. Ф. О русском поморе замолвите слово	22
Пыжова А. Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов	37
Семушин Д. Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа	45
Поморский вопрос: приложения, документы, проекты Звягин С. А. Проект «Поморская гавань»	59 73
Социологические науки	
Бобина Ю. В. Особенности семейно-брачных отношений в странах Баренцева Евро- Арктического региона	84
Бобылева Н. И., Рыбак Е. В., Цихончик Н. В. К вопросу об изучении социокультурного потенциала населения Архангельской области как приарктической территории	90
Вязьмин А. Н., Санников А. Л., Мордовский Э. А. Ведущие детерминанты общественного здоровья приарктических территорий Европейского Севера России	97
Малаховская М. А., Иванова М. М. Студенты САФУ покорили Брюссель	113
Биологические науки	
Королёва Н. Е. Сто лет геоботанических исследований в Мурманской области: история, современное состояние и проблемы	121
Корельская Т. А., Попова Л. Ф. Тяжелые металлы в почвенно-растительном покрове селитебного ландшафта города Архангельска	136
Управление, экономика	
Докучаев Д. С. Регион как социальная система	153
Присяжный М. Ю. Развитие России в контексте моделирования развития Севера России	159
Цветков А. Ю. Маркетинговый подход в изучении северных территорий	172
Шишацкий Н. Г., Кирко В. И., Кеуш А. В. Социально-экономические проблемы создания территорий традиционного природопользования	178
Калашников Е. В., Лагунова С. В. О проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области (Некоторые итоги обучающих семинаров)	185
Новые публикации, рецензии	
Лукин Ю. Ф. Экспедиция по следам поморов	190
Summary	
Авторы	194
Аннотации, ключевые слова	196
Contents Authors	201 202
Abstracts, keywords	202
Выходные данные/Output data	209

Геополитика

УДК [004.896+327.8](98)(045)

Кибертерроризм как угроза государственной безопасности в Арктическом регионе

© **Бидная** Ксения Васильевна, студентка 3-го курса отделения регионоведения и международных отношений института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: kseniya.bidnaya@gmail.com.

Статья представляет собой первый опыт в исследовании возможностей и вероятностей проведения кибернетических атак в Арктическом регионе, а именно: поражение и вывод из строя систем ПРО, а также компьютерных систем управления буровыми вышками, что может принести вред как национальной безопасности государств, так и экологическому состоянию Арктики. Помимо этого в статье

освещается вопрос возможного влияния актов кибертерроризма на освоение арктического сектора России, то есть изучаются международные отношения России в «новых политических пространствах» – приполярной зоне и глобальной информационной сфере.

Ключевые слова: Арктика, кибертерроризм, Россия, США, НАТО.

Cyber-terrorism as a threat to national security in the Arctic region

© *Bidnaya* Ksenia Vasilievna, 3rd year student of the Department of Regional Studies and International Relations of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. E-mail: kseniya.bidnaya@gmail.com.

Abstract

This article represents the first experience in the research of possibilities and probabilities of cyber attacks in the Arctic region, namely the defeat and withdrawal from the ABM system, and computer control systems of drilling rigs, which can harm both national security and ecological state of the Arctic. Additionally, this article highlights the question of the possible impact of acts of cyberterrorism on the development of the Arctic sector of Russia, in other words, there are studied International Relations of Russia in the 'new political areas' – circumpilar area and global informative sphere.

Keywords: Arctic, cyber-terrorism, Russia, USA, NATO.

Немногим было суждено предугадать, как решительные перемены в обществе изменят соотношение военного противостояния в мире и даже саму природу ведения войны. Настоящее потрясение значит больше, чем просто появление новых машин. Оно обещает реструктуризацию всех человеческих взаимоотношений и ролей.

Э. Тоффлер. «Шок будущего»

Технический прогресс и развитие общества в конце XX века открыли миру немыслимые до этого перспективы и возможности, которые к началу XXI века обусловили вступление современной цивилизации в абсолютно новую эпоху, охарактеризованную американским социологом и футурологом Элвином Тоффлером как информационное общество. Такие коренные изменения, безусловно, влекут за собой новые сложности, социальные конфликты и глобальные проблемы, столкнуться с которыми человечеству придется в XXI веке.

Повсеместная компьютеризация общества выводит информацию на новый уровень, когда она становится коренным элементом войн будущего и кибертерроризма – новой международной угрозы. Использование компьютерных технологий международными организациями, в управлении государственным аппаратом и другими элементами современной инфраструктуры, а также переход на методы компьютерного управления [1] привели к появлению стратегически важных киберобъектов, на которые может быть совершено нападение с террористическими целями, что является главной причиной все большего распространения и возрастания угрозы кибертерроризма в мире.

Помимо этого, коренными проблемными вопросами темы являются: затруднение процесса идентификации источника нападения и определения его местоположения, доказательство совершения киберпреступления и предъявления улик обвиняемому, определение юридической ответственности за совершение преступления в киберпространстве. Перечисленные причины связаны со спецификой киберпространства, с отсутствием нормативноправовой базы, регламентирующей отношения в киберпространстве, и законодательной классификации противоправных актов в киберпространстве.

Проблема появления терроризма в киберпространстве достаточно нова. Исходя из этого, в научной и практико-управленческой среде еще не сформирован подход к ее изучению и теоритической структуризации. Однако увеличение числа атак на информацию в киберпространстве, а также попытки вывода из строя и нанесения ущерба информационной инфраструктуре, заметно участившиеся в последние годы, говорят о превращении киберпространства в одну из сфер стратегического интереса стран [2], чья особая важность заключается в отсутствии в ней какой-либо нормативно-правовой, а также физической защиты.

В свою очередь рост конфликтного потенциала между Россией и другими государствами в Арктическом регионе обуславливает возможность применения кибернетического оружия с целью вывода из строя элементов информационной инфраструктуры, похищения и перехвата данных, в том числе и стратегически важного назначения.

Военно-стратегическое значение Арктического региона заключатся в его возможной пригодности для проведения большого количества военных операций и маневров в результате изменения климата [3]. Стратегический потенциал Арктического региона признается военными и политическими кругами в США, России и других странах мира.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» заявлено о необходимости создания группировок войск (сил) общего назначения, а также поддержания необходимого боевого потенциала группировок войск [4]. Наряду с этим США в президентской директиве по национальной без-

опасности (NSPD-66/HSPD-25), посвященной освоению Арктики, говорят о сохранении глобальной мобильности американских военных и гражданских судов и летательных аппаратов во всем Арктическом регионе [5], что представляет опасность для российского сектора Арктики. Помимо этого, «Североатлантический альянс обозначил Арктику зоной своих интересов» [6].

Безусловно, особое стратегическое значение региона влечет за собой возможность его милитаризации. В этом плане РФ большое значение уделяет именно невоенному освоению Арктики, а также ее защите от военной активности [7]. Однако мнения США и НАТО по этому вопросу с Россией несколько расходятся. По заявлению экс-представителя России в НАТО Дмитрия Рогозина, «с учетом изменений климата, изменений условий в Арктической зоне многие натовцы уже сейчас предсказывают, что Северный морской путь станет круглогодичным. Откроются эти льды, они растают, а значит, НАТО точно появится в Арктике. Они давно это планируют. А может быть, там появится при каких-то очень дурных условиях и американская ПРО – на палубе как раз тех самых кораблей» [8].

Технические характеристики систем противоракетной обороны подразумевают их полное управление посредством компьютерных технологий, поэтому именно системы ПРО являются значимым объектом для кибератаки. Стоит сказать, что сегодня существует вероятность взлома и нарушения работы данных систем кибертеррористами [9]. Если же это произойдет, то страна, на которую будет произведена атака, останется беззащитной по отношению к силам противника, санкционировавшего данную атаку. Поэтому можно сказать, что в будущем борьба за Арктику между Россией и США перейдет в плоскость киберпространства.

Помимо этого важно отметить, что другим объектом проведения кибератак в Арктике может быть управление современной буровой установкой, которое также осуществляется посредством компьютерных технологий. Внедрение в электронную систему управления установкой может привести к выводу ее оборудования из строя, к значительному экономическому ущербу стране, а также привести к разливу добываемого сырья и нарушению экологической ситуации в регионе.

Можно предположить, что происшествие такого типа может быть использовано некоторыми странами против России. Основным аргументом США против освоения и разработки Арктики Россией является ее неэкологичность [10]. США путем внедрения жестких экологических стандартов пытаются сосредоточить часть политических полномочий по контролю за разработкой ресурсов Арктики в своих руках [11]. Таким образом, взлом и вывод из строя буровых установок России на шельфе Арктики и последующий разлив нефтепродуктов и загрязнение акватории могут быть использованы как сфальсифицированный аргумент США в подтверждение захватнического и потребительского отношения России к Арктическому региону.

Исходя из вышесказанного, возникает естественная потребность в нормативноправовой и физической защите стратегических киберсистем России. Отрадно, что уже сегодня Минобороны РФ приступило к разработке концепции кибербезопасности Вооруженных сил, а также к созданию киберкомандования с целью обеспечения информационной безопасности российской армии [12]. Поэтому для стабильного развития страны в будущем, которое обеспечило бы ей возможность планомерного освоения Арктики и достойное место в стратегической плоскости киберпространства, необходимо создание сильной кибернетической армии, а также защиты против атак других стран.

Литература

- 1. Возженникова А. В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М.: РАГС, 2005.
- 2. Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: ЛЕНАНД, 2011. 272 с.
- 3. Palmer B. Global warming would harm the Earth, but some areas might find it beneficial // The Washington post. 2012. January 24: URL: http://www.washingtonpost.com/ national/health-science/global-warming-would-harm-the-earth-but-some-areas-might-find-it-beneficial/2012/01/17/gIQAbXwhLQ_story.html (дата обращения: 4.03.2012).
- 4. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Российская газета. 2009. 27 марта.
- 5. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive. URL: http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm.
- 6. Россия обеспокоена активизацией НАТО в Арктике. URL: http://www.ria.ru/ defense_safety/20110706/397987672.html (дата обращения: 2.03.2012).
- 7. Арктика: зона мира и сотрудничества / Под ред. А. В. Загорского. Москва: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
- 8. Дмитрий Рогозин: американская ПРО может появиться на кораблях НАТО в Арктике. URL: http://news.mail.ru/politics/2931168/print/ (дата обращения: 15.02.2012).
- 9. Mannes A., Hendler J. The first modern cyber war? // The Guardian. 2008. August 22. P. 7.
- 10. Юргенс И. Ю. Отношения Россия США: к новой повестке дня. М.: Экон-Информ, 2009. С. 43.
- 11. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 43–53.
- 12. Белянинов К. Если завтра кибервойна // Огонек. 2010. № 19. С. 28-27.

Рецензент – Лукин Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор. УДК 34.341

Правовые аспекты развития Северного морского пути и Северо-Западного прохода как новой Арктической морской транспортной системы

© **Жилина** Ирина Святославовна, выпускница Мурманского государственного технического университета по специальности «международные отношения», студентка Университета города Акурейри (Исландия), магистерская программа «Полярное право». E-mail: stonewood@list.ru.

Статья посвящена вопросам правового режима международного судоходства по водам Северного морского пути и Северо-Западного прохода и суверенитета государства в территориальных водах. Особое внимание автор уделяет внешнеполитическим аспектам развития Арктической транспортной магистрали и ее экономическому потенциалу.

Ключевые слова: Северный морской путь, Северс Западный проход, Россия, Канада, Арктика, судоходство.

The legal aspects of the development of the Northern sea route and North-Western passage, like a new Arctic marine transportation system

© **Zhilina** Irina Svyatoslavovna, a graduate of the Murmansk State Technical University, specializing in 'international relations', a student of the University of Akureyri (Iceland), Master's program 'Polar Law'. E-mail: stonewood@list.ru.

Abstract

The article is devoted to the legal regime for the international navigation on the waters of the Northern sea route and North-Western passage and sovereignty in the territorial waters. Particular attention is given to the foreign policy aspects of the development of the transport route of the Arctic and its economic potential.

Keywords: the Northern sea route, the North-Western passage, Russia, Canada, Arctic, navigation.

Наблюдения национального центра США за состоянием снежного и ледяного покрова Северного Ледовитого океана проводятся с 1979 года. В 2007 году была впервые зарегистрирована ледовая обстановка, позволяющая полностью открыть две морские магистрали – Северный морской путь (далее – СМП) и Северо-Западный проход (далее – СЗП) для летней навигации. 2007 год стал рекордным по сокращению площади полярной шапки в Северном Ледовитом океане, с этого же момента перестает образовываться паковый многолетний лед. Снова, уже в августе 2011 года, ледовое покрытие в северном полушарии было близко к рекордному минимуму за всю историю наблюдений.

Такие серьезные и стремительные климатические изменения не могут оставить мировое сообщество безучастным. Более того, подобная ситуация подталкивает Канаду и Россию

как арктических держав к решительным действиям по развитию альтернативной мировой транспортной магистрали через СМП и СЗП вдоль российского и канадского побережий соответственно.

С одной стороны, СМП и СЗП через Серверный Ледовитый океан открывают новые возможности для мировой торговли, 90 % которой приходится на морской транспорт¹, с другой стороны, навигация в арктических водах подвержена большим рискам.

Альтернативный маршрут по сравнению с традиционной схемой транспортировки товаров из Европы в Азию и из Северной Америки в Европу сократит расстояние примерно на 40 %2. Соответственно, уменьшится количество затраченного топлива, а с ним и объемы эмиссий СО₂. С дальнейшим развитием атомного ледокольного флота технология строительства станет более безопасной и менее затратной. Наконец, СМП и СЗП безопасней с точки зрения пиратства и политической нестабильности на Ближнем Востоке, северном и восточном африканских побережьях. Таким образом, навигация по СМП и СЗП станет более экономически выгодной по сравнению с перегруженными Суэцким и Панамским каналами.

В интенсивном коммерческом судоходстве одинаково заинтересованы как прибрежные арктические государства, так и те страны, у которых нет прямого выхода в Северный Ледовитый океан. В первую очередь, это страны Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как Китай, Япония, Южная Корея и Индия.

Однако вопрос заключается в том, кто будет управлять и контролировать ресурсы, заложенные в СМП и СЗП, и кто будет ответственен за риски, которым подвержено морское арктическое судоходство? Другими словами, какой правовой режим применим к СЗП и СМП? Какой сценарий развития получит регулирование навигации в Северном Ледовитом океане? Кто примет участие в развитии коммерческой навигации по трассам СМП и СЗП?

Северо-Западный проход

СЗП простирается вдоль арктического побережья Северной Америки от пролива Дэвиса через море Баффина с востока и до Берингова залива на западе³. Это система, состоящая из семи проливов, из которых только пять пригодны для навигации крупнотоннажных судов.

Еще в 1969 году нефтеналивной танкер США SS Manhattan стал первым коммерческим судном, прошедшим из Филадельфии (восточное побережье) через СЗП в Аляску и обратно. Однако при этом Штаты не запрашивали разрешения у канадских властей на проход судна через СЗП. Аналогичный инцидент произошел в 1985 году. Ледокол береговой охраны США USCGC Polar Sea проследовал из Гренландии в Аляску через СЗП без какого-либо уведомления.

Эти два инцидента вызвали серьезные дебаты в государственном аппарате Канады касательно национального суверенитета над водами Арктического архипелага. Впервые официальная позиция Канады о правовом режиме СЗП была высказана в 1975 году секретарем по вопросам внешней политики⁴ Аланом Мак-Эхеном. В своем выступлении он заявил,

¹ Sharma D. C. Ports in a Storm. Environmental Health Perspective. 2006. No 4. P. 222.

² International Northern Sea Route Programme (INSROP). URL: http://www.fni.no/insrop/.

³ Pharand D. Canada's Arctic waters in international law. Cambridge. 1988. P. 187.

⁴ Должность министра иностранных дел введена в 1993 году.

что воды, прилежащие к Арктическому архипелагу, являются внутренними водами Канады, и режим транзитного прохода через СМП не может быть применен⁵. Далее, путем внедрения нормативных актов в национальное законодательство правительство стало формировать более строгий режим навигации в водах Канадского Арктического архипелага, а соответственно, и создавать юридическую базу для подкрепления национального суверенитета.

Ледовая проводка американского танкера SS Manhattan стала предпосылкой *Акта по предотвращению загрязнения арктических вод*, изданного в 1970 году. Он впервые дает определение понятию «*арктические воды*» Канады, а также описывает географический район применения постановления о запрете размещения отходов любого происхождения в данном районе⁶. В 1972 издается *Указ о зонах контроля безопасности судоходства*, согласно которому устанавливается 16 специальных зон с соответствующими требованиями к суднам, их классу и характеристикам⁷. В это же время выходят *Положения по предотвращению загрязнения от арктического судоходства*, согласно которым вводится комплекс мер контроля, которые устанавливают запрет на сброс топлива или нефтяных субстанций⁸. В 1977 году внедряется система добровольного уведомления о местоположении судов (НОРДРЕГ). С 2010 года она становится обязательной, в частности, при навигации по СЗП.

Стоит отметить, что в это же время Канада активно участвует в переговорах относительно Конвенции ООН по международному морскому праву, которая будет принята в 1982 году. Именно Канада инициировала и продвигала внесения в Конвенцию 1982 года специального режима в районах, покрытых льдом, что успешно было занесено в статью 2349.

Прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его. В таких законах и правилах должным образом принимаются во внимание судоходство и защита и сохранение морской среды на основе имеющихся наиболее достоверных научных данных 10.

После инцидента с ледоколом USCGC Polar Sea Канада дополнительно принимает в 1985 году Положения по предотвращению загрязнения арктических вод 11 , а также устанавливает прямые исходные линии вокруг Канадского Арктического архипелага.

В 1996 году вводится в действие *Акт об океанах*¹², в рамках которого Канада расширяет свою юрисдикцию над морскими районами. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, территориальное море расширяется до 12 миль, прилежащая зона –

 $^{^{\}rm 5}$ Pharand D. Canada's Arctic waters in international law. Cambridge. 1988. P. 216.

⁶ Arctic Waters Pollution Prevention Act, 18–19 Eliz. 2. P. 47 (Can. 1970).

⁷ Shipping Safety Control Zones Order, C. R. C. P. 356 (Can.).

⁸ Arctic Shipping Pollution Prevention Regulations, C. R. C. P. 353 (Can.).

 $^{^{\}rm 9}$ Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? P. 1182.

¹⁰ Конвенция ООН по морскому праву. 10 декабря 1982 года. Ст. 234.

¹¹ Arctic Waters Pollution Prevention Regulations. C. R. C. P. 354.

¹² Oceans Act, S. C. 1996. P. 31.

до 24 миль, ИЭЗ – до 200 миль, включая 200-мильную зону континентального шельфа, причем начиная от *прямых исходных линий*, установленных вокруг Арктического архипелага.

В 2003 году Канада ратифицирует Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Однако Канада зарезервировала за собой право не считать решения в отношении споров, связанных с толкованием или применением статей 15, 74 и 83 обязательными. А именно эти статьи включают положения о делимитации морских границ, ИЭЗ, исторических заливах или правооснованиях¹³.

Все упомянутые выше нормативные документы закрепляют статус прилегающих вод Арктического архипелага как внутренних на уровне национального законодательства. Одна-ко Соединенные Штаты, Европейский Союз, в частности Дания, не признают эти документы. Особую критику у этих государств вызывает установление *прямых базовых линий* ¹⁴, а не нормальных исходных линий ¹⁵ от точки наибольшего отлива вдоль берега, от которых измеряется ширина территориального моря. Соответственно, зона контроля значительно расширяется. По мнению США, не соблюдается условия статей 7.1 ¹⁶ и 7.3 ¹⁷ Конвенции 1982 года. Также Соединенные Штаты не признают суверенитет Канады над СЗП, считая его международным проливом. Тем не менее, еще в 1988 году Канада и США подписали двусторонне соглашение о сотрудничестве в Арктике, однако правового статуса за водами СЗП оно не закрепляет.

Ничто в настоящем соглашении о сотрудничестве между соседями по Арктике и друзьями, никакие действия в его рамках *не влияют* ни на позиции Правительств США и Канады по морскому праву в этой или других морских районах, ни на их позиции в отношении третьих сторон соответственно¹⁸.

После российской экспедиции «Арктика 2007» ко дну Северного Ледовитого океана Канада активно начинает разрабатывать и внедрять национальную северную стратегию развития своих арктических регионов, а также укрепления своего суверенитета. Иначе говоря, Канада разворачивает свое присутствие в Арктике в различных отраслях по принципу «use it or lose it» («используй или потеряешь»), который премьер-министр Канады Стивен Харпер назвал главным в вопросах суверенитета в Арктике¹⁹.

Северный морской путь

СМП расположен во внутренних морских водах, территориальном море (территориальных водах) или экономической зоне СССР (России), прилегающих к северному побережью

 16 В местах, где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов, для проведения исходной линии, от которой отмеряется ширина территориального моря, может применяться метод прямых исходных линий, соединяющих соответствующие точки.

¹³ Pharand D. The Arctic Waters and the Northwest passage: A Final Revisit. Ocean Development and International Law, 2007. P. 7; United Nations Convention on the Law of the Sea: Declarations made upon signature, ratification, accession or succession or anytime thereafter.

¹⁴ Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Ст. 7.

¹⁵ Там же. Ст. 5.

 $^{^{17}}$ При проведении прямых исходных линий не допускается сколько-нибудь заметных отклонений от общего направления берега, а участки моря, лежащие с внутренней стороны этих линий, должны быть достаточно тесно связаны с береговой территорией, чтобы на них мог быть распространен режим внутренних вод.

¹⁸Arctic Cooperation Agreement, 1988. Article 4.

¹⁹ Press Release, Office of the Prime Minister, PM Announces Plan to Identify and Defend Northern Resources (Aug. 26, 2008). URL: http://www.pm.gc.ca/eng/media.asp?category=1&id=2242.

СССР (России), его национальная транспортная коммуникация, включающая пригодные к ледовой проводке судов трассы, крайние пункты которых ограничены на западе западными входами в новоземельские проливы и меридианом, проходящим на север от мыса Желания, и на востоке в Беринговом проливе параллелью 66° северной широты и меридианом 168°58'37" западной долготы²⁰.

Навигация по трассам СМП практикуется уже на протяжении 75 лет. Арктические конвои времен Второй мировой войны стали первым опытом, открывающим геостратегическое значение арктического судоходства. Транспортная активность в море по трассам СМП достигла своего пика в 1980-е годы. В это же время президент СССР М. Горбачёв выдвинул мурманские инициативы, в которых он заложил первый камень в международное судоходство вдоль российского арктического побережья. Он предложил открыть СМП для навигации иностранных судов при поддержке советских (на тот момент) атомных ледоколов²¹. Однако распад Советского Союза привел к значительной стагнации всей экономики страны, и такая отрасль как морское судоходство не стала исключением.

Тем не менее, современные тенденции в арктической геополитике указывают на открытие трасс СМП для иностранных судов и расширение навигационного периода за счет активизации российского ледокольного флота и климатических изменений. На данный момент атомный флот включает в себя шесть ледоколов. В августе 2011 секретарь Совбеза Николай Патрушев озвучил планы правительства: до 2015 года в России построят четыре ледокола, в том числе универсальный атомный ледокол и три линейных дизельных ледокола²².

В августе 2010 года российские власти впервые дали разрешение на ледовую проводку иностранного сухогруза из Норвегии через российские воды в Китай для транспортировки концентрата железной руды (балкер Nordic Barents, дедвейт – 43,731 т, груз – 41,000 т, экономия топлива на сумму примерно USD 180,000)²³. Уже летом 2011 года танкер STI Heritage (дедвейт – 73 799 т, груз – 61,000 т), перевозивший газоконденсат из порта Витино также в Китай, установил рекорд по прохождению трассы СМП за восемь дней со скоростью 14 узлов²⁴. Открытие офиса информационной поддержки навигации на трассе СМП в городе Киркенесе (Норвегия) в рамках совместной программы «Росатомфлота» и норвежского Центра логистики Крайнего Севера демонстрирует желание, а также потребность в коммерческом использовании арктических вод.

Сегодня функционирует следующая система нормативных документов, устанавливающих правой статус СМП:

- ↓ 1971 год Положение об Администрации Северного морского пути;
- ↓ 1990 год Правила плавания по трассам Северного морского пути;

²⁰ Правила плавания по трассам Северного морского пути. Утверждены Министерством морского флота СССР 14 сентября 1990 года.

²¹ Речь М. Горбачёва на торжественном собрании по случаю вручения ордена Ленина и Золотой Звезды городу Мурманску. Мурманск, 1 октября 1987 года.

²² Арктика получит новые ледоколы и рациональные решения. URL: http://www.arcticuniverse.com/ru/news/20110808/01206.html.

²³ Fact Sheet. Northern Sea Route project. 26 August 2010. URL: http://www.nordicbulkcarriers.com/images/Media/Filer/nsr_factsheet_uk.pdf.

²⁴ Рекорд скорости на Севморпути установил супертанкер Barents Observer. URL: http://www. Barentsob server.com/cppage.4954407-16149.html; http://www.barentsobserver.com/ super-tanker-sets-speed-record-on-northern-sea-route.4954241.html

- ↓ 1996 год Правила ледокольно-лоцманской проводки судов по Северному морскому пути;
- 1996 год Требования к конструкции, оборудованию и снабжению судов, следующих по Северному морскому пути;
- ↓ 1998 год ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»;

Таким образом, все судоходство, осуществляемое по СМП вдоль российского побережья, регулируется, в первую очередь, российским законодательством с учетом норм международного морского права.

В 1997 году Россия ратифицировала Конвенцию ООН 1982 года с аналогичными исключениями, которые приняла Канада в отношении положений статей 15, 74 и 83. Согласно ФЗ «О ратификации Конвенции ООН по морскому праву», Россия не принимает предусмотренные в разделе 2 части XV указанной конвенции процедуры, ведущие к обязательным для сторон решениям в отношении споров, связанных с делимитацией морских границ, ИЭЗ, историческими заливами или правооснованиями²⁵.

В 2001 году выходит Морская доктрина РФ на период до 2020 года, которая ставит долгосрочные задачи экономического освоения Арктики путем создания морской инфраструктуры на трассе СМП. В первую очередь речь идет об установлении централизованного государственного управления транспортной системой, ледокольного обслуживания. Вовторых, необходимо предоставить равноправный доступ заинтересованным перевозчикам. И, в-третьих, очень важно развитие судостроения, ориентированного на морские перевозки в ледовой обстановке, а также обновление и безопасная эксплуатация атомного ледокольного флота и т. д.²⁶.

Транспортная стратегия РФ на период до 2020 года, принятая в 2005 году, ставит своей целью развитие и реформирование всего морского транспорта. Что касается СМП, то как евроазиатский транспортный коридор он станет стимулировать развитие рынка транспортных услуг.

В 2007 году состоялась научная экспедиция «Арктика 2007», которая в первую очередь для России стала новой вехой в вопросах арктической политики, одним из важнейших компонентов которой является инфраструктурное развитие СМП. Экспедиция стала одним из импульсов для российского правительства принять последующие стратегии экономического развития в регионах Крайнего Севера.

В 2008 году был издан документ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В целом, этот документы повторяет и закрепляет позиции морской и транспортной доктрин в отношении СМП,

 $^{^{25}}$ ФЗ «О ратификации Конвенции ООН по морскому праву», 1997 год; United Nations Convention on the Law of the Sea: Declarations made upon signature, ratification, accession or succession or anytime thereafter.

²⁶ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года.

включая пункты о создании и развитии морской и береговой инфраструктуры, а также обеспечение реструктуризации объемов отечественных грузоперевозок по СМП.

Также, в 2012 году ожидается проект ФЗ «Об Арктической зоне Российской Федерации», который сделает северные территории «самостоятельным объектом государственной политики» в социально-экономическом развити страны.

На мировой арене Канада и Россия позиционируют себя как две крупнейшие арктические державы. Для обеих стран важно использовать любую возможность продемонстрировать свои суверенные права над геострагически важным регионом. Все шаги, направленные на признание национального суверенитета над СЗП и СМП, являются частью этого.

Анализируя правовой режим двух арктических магистралей, важно дать определение термину *«суверенитет»* и основания для его установления.

Суверенитет – это совокупность таких прав, как самостоятельность и независимость государства при осуществлении внешней политики, участие государства в международных договорах, кодифицирующих нормы международного права или регулирующих важнейшие отношения между двумя и более государствами²⁷. Суверенитет включает в себя понятие правосубъектности, то есть нормативное и правовое полномочие государства: государственный суверенитет распространяется на территорию государства, а также территориальные воды, морское дно и недра и ограничивается национальными границами²⁸.

В рамках международного публичного права существует несколько основных факторов, которые служат основанием для установления государственного суверенитета: длительный период, порядок завладения территорией, источники правооснования, эффективная оккупация, эффективная и длительная демонстрация государственных полномочий, проявление суверенитета, а также географические и исторические основания и др.²⁹.

Вопросы суверенитета всегда были и остаются сложными. Их решение требует применения различных принципов международного права с учетом специфики каждой отдельной ситуации.

Во-первых, позиции России и Канады основываются на доктрине об исторических водах. Первая ледовая проводка иностранного судна по СМП состоялась в только 2010 году (датский Балкер Nordic Barents). За всю историю освоения СЗП с 1906 по 2005 год иностранными судами было совершено только 69 полных проходов. Все они осуществлялись с разрешения канадских властей за исключением инцидентов с Polar Sea и Manhattan³⁰. Такие низкие показатели за столь длительный срок недостаточны, для того чтобы присудить СПМ и СЗП статус жизненно необходимых для международной навигации с ее современной системой маршрутов.

Во-вторых, применение внутреннего законодательства по отношению к судам, осуществляющим грузоперевозки по СЗП и СМП на протяжении почти 30 лет, является доста-

²⁷ Бекяшев К. А. Международное публичное право. М.: 2005. С. 84.

²⁸ Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford. 2008. P. 106.

²⁹ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года.

³⁰ Pharand D. Canada's Arctic waters in international law. Cambridge. 1988. P. 216; Byers M. Time to negotiate the NWP with the USA. Policy Options. 2011.

точным проявлением государственных полномочий для установления национального суверенитета.

Канада и Россия как две арктические державы имеют сходные географические условия. Арктические регионы двух государств обширны по своей территории и богаты по энергетическому и транспортному потенциалу. Для обеих стран решение вопросов интернациональзации СЗП и СМП и национального суверенитета является ключевым в стратегии развития Арктики.

Стоит отметить, что ни одна из стран не препятствует международному судоходству по своим магистралям как таковому. Наоборот, навигация по магистралям СМП и СЗП иностранных судов позволит диверсифицировать экономику северных регионов, которая в основном зависит от горно- и нефтедобывающих градообразующих предприятий, и стимулировать устойчивое социально-экономическое и инфраструктурное развитие в целом. В конечном итоге интернационализация СМП и СЗП будет зависеть от важности проливов для международного судоходства и от тех мер, которые предпримут прибрежные государства.

Канада и Россия придерживаются той позиции, согласно которой все принципы свободы открытого моря, включая свободу навигации, должны применяться вне их территориальных вод. Как уже было отмечено, осуществление международного судоходства – в интересах как России и Канады, так и третьих стран. Поэтому Россия и Канада, в соответствии с Конвенцией по морскому праву, гарантируют право мирного прохода вдоль СЗП и СМП своих арктических побережий.

Суда всех государств как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю, пользуются правом мирного прохода через территориальное море³¹.

Это подразумевает, что иностранные суда обязаны не только уведомить прибрежное государство о своих намерениях, но и запросить разрешения на проход, а правительство прибрежного государства, в свою очередь, учитывая ледовую обстановку и характеристики судна, а также в соответствии со статьей 234 Конвенции о районах, покрытых льдом, должно вынести свое разрешение по заявке.

Так или иначе Конвенция ООН 1982 года не дает четкого толкования фразе «проливы, используемые для международной навигации». Соответственно, ее трактовка может быть разной в зависимости от учитываемых факторов: например, количество судов, использовавших пролив, тоннаж судна, количество флагов государств, под которыми осуществлялся проход³².

Эффективная превентивная мера против интернационализации на основе права транзитного прохода – это непрекращаемое использование СМП и СЗП с одновременной поддержкой и развитием береговой инфраструктуры. Такие суда, как нефтеналивные танкеры, грузовой транспорт даже самого высоко ледового класса «1А» нуждаются в портовой инфраструктуре, ледовой проводке, информационной поддержке о ледовой обстановке, погодных и других условиях. И это как раз то, что еще предстоит продемонстрировать государ-

³² Pharand D. The Arctic Waters and the Northwest passage: A Final Revisit. Ocean Development and International Law. 2007. P. 52.

³¹ Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Ст. 17.

ствам в доказательство длительного и эффективного использования СМП и СЗП, для того чтобы их признали национальными водными магистралями в международном сообществе.

Северные регионы России и Канады схожи еще и потому, что странам приходится сталкиваться с одними и теми же трудностями и решать одни и те же вопросы: хрупкая окружающая среда, суровые погодные условия, вечная мерзлота, полярная ночь, недостаток инфраструктуры для поддержания экономической деятельности и быстрого реагирования в случае экологического инцидента (например, разлив нефти при повреждении обшивки танкера). Поэтому перед тем как СМП и СЗП станут полноценно функционировать, необходимо найти ответы на следующие вопросы: каким рискам подвергнется коммерческое судоходство в Северном ледовитом океане? Какие действия смогут предпринять морские страховые клубы в случае наступления страхового случая и какова будет их политика в целом? Насколько быстро смогут отреагировать береговые службы при возникновении экологической угрозы?

Здесь необходимо упомянуть проект Полярного кодекса, разрабатываемый Международной морской организацией (ИМО). Полярный кодекс станет юридически обязывающим документом, регулирующим требования к обеспечению безопасности навигации в ледовой обстановке: постройка, оборудования, эксплуатация судов, специализированная подготовка экипажа, поиск и спасение, противодействие риску экологического загрязнения. Полярный кодекс будет включать положения Конвенции по морскому праву, СОЛАС³³, МАРПОЛ³⁴, ПДМНВ³⁵ и другие рекомендации и требования ИМО³⁶.

СМП и СЗП, как магнит, привлекают и те страны, у которых нет прямого выхода ни в Северный Ледовитый океан, ни в Арктический регион в целом. В первую очередь, это набирающие обороты азиатские экономики, такие державы, как Китай, Южная Корея, Япония и Индия. Также в коммерческом судоходстве интерес стоит отметить США, Дании, Германии и Европейского Союза в целом. Эти страны опираются на право транзитного прохода, закрепленного в Конвенции по морскому праву, и называют СМП и СЗП частью международной транспортной системы. Все суда и летательные аппараты пользуются правом транзитного прохода, которому не должно чиниться препятствий, за исключением того, что, если пролив образуется островом государства, граничащего с проливом, и его континентальной частью... 37. Транзитный проход представляет собой... свободу судоходства и полета единственно с целью непрерывного и быстрого транзита через пролив между одной частью открытого моря или исключительной экономической зоны и другой частью открытого моря или исключительной экономической зоны. Однако требование о непрерывном и быстром транзите не исключает проход через пролив для целей входа, выхода или возвращения из государства, граничащего с проливом, при соблюдении условий входа в такое государство (Ст. 38, § 1).

³³ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море, 1974 год.

³⁴ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов, 1983 год.

 $^{^{35}}$ Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несению вахты, 1978 год.

³⁶ Deggim H. Update on work to develop the Polar Code (October 2011). IMO, Marine Technology Section. URL: http://www.imo.org/MediaCentre/HotTopics/polar/Documents/polarcodePPT2011.pdf.

³⁷ Конвенция ООН по морскому праву, 1982 год. Ст. 38, § 1.1.

В 2009 году США опубликовал президентскую директиву³⁸, в которой четко высказывается позиция касательно СМП и СЗП как проливов, использующихся для международной навигации. К ним применим режим транзитного прохода.

Будущее развитие Арктической магистрали

Несмотря на все угрозы и риски, возможности и выгоды, которые несет арктическая транспортная система, главный вопрос заключается в том, кому этот арктический клондайк будет принадлежать? На данный момент единого правового режима, универсально признанного всеми нациями, в Северном Ледовитом океане не существует.

Во-первых, сама Конвенция по морскому праву не ратифицирована Соединенными Штатами. Во-вторых, мировому сообществу придется столкнуться с проблемой правовых режимов СМП и СЗП как национальных магистралей против концепции международных проливов. Другими словами, право мирного прохода против транзитного прохода.

В такой неопределенной ситуации любые акты проявления суверенитета, в том числе заявка в комиссию ООН по континентальному шельфу, политические заявления, разработка и внедрение внутренних нормативных актов – это демонстрация политических амбиций, которая имеет страна в регионе. Это способ дать понять, что у государства есть намерение и, более того, есть экономический потенциал эти амбиции реализовать.

Обоснованием для суверенитета является не только право открытия, или национальное законодательство, но и продолжительное и эффективное использование 39 . «Use it or lose it».

С этой точки зрения встает вопрос, каков сценарий будущего развития СМП и СЗП в Арктическом регионе? Доклад по арктическому морскому судоходству, подготовленный рабочей группой Арктического совета, предусматривает четыре варианта развития. Во внимание были приняты следующие факторы: уровень коммерческого спроса в судоходстве в водах Северного Ледовитого океана и стабильность в управлении.

- 1. Арктическая гонка: высокий спрос и непостоянное управление (ad hoc) могут спровоцировать борьбу за арктические ресурсы и богатства.
- 2. Полярная депрессия: низкий спрос и нестабильное управление превратит Арктику в дотационный регион со слабо развитой экономикой.
- 3. Полярная резервация: низкий спрос, но стабильное и эффективное управление будут тормозить экономическое развитие региона, что усилит экологическую защиту с возможными зонами, запретными для коммерческого судоходства.
- 4. Арктическая сага: высокий спрос и стабильное управление принесет экономическое процветание с учетом интересов коренных народов и экосистемного подхода защиты окружающей среды^{40, 41}.

³⁸ National Security Presidential Directive 66 / Homeland Security Presidential Directive 25 (NSPD 66/HSPD 25).

³⁹ Pharand D. Canada's Arctic waters in international law. Cambridge. 1988. P. 46.

⁴⁰ The Future of Arctic Marine Navigation in Mid-Century: Scenario Narratives Report Prepared for the Arctic Marine Shipping Assessment. May 2008. P. 5. URL: http://arctic-council.org/filearchive/AMSA% 20 Scenarios%20of%20the%20Future%20-%20%20Narratives%20Report.pdf .

⁴¹ Lackenbauer W. Mirror Images: Canada, Russia and the circumpolar world. International Journal. 2010. P. 880.

И хотя некоторые политики ставят под сомнение, насколько СМП и СЗП могут быть экономически выгодными, если судоходство не будет осуществляться круглый год, необходимо принимать во внимания тенденции последних летних навигационных сезонов. Коммерческое судоходство по СМП в 2011 году началось 29 июня и продлилось до середины ноября. По данным «Росатомфлота», транзитные перевозки по СМП в 2010 году составили около 100 тыс. т, в 2011 достигли 820 тыс. т⁴². Очевидно, что СМП вместе СЗП со временем откроют конкурентно способную, альтернативную транспортную систему морских коммуникаций, в которой нуждаются современные торговые потоки. Будущее правового режима будет зависеть от того, какие меры Россия и Канада предпримут для защиты своего суверенитета, и каким образом эти государства станут контролировать международное судоходство.

Так или иначе позиции Канады и России в отношении коммерческого мореплавания очень схожи и направлены на развитие новой международной транспортной системы при строгом соблюдении внутреннего законодательства и норм международного морского права. Канада и Россия активно работают над укреплением национальных нормативно-правовых режимов судоходства, а также над применением в регионе экономико-социальных стратегий. Что касается инфраструктурного развития, то и здесь цели двух стран совпадают. Более того, на сегодняшний момент СМП является более конкурентно способным: во-первых, так как географически расположен южнее, чем СЗП, своих северных прибрежных территорий; во-вторых, частично портовая инфраструктура на протяжении всего побережья существует еще с советских времен, и в настоящий момент вопрос стоит о ее модернизации; в-третьих, это российский атомный ледокольный флот.

Несомненно, интенсификация арктического мореплавания станет катализатором экономического развития Крайнего Севера, принесет инфраструктуру и поддержит благосостояние регионов. Однако несмотря на оптимистические прогнозы на будущее арктической транспортной магистрали, на данный момент не ясно в полной мере, насколько реален сценарий арктической саги, так как нельзя не отрицать факт наращивания экономического потенциала наряду с потенциалом военным. В данном контексте особенно важно подчеркнуть значимость инструментов международного права при столкновении интересов разных стран по ратификация Конвенции ООН по морскому праву и соблюдении принципов Илулиссаткой декларации решать все споры мирным путем⁴³. Кроме того, важно усилить роль Международной морской организации и эффективность системы регулирования арктической навигации, в том числе при внедрении Полярного кодекса, завершение работы над которым ожидается в 2012 году. И наконец, при переговорах важно использовать потенциал Арктического совета как межправительственного форума.

 $^{^{42}}$ Навигация на Севморпути подходит к завершению. URL: http://ria.ru/arctic_news/20111107/483170175.html.

⁴³ The Iulissat Declaration. Arctic Ocean Conference, Ilulissat, Greenland, 27-29 May 2008.

Литература

- 1. Конвенция ООН по морскому праву. 10 декабря 1982 года. URL: http://www.un.org/russian/documen/convents/lawsea.html (дата обращения: 15.09.2011).
- 2. Илулиссатская декларация. 29 мая 2008 года. URL: http://www.oceanlaw.org/ downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf.
- 3. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 27 июля 2001 года. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/34.html (дата обращения: 15.09.2011).
- 4. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждено президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 18 сентября 2008 года // Российская газета. 2009. 30 марта. № 4877.
- 5. Правила плавания по трассам Северного морского пути. Утверждены Министерством морского флота СССР 14 сентября 1990 года. URL: http://www.morflot.ru/about/sevmorput/(дата обращения: 20.09.2011).
- 6. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Приказом Минтранса России от 12 мая 2005 года. № 45. URL: http://www.mintrans.ru/ documents/detail.php?ELEMENT_ID=3023&phrase_id=147388 (дата обращения: 20.09.2011).
- 7. ФЗ РФ от 26.02.97 № 30-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции ООН по морскому праву».
- 8. Речь М. Горбачёва на торжественном собрании по случаю вручения ордена Ленина и Золотой Звезды городу Мурманску. Мурманск, 1 октября 1987 года. URL: http://www.barentsinfo.fi/docs/Gorbachev_speech.pdf (дата обращения: 20.09.2011).
- 9. United Nations Convention on the Law of the Sea: Declarations made upon signature, ratification, accession or succession or anytime thereafter. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_declarations.htm (дата обращения: 10.03.2012).
- 10. Canada and United States of America Agreement on Arctic cooperation. Signed at Ottawa on 11 January 1988. United Treaty Collection. URL: http://untreaty.un.org/unts/60001_120000/30/4/00058175.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
- 11. Canada's Northern Strategy. Government of Canada. URL: http://www.northern strategy.ca/nsc-eng.asp (дата обращения: 20.09.2011).
- 12. Arctic Waters Pollution Prevention Act, 18-19 Eliz. 2. P. 47 (Can. 1970).
- 13. Shipping Safety Control Zones Order, C. R. C. P. 356 (Can.).
- 14. Arctic Shipping Pollution Prevention Regulations, C. R. C. P. 353 (Can.).
- 15. Arctic Waters Pollution Prevention Regulations, C. R. C. P. 354.
- 16. Oceans Act, S. C. 1996, P. 31.
- 17. National Security Presidential Directive 66 / Homeland Security Presidential Directive 25 (NSPD 66/HSPD 25).

- 18. Press Release, Office of the Prime Minister, PM Announces Plan to Identify and Defend Northern Resources (Aug. 26, 2008). URL: http://www.pm.gc.ca/ eng/media.asp?category=1&id=2242.
- 19. Международное публичное право. Под ред. К. А. Бекяшева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 784 с.
- 20. Brownlie I. Principles of Public International Law. Seventh Edition. 2008. Oxford University Press Inc., New York. P. 784.
- 21. Pharand D. Canada's Arctic Waters in International Law. Cambridge University Press. 1988. XVII + 288 pp.
- 22. Arctic Sea Ice News and Analysis. US National Snow and Ice Data Centre webpage. URL: http://nsidc.org/arcticseaicenews/index.html (дата обращения: 20.09.2011).
- 23. Byers M. Time to negotiate the NWP with the USA. Policy Options. October 2011. P. 68-72. URL: http://www.irpp.org/po/archive/oct11/byers.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
- 24. Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? Vanderbilt Journal of Transnational Law. Volume 42. December, 2009. Pp. 1134–1206.
- 25. Canada U. S. Relationa in the Arctic: A neighbourly proposal. Canadian Ministry of Defence and Foreign Affairs Institute. URL: http://www.cdfai.org/PDF/Canada-U.S.%20Relations%20in%20the%20Arctic%20%20A%20Neighbourly%20Proposal.pdf.
- 26. Deggim H. Update on work to develop the Polar Code (October 2011). IMO, Marine Technology Section. URL: http://www.imo.org/MediaCentre/HotTopics/polar/ Documents/polarcodePPT2011.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
- 27. Fact Sheet. Northern Sea Route project. 26 August 2010. URL: http://www.nordicbulkcarriers.com/ images/Media/Filer/nsr_factsheet_uk.pdf (дата обращения: 20.09.2011).
- 28. International Northern Sea Route Programme (INSROP). Developed by the Fridtjof Nansen Institute, Oslo Norway. URL: http://www.fni.no/insrop/#Overview (дата обращения: 20.09.2011).
- 29. Maintaining the Order in the Arctic Ocean: Cooperation and Confrontation among Coastal Nations. East Asian Strategic Review National Institute for Defence Studies. Tokyo, Japan. 2011. P. 59–85.
- 30. Lackenbauer W. Mirror Images: Canada, Russia and the circumpolar world. International Journal. October 2010 P. 879–895.
- 31. Lalonde S. Increased Traffic through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness. 38 Revue Juridique Themis. Montreal, Canada. 2004. P. 53–124.
- 32. Lawson W. Brigham Think Again: The Arctic. The Foreign policy webpage. URL: http://www.foreignpolicy.com/ articles/2010/08/16/think_again_the_arctic (дата обращения: 15.09.2011).
- 33. Position Paper for 6th Open Assembly of the Northern Research Forum. Hveragerði, Iceland, September 4-6, 2011. Canada and the North Insufficient Security Resources Then and Now. Prepared by Colonel (Retired) Pierre Leblanc.

- 34. Pharand D. The Arctic Waters and the Northwest passage: A Final Revisit. Ocean Development and International Law. Volum 38. Issues 1 and 2. January 2007. Pp. 3–69.
- 35. Sharma D. C. Ports in a Storm. Environmental Health Perspectives. Volume 114. Number 4. April 2006. Pp. A222-231.
- 36. Timchenko L. Russia and the International law regime of the Arctic // Norway and Russia in the Arctic: Conference proceeding from the international conference 'Norway and Russia in the Arctic'. Longyerbyen, 25–28 August 2009. The Publication Series of the Department of the History and religious Studies. University of Tromsø, Norway. Speculum Boreale no-12. P. 40–47.
- 37. The Panda Bear Readies to Meet the Polar Bear. China and Canada's Arctic Sovereignty challenge. Canadian Ministry of Defence and Foreign Affairs Institute. URL: http://www.cdfai.org/ PDF/The%20Panda%20Bear%20Readies %20to%20Meet% 20the%20Polar%20Bear.pdf (дата обращения: 20.09.2011).
- 38. The Future of Arctic Marine Navigation in Mid-Century: Scenario Narratives Report Prepared for the Arctic Marine Shipping Assessment. May 2008. URL: http://arctic-council.org/filearchive/AMSA%20Scenarios%20of%20the%20Future%20%20%20Narrative s%20Report.pdf (дата обращения: 20.09.2011).
- 39. Арктика получит новые ледоколы и рациональные решения. URL: http://www. arcticuniverse.com/ru/news/20110808/01206.html (дата обращения: 20.09.2011).
- 40. Рекорд скорости на Севморпути установил супертанкер Barents Observer. URL: http://www.barentsobserver.com/cppage.4954407-16149.html (дата обращения: 20.09.2011).
- 41. Навигация на Севморпути подходит к завершению. URL: http://ria.ru/arctic_news/20111107/483170175.html (дата обращения: 20.09.2011).

Рецензент – Буторин Михаил Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент.

Исторические науки, этнология и антропология

УДК 316.3:39(=1.470.1)(045)

О русском поморе замолвите слово

© **Лукин** Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, директор института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 (8182) 68 34 47. E-mail: ylukin@atnet.ru.

В статье рассматриваются концептуальные подходы к определению понятий «поморы», «русские поморы» в историческом и современном понимании.

Ключевые слова: поморы, русские поморы, Архангельская область.

About Russian Pomor say a word

© *Lukin* Yury Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 (8182) 68 34 47. E-mail: ylukin@atnet.ru.

Abstract

Conceptual approaches 2 definition of concepts 'pomors', 'Russian Pomors' in historical and modern understanding are considered.

Keywords: Pomors, Russian Pomors, the Arkhangelsk region.

В основу статьи положены материалы, опубликованные мною ранее на сайте журнала «Арктика и Север», дополненные и переработанные¹. Актуальность той публикации отнюдь не уменьшилась, а даже возросла. В 2011 году в средствах массовой информации прошла дискуссия по широкому кругу вопросов, связанных с поморской проблематикой. Здесь особенно отличилось информационное агентство REGNUM, опубликовавшее за 10 лет (с 2002 года к маю 2012 года) 216 новостей по теме «Поморский вопрос». В Архангельске 17–19 сентября 2011 года состоялся IV межрегиональный съезд поморов. 2011 год в Архангельской области прошел под знаком года Поморской культуры, что актуализирует проблему культурно-исторической идентичности поморов. Поморы или русские поморы – как правильно идентифицировать эти общности сегодня в зависимости от их местоположения не только территориального, но и духовно-культурного? Появилось письмо Архангельской группы ВК «Суть времени» (текущий координатор – Г. А. Ефремова)², множество других публикаций.

Опубликованы итоги Всероссийской переписи 2010 года, согласно которой количество поморов в Архангельской области уменьшилось в три раза – до 2 015 человек. По Всероссий-

¹ Не стыдно говорить о русских поморах. 19.01.2011. URL: http://narfu.ru/aan/arctic_ news/ russian_pomori.pdf (дата обращения: 30.04.2012).

² Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. URL: http://www.regnum.ru/news/1520536.html (дата обращения: 01.05.2012). Редакция журнала «Арктика и Север» публикует полный текст письма в приложении к этому разделу.

ской переписи населения 2002 года, *самоидентифицировали* себя как поморы 6 571 человек, в том числе 6 289 (95,7 %) в Архангельской области.

На прошедшем 15 сентября 2011 года круглом столе в институте управления и регионологии САФУ также был обозначен ряд актуальных проблем, требующих продолжения научных исследований поморского вопроса. Чрезвычайно актуальными в последние годы на Западе и в России стали проблемы кризиса мультикультурализма, толерантности, поиска этнической, историко-культурной идентичности в условиях ее политизации и интернационализации. Необходимо понять, насколько актуальны проблемы идентичности, толерантности, партнерства и арктической солидарности для России. Какая роль отводится русским (в том числе поморам), ненцам, саамам, коми, якутам, эвенкам, чукчам и другим коренным северным народам в большой геополитической борьбе за арктические природные ресурсы? Эти и другие вопросы по-прежнему остаются открытыми и требует публичного обсуждения, проведения дальнейших научных исследований, в том числе на материалах Арктики и Севера.

В статье из альманаха «Лица России» говорится, что «у поморов славная история. Из поморов вышли такие знаменитые люди, как ученый Михаил Ломоносов, скульптор Фёдор Шубин, священник Иоанн Кронштадтский, а также такие землепроходцы, как Ермак Тимофеевич, Семен Дежнёв, Ерофей Хабаров. Бессменный управитель Аляски Александр Баранов тоже был родом из поморов»³. Что это: очередной исторический миф или существуют какието реальные основания относить к поморам всех знаменитых людей Русского Севера, Двинской земли, Пинежья, Каргополья?

Кто же они такие – поморы? Коренной малочисленный народ, самобытный этнос как ненцы, саамы, эвенки? Особая культурно-историческая группа российского народа – русские поморы, как казаки, сибиряки? Духовно-культурная общность поморов как староверов, общин Древлеправославной поморской церкви? Современный собирательный термин для всех жителей Беломорья, исторически изначально занимающихся мореходством и морскими промыслами? Или современные поморы – это все граждане РФ, относящие себя ментально в ходе Всероссийских переписей 2002, 2010 годов к поморам? Это духовно-культурная идентификация, поморский менталитет любого гражданина глобального социума, всего мира. «Включенность человека в этничность - проблема психологическая», - считает Валерий Собольников, профессор кафедры ЮНЕСКО при НГУ и СО РАН. То есть, в определении этнической идентичности многое зависит от самоидентификации самой личности, ее менталитета, социально-психических качеств. Какие черты поморского характера, какие качества являются определяющими в этом случае? Что такое «поморская душа»? У меня нет готовых ответов на все эти и другие вопросы. Публикуя в данном номере журнала различные точки зрения по поморскому вопросу, мы вместе с вами, уважаемые читатели, попытаемся приблизиться к пониманию поставленных проблем.

Накал эмоций вокруг поморского вопроса в прошлом году вышел за рамки научной дискуссии, приобрел политическую окраску и обострился с этической точки зрения, принимая не совсем корректные формы, когда негативной критике к месту и не к месту подвергаются даже ушедшие в мир иной люди, которые не могут ответить на обвинения в свой адрес.

_

³ URL: http://www.rusnations.ru/etnos/pomor/.

Безусловно, каждый участник дискуссии имеет право высказать свое мнение, определить свою позицию в спорных моментах, уважая и признавая при этом право оппонента на иную точку зрения, не переходя на личности и не переступая грань этичности. Как известно, истина рождается в споре, но только в рамках приличия, уважения к другому мнению.

Почему поморский вопрос стал таким актуальным? Одной из основных причин этого является его политизация. Поморы становятся разменной монетой в геополитическом противостоянии России с западными странами, в первую очередь с США, Норвегией, в арктическом пространстве. Борьба за раздел Арктики в самых различных формах еще далеко не завершена. Проблемы идентичности, культурного самоопределения и качества жизнедеятельности коренных народов Арктики и Севера наполняются социально-экономическим, политическим содержанием и становятся не очень затратным инструментом интернационализации в освоении богатейших природных ресурсов (нефть, газ) и всего арктического многослойного пространства. Речь идет не только исключительно о поморах. Подобная роль отводится саамам, ненцам и другим коренным народам. Русские при этом умышленно или неумышленно как бы отходят на второй план, размывается их культурно-историческая общность, появляются поморы, сибиряки, казаки. Мы как бы стеснялись, считали не совсем этичным говорить о защите прав русского народа. И только в последние годы ситуация изменилась. «Мы должны уделять внимание нашей многонациональной культуре, но, вне всякого сомнения, особое внимание должно уделяться русской культуре. Это - основа, это - костяк развития всей нашей многонациональной культуры. Это нормально, и об этом должно быть не стыдно говорить» [1, 2011].

К сожалению, об этом стало стыдно почему-то говорить в год Поморской культуры в Архангельской области. В региональном общественном мнении сформировалось две основные позиции: одни считают поморов малочисленным коренным народом Севера, другие – неотъемлемой частью великого русского народа. Две этих позиции особенно ярко проявились в ходе подготовки и проведения года Поморской культуры. На заседании оргкомитета 14 января 2011 года обсуждались, например, около 40 социально-экономических, культурных мероприятий по развитию культурного и исторического наследия, по поддержке людей, ведущих традиционные промыслы на побережье Белого моря, популяризации поморской культуры за пределами нашего региона. Все они проводились правительством Архангельской области совместно с Ассоциацией поморов Архангельской области, объединившей в своем составе девять основных поморских объединений⁴. Однако показательно, что в проекте плана мероприятий года Поморской культуры не было даже упоминания о русской культуре, как будто поморы вообще и не были русскими людьми. Вся Архангельская область отождествлялась исключительно с интернациональным понятием «Поморье», а не с «Русским Севером».

Бывший тогда губернатором Архангельской области И. Ф. Михальчук в своем послании областному собранию 21 декабря 2010 года, объявляя год Поморской культуры, мотивировал свою позицию потребностью в использовании двух символических брендов: «В наступающем году (2011) мы будем отмечать 300-летний юбилей нашего земляка, великого рос-

 $^{^4}$ 2011 год объявлен годом Поморской культуры. URL: http://www.dvinaland.ru/prcenter/release/16812/ (дата обращения: 19.01.2011).

сийского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. ...Ломоносов – это тот самый бренд, который призван на основе сохранения и преумножения наших северных традиций сделать Поморский край современным, процветающим и комфортным для жизни. Поэтому я объявляю предстоящий Ломоносовский год и годом Поморской культуры. Под этими объединяющими символами Архангельской области мы будем осуществлять демографическую, социальную, молодежную политику, модернизировать экономику, повышать эффективность государственной и муниципальной власти»⁵. По-существу, в этом документе четко обозначены политические интересы власти в использовании поморского бренда для повышения эффективности управления регионом.

Зачем был нужен национально-культурной автономии поморов Архангельской области и другим поморским объединениям официальный статус поморов как коренного малочисленного народа? Причина также достаточно банальна в наше время – это реальный бизнеспроект, направленный на получение каких-то дивидентов. Статус коренного народа поморов, саамов, ненцев гарантирует финансовые поступления от компаний, ведущих хозяйственную деятельность на территории их проживания, где разворачивается интенсивная добыча нефти и газа, других природных ресурсов. «Фактически, идет поиск народного духа для того, чтобы перераспределить добывающиеся в регионе нефтегазовые и алмазные ресурсы. Это – экономическая сторона этноренессанса поморов, не отменяющая культурную и политическую составляющую этого самого возрождения», – отмечал на IV съезде поморов В. Д. Трофимов-Трофимов, глава комитета Общественной палаты Санкт-Петербурга по межэтническому взаимодействию, эксперт Центра социально-консервативной политики Северо-Запада по выработке предложений в сфере миграционной политики [2].

Политические интересы власти и социально-экономические потребности части поморских общественных организаций, таким образом, на уровне региона в поморском вопросе сомкнулись. И властью, и поморскими общественными объединениями ставилась одна общая задача – получить статус для поморов как малочисленного коренного народа, то есть осознанно или неосознанно (по недомыслию власть предержащих) фактически расколоть единый русский народ на региональном уровне в условиях сложнейшей межнациональной ситуации в стране. Все возражения при этом отклонялись.

Однако в противовес официальной позиции региональной власти и части поморских общественных объединений в ходе дискуссий все же сформировалась и укрепилась другая позиция, что поморы являются неотъемлемой частью русского народа. Поморы, по моему мнению, – это часть русского народа, отличающая в историческом прошлом самобытной культурой, социальной организацией проживания, традиционным хозяйствованием, промыслами и природопользованием, осознающая себя самостоятельной культурно-исторической общностью, возникшей в результате длительной эволюции и ассимиляционных процессов на северных территориях, примыкающих к водным пространствам арктических

⁶ Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. URL: http://www.regnum.ru/news/1520536.html (дата обращения: 01.05.2012).

⁵ Послание губернатора Архангельской области архангельскому областному собранию депутатов о социально-экономическом и общественно-политическом положении в Архангельской области. 21 декабря 2010 года. URL: http://www.dvinaland.ru/power/head/appearances/16580/ (дата обращения: 19.01.2011).

морей и рек, в них впадающих. Культурно-историческая общность поморов складывалась на побережье Белого и Баренцева морей в среде севернорусского населения на протяжении нескольких столетий. Условно можно назвать их российскими или русскими поморами, подчеркивая, тем самым, локальное местоположение, ареал распространения поморского уклада жизнедеятельности и отличие от современных интернациональных поморов. Поморы «по морю ходили», занимались морскими и другими промыслами, обычно населяли территории, примыкающие к водному пространству. Помор – это «тот, кто живет возле моря», то есть житель прибрежной полосы. «Поморы – это потомки русских, заселивших регион Белого моря в средние века», говорится в статье «Кем были поморы?», размещенной на сайте Поморского музея в норвежском городе Вардё⁷. Фредди Мак отмечает, что название «Ротогз» получается из «Ротогзку» (буквально «морской») побережья Белого моря между Онежским озером и Кемью, имея корень «больше», означающий «море», в основе которого лежит индоевропейский корень [3, 2011].

Отвечая в октябре 2011 года на вопрос о том, кем являются поморы, доктор исторических наук, профессор Ю. П. Шабаев подчеркнул, что «поморы как этнографическая группа русских сформировались к XVIII веку. В начале XX века поморская идентичность практически исчезла. Поморы, или поморцы, проживали на побережье Белого и Баренцева морей, которые были освоены русскими очень рано. Поморы издавна занимались морскими промыслами, торговым мореплаванием и судостроением. С конца XVII века среди них существенно возрастает доля раскольников, вынужденных в силу гонений покидать центральные районы страны. Осознание себя единой этнотерриториальной общностью произошло лишь после строительства Архангельска, куда поморы приезжали для торговли рыбой, где их и стали называть «поморами». Население Поморья делилось на целый ряд локальных культурных групп: мезенцы, пинежане, лешуконцы и так далее, которые обладали собственными самоназваниями и локальным самосознанием, культурными и языковыми особенностями. Сам этноним «поморы» и локальное поморское самосознание, по существу, были размыты уже к концу XIX века, а в XX столетии поморская идентичность полностью перестала быть актуальной» [4, 2011].

В своей статье профессор Ю. П. Шабаев отвечает и на другие актуальные вопросы: о начале этностроительства в Архангельске, культурной политике норвежцев, современной поморской идентичности в этностроительстве в Архангельске, о создаваемом Иваном Мосеевым «языке поморов», о целях нынешнего движения поморов в Архангельске, о движении «поморского возрождения», региональном сепаратизме элит и плане расчленения России. Он дает общую оценку деятельности нынешнего поморского движения в Архангельске и формулирует рекомендации геополитическому противнику [4, 2011].

Критерии этнической идентичности поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов исследутся в статье магистра Анны Пыжовой⁸, публикуемой в настоящем номере [5, 2012]. Рассматривая поморскую этничность по нескольким пунктам, которые примордиализм берет за основу, А. Пыжова анализирует 1) антропологи-

⁷ Кем были поморы? URL: http://www.pomor.no/rus/articles.php?conID=3 (дата обращения: 14.01.2011).

⁸ Анна Пыжова – выпускница института управления и регионологии САФУ (Архангельск), в 2011 году защитила магистерскую диссертацию в Университете Тромсё (Норвегия).

ческие черты, отмечая, что внешний облик поморов совпадает со славянским; 2) общую территорию проживания как довольно спорную характеристику для определения отдельной этнической группы; 3) традиционные промыслы и занятия, выступающие в качестве важного критерия для определения этничности, хотя прямой взаимозависимости между занятием и этнической принадлежностью не наблюдается; 4) самосознание является одним из самых спорных критериев, абстрактным и обтекаемым для того, чтобы брать его в расчет, анализируя этническую идентичность; 5) факторы кровного родства выступают одними из решающих и определяющих, если в роду имелись поморы. Однако насколько глубоко должно идти родство, чтобы называться помором? Достаточно иметь родителей, которые называли себя поморами или только одного родителя? Если этническая принадлежность дается от рождения, то какие же критерии необходимо брать в расчет, чтобы определить этническую идентичность ребенка при межэтнических браках? 6) язык. Одни ученые считают, что прямой взаимозависимости между этничностью и языком нет, другие, наоборот, определяют язык как один из основных факторов сохранения и поддержания этничности в группе. Однако существуют примеры, когда члены этнической группы не используют язык этой группы как средство коммуникации и разговаривают на языке большинства, однако продолжают ассоциировать себя с определенной этнической группой. Поморский говор вышел из повседневного оборота и представляется сейчас символической ценностью, не влияющей на поморскую этничность [5, 2012].

А. Пыжова, проанализировав все вышеперечисленные факторы, пришла к выводу, что многие культурные и биологические черты не могут выступать как абсолютные факторы для определения этнической принадлежности человека. Антропологи выделяют непрерывное взаимодействие и изменения современного мира, подчеркивая, что понятие «этничность» отражает динамику контактов и взаимоотношений между группами; она ситуативна и подвижна.

Несомненно, в XXI веке происходит трансформация культурно-исторической идентичности поморов. Если ранее определяющими были критерии места расселения (Беломорье), новгородское происхождение поморов, приоритет морской культуры, морских промыслов и другие, то сегодня важнее всего ментальное самоопределение, духовно-культурная и психологическая самоидентификация гражданина, где бы он ни проживал, чем бы он ни занимался, к какому бы этносу ни принадлежал. Понятие «поморы» все больше характеризует межэтническую духовно-культурную общность. «Современные поморы» есть в России, Норвегии, Польше и в других странах. Любой человек на Земле в условиях постмодернизма как широкого спектра различных подходов и точек зрения, диалога культур и современного духа времени может отнести себя к «поморам» или к другой общности по своему менталитету, культуре, мировосприятию. «Поморы» - это современный концепт, в основе которого проявляется интернациональная общность какой-то небольшой части землян. Поэтому и возникает проблема различения концептов «помор» и «русский помор». Понятие «русские поморы» условно можно употреблять чаще всего применительно к историческому прошлому России. Однако и в современных условиях имеется смысл различать эти два понятия, чтобы понимать, о каких поморах идет речь, где территориально они расположены, где живут (локализация, местоположение). Индикатор локализации территориальной этничности имеет важное значение в связи с дискуссией о том, кем являются сегодня российские поморы – интернациональной общностью или неотъемлемой частью русского народа.

Кроме того, нужно учитывать, что и сам концепт «Поморье» – интернациональное понятие, существущее не только в России, но и в Польше, Болгарии. Ротогге – это северная, прибалтийская часть Польши, которая состоит из Западного и Восточного (Гданьского) Поморья. В X веке Поморье, населенное, главным образом, поморянами, вошло в Польское государство. Длительное время Западное (нем. «Роттеп» – Померания) и Восточное Поморье (нем. «Роттеп») было под германским господством. Версальским мирным договором 1919 года Восточное Поморье (без Гданьска с округом) возвращено Польше. Берлинской конференцией 1945 западная граница Польши установлена по Одре и Нысе-Лужицкой.

В Болгарии Поморие, как и многие города болгарского побережья Черного моря, был основан выходцами одной из древнегреческих колоний на болгарском побережье – Аполлония (сегодняшний Созополь), на месте фракийского поселения, которое существовало здесь три тысячи лет назад¹⁰.

В Норвегии сегодня используется концепт «Pomor Zone». Это понятие встречается в таких проектах, как Barents 2020 – A tool for a forward-looking High North policy (Осло, 2006), Barents 2058 – Scenarios for the Pomor Zone (Kirkenes, Barents Spektakel, 2009) и др. 11 Под «Pomor Zone» понимается норвежско-российская индустриальная и экономическая зона сотрудничества. Проект Barents 2058 нацеливается на совместный норвежско-российский пограничный район Баренцева моря, объединенный общей новой инфраструктурой и экономическими соглашениями, сотрудничеством в торговле и промышленности, охраной морей от незаконного лова рыбы, пиратства и беженцев, аквакультурой вместо добычи нефти.

В норвежском городе Вардё, как уже упоминалось, функционирует Поморский музей. И норвежцы, и русские рассматривали Вардё как «поморскую столицу Норвегии». Для облегчения общения друг с другом во время торга норвежскими рыбаками и поморами был создан общий язык. Этот торговый язык назывался «руссенорском» («моя-по-твоя»). Всего в руссенорске зарегистрировано менее 400 слов, половина из которых упоминалась в письменных источниках только один раз. Постоянное ядро языка состояло примерно из 150 слов. Около 50 % слов норвежского происхождения, 40 % – русского, остальные слова – заимствования из других языков, в частности английского, голландского, нижненемецкого, финского и саамского. Преобладание в лексике слов норвежского происхождения можно объяснить тем, что этим языком пользовались, главным образом, в Норвегии 12.

В связи с тем, что понятие «Поморье» употребляется в других странах, имеет смысл четко идентифицировать употребляемый у нас концепт «Поморье» как «российское Поморье», то есть различать эти понятия в зависимости от времени исследования и локального место-положения. Российское Поморье понимается в исторической динамике, во-первых, в узком

⁹ Pomorze. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/239982 (дата обращения: 15.01.2011).

¹⁰ Поморие. URL: http://www.pomorye.ru/ (дата обращения: 15.01.2011).

¹¹ Barents 2020. Oslo, September 2006. URL: http://www.regjeringen.no/upload/UD/ Vedlegg/barents2020e.pdf (дата обращения: 16.01.2011).

¹² Руссенорск. URL: http://www.pomor.no/rus/articles.php?conID=3 (дата обращения: 15.01.2011).

смысле (Поморский берег) только как южный берег Белого моря от Онеги до Кеми. Вовторых, российское Поморье – это все беломорское побережье с прилегающими прибрежными районами, включая Архангельск, Онегу, Кандалакшу, Кемь, Белозерск, Мезень и т. д. Втретьих, российское Поморье в широком, почти мифическом понимании включало весь Русский Север от Карелии до Урала. Так, В. А. Добрыднёв в своей диссертации «Поморье и колонизация Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII века)» отмечал: «...Поморья, простиравшегося от границ с Финляндией до Уральских гор и от побережья Северного Ледовитого океана до Замосковных городов (в источниках эти земли именуются Поморскими городами, а их население – поморцами)» [6, с. 11]. В-четвертых, еще одно геополитическое Поморье, скорее виртуальное, чем реальное, в сетке существующих в конце XX – начале XXI века административно-территориальных координат России: Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ и Республика Карелия, имеющие прямой выход к Белому, Баренцеву и Карскому морям.

Называя уезды Европейского Севера России Поморьем, А. М. Кондрескул в своей диссертации отмечал их органическую целостность, проявляющуюся в сходстве природногеографического положения, общности культурного, общественного и политического развития. Такое предельно широкое толкование поморского пространства он переносил и на современность, указывая, что эти территории занимают республики Карелия и Коми, а также Архангельская, Вологодская, Мурманская, Кировская и частично Пермская область Российской Федерации [7, с. 8]. Однако ни Республика Коми, ни Вологодская, Кировская и Пермская области не имеют сегодня непосредственного (прямого) выхода к побережью северных морей и поэтому не могут включаться геополитически в состав современного российского Поморья, пусть и виртуального, чисто символического.

Не случайно, в открытом письме губернатору Архангельской области И. А. Орлову используемый бренд «Поморье» метко назван «вирусом, внедряемым в общественное сознание». Под культурно-историческим и коммерческо-туристским брендом «Поморье» лидеры поморской национально-культурной автономии сознательно скрывают геополитическую авантюру – создание автономной поморской территории для установления «контроля над севернорусскими и приарктическими пространствами Европейского Севера России»¹³.

В связи с обсуждением поморского вопроса необходимо продолжить осмысление *роли* моря в развитии поморов как этнографической группы русского народа. Можно ли относить население, проживающее, например, в Коноше, Каргополе, Няндоме, Плесецке и в других местах, удаленных не только от Белого моря, но и вообще от крупных речных артерий, к поморам? Правомерно ли вообще всю Архангельскую область включать в современное геополитическое Поморье? «Мы прилагаем все усилия, чтобы жители области говорили: я – помор, испытываю чувство национальной гордости за свою малую родину», – считает Павел Есипов, председатель правления Национально-культурной автономии поморов Архангельской области ¹⁴. Известный краевед Александр Тунгусов еще в 2003 году в своей заметке «Мы – поморы? Негоже всей области в угоду коньюнктуре отказываться от своей национальности» отно-

 $^{^{13}}$ Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. URL: http://www.regnum.ru/news/1520536.html (дата обращения: 01.05.2012).

¹⁴ Правда Севера. 2011. 14 сентября.

сил к поморам только тех, кто живет на берегу моря, в Онежском, Приморском, Мезенском и отчасти в Холмогорском районах. Он с неудоумением писал о двойственности в наименовании региона – официального и неофициального, имея в виду к месту и не к месту употребление слов «Поморье», «поморские», «поморский характер», «поморская политика», «поморское возрождение» и т. п. «Выходит, мы все – поморы? Но ведь жители Верхнетоемского, Виноградовского, Красноборского, Котласского, Вилегодского, Ленского, Вельского, Каргопольского, Устьянского и ряда других районов не называют себя поморами, хотя, возможно, кто-то из них и бывал на морских промыслах» [8, 2003].

Северные моря испокон веков кормили русских поморов. Л. Н. Гумилёв считал, что море при определенных условиях играло структурирующую роль в этногенезе. Именно такой была роль Белого моря. Основные поморские поселения расположены вдоль побережья в устьях рек, впадающих в Белое море. Массовые промыслы рыбы или морского зверя производились в четырех больших заливах (губах) и множестве мелких губ. Белое море обычно покрыто льдом в течении 6–7 месяцев. Самым лучшим временем для плавания по Белому морю был период между весной и осенью. Не случайно, поэтому, в среде русских поморов выделялось особое отношение к воде, которая поила и кормила (культ воды); языческое поклонение воде, родникам; привычка не бросать в море, реку мусор (экологические традиции); гостеприимство и другие обычаи. Культурно-исторические особенности характера поморов были обусловлены локальным географическим фактором, необходимостью приспособиться и выжить в условиях Приполярья, в ранее непривычной для русского населения природной зоне, на морском побережье.

Крайне тяжелые условия жизнедеятельности: суровый климат, необходимость приспособления к новой системе хозяйства и природной среде, длительные разлуки мужской и женской части населения, вызванные сезонными промыслами, участием в научно-промысловых экспедициях, зимовки на арктических островах в условиях долгой полярной ночи, смена периодов интенсивной деятельности и длительного вынужденного бездействия в ожидании путины, – все это приводило к жесткому отбору среди поморского населения. Выживали, приспосабливались и оставляли потомство далеко не все люди, пришедшие на побережье Белого моря. В результате длительной эволюции и сложился тип отважного промышленника, мореплавателя, первооткрывателя, гордого и свободного духом русского помора [9, с. 167]. Население северных поморских берегов России исторически имело одну общую социально-экономическую черту – понятие своей «особости», проявлявшееся в чувстве превосходства по отношению к своим соседям – земледельческому населению. Своих соседей-земледельцев низовские поморы, проживающие в устье Северной Двины, нередко называли «деревенскими», «крестьянами», «верховскими», не заключали с ними даже брачных связей.

Всестороннему анализу русской поморской культуры посвящена коллективная монография «Культура русских поморов: опыт системного исследования» под общей редакцией доктора культурологии П. Ю. Черносвитова [10, 2005]. Взаимодействие в прошлом культуры пришлого русского и аборигенного населения привело к сложению симбиотической поморской культуры. Процесс взаимодействия различных культур на одной территории проживания их носителей может рассматриваться как процесс взаимодействия различных адаптив-

ных систем, результатом которого будет становление некой новой симбиотической системы, способной на поведение, адекватное по главным жизнеобеспечивающим параметрам для сложившегося в конечном счете социума [10, с. 13]. Результаты исследования конкретного эмпирического материала, связанного с построением и функционированием системы жизнеобеспечения, позволяют найти ответы на вопросы о том, с какой скоростью и до какой степени трансформировалась в условиях проживания на Севере, в «непашенной зоне», традиционная русская система хозяйствования, и как быстро она включила в себя важнейшие жизнеобеспечивающие элементы аборигенных северных культур. Морской рыболовный и зверобойный промысел сделался основой поморского способа энергообеспечения; система расселения оказалась привязана территориально к системе промыслов через организацию промысловых становищ.

В. В. Ануфриев в своей монографии «Русские поморы: культурно-историческая идентичность» подчеркивал, что колонизация обширной евразийской территории явилась историческим подвигом русского народа [11, 2008]. Русские переселенцы, как правило, осваивали новые земли, не нарушая процессов этнического развития коренных народов, не навязывая им своего языка, религии и культуры насильственно.

Суровая северная природа и большие пространства сформировали особые черты поморского характера. Многое в их традициях перекликалось с обычаями соседних финноугорских народов. Заговоры, промысловая магия, ограничения на охоту и рыболовство, колыбельные песни, рассказы о нечистой силе в какой-то мере дошли и до наших дней. Решающее значение в сохранении консерватизма поморов имела стойкость традиций у северного крестьянства, особенно у старообрядческой части населения, последовательно боровшейся за сохранение старинных форм [12, с. 37].

В отечественной истории с конца XVII века вплоть до настоящего времени существует теснейшая взаимосвязь духовности поморов со старообрядчеством: поморское согласие, поморские ответы, бесопоповские толки, расколы, общины, Древлеправославная поморская церковь (ДЦП)¹⁵. На Выгозере, недалеко от селений Поморского берега, функционировал главнейший центр старообрядчества – «Поморское согласие» (Выговская обитель). В настоящее время в разных странах действуют семь духовных центров поморцев: 1) Российский Совет ДПЦ (с 1989 года; в 1909–1930 годах действовал Совет Всероссийский соборов и съездов поморцев, приемлющих брак) объединяет 75 общин, по другим данным – около 200. Опекает также поморцев стран, не имеющих духовных центров: Украины (в 1996 году – 18 общин), Молдовы, Казахстана (в 1996 году – 10 общин) и Киргизии. 2) Центральный Совет ДПЦ Лат-

¹⁵ Древлеправославная поморская церковь – объединение древлеправославных христиан-поморцев, не имеющих церковной иерархии, но составляющих единую церковь на основе соборов и молитвенного общения (ранее, прежде всего в советский период, нередко можно встретить наименование СПЦ; так называемые поморцы, брачные поморцы, брачные беспоповцы). Согласно поморцам, в богослужении староверы всегда называют себя православными христианами. Православными они называют себя и при общении между одноверцами, а чтобы подчеркнуть верность древней православной традиции и «не нарушить уже устоявшейся терминологии», все шире, начиная с 1980-х, употребляется название «древлеправославные христиане». Поморской церковь называется по месту прежнего расположения ее наиболее авторитетного духовного центра – Выговского общежития, находившегося в Поморье (историческое название северных земель России от Карелии до северного Урала). URL: http://starover-pomorec.ru/index. php?option=com_content &view=article& id=61:2011-05-06-11-34-35&catid=2 :service &Itemid=4 (дата обращения: 07.05.2012).

вии (с 1989 года; в 1920–1934 годах действовал Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии) объединяет 51 из 67 общин, зарегистрированных в Министерстве юстиции Латвии. 3) Высший Совет ДПЦ Литвы (в 1922–1940 и в 1942–1943 годах назывался Центральным Старообрядческим Советом Литвы; с 1943 по 2002 годы – Высший Старообрядческий Совет) объединяет 59 общин. 4) Высший Совет Восточной Старообрядческой Церкви, не имеющей духовной иерархии, в Польше (до 1993 года – Высший Старообрядческий Совет; действовал в 1925–1939 годах; затем – с 1983 года) объединяет 4 общины. 5) Союз старообрядческих общин Эстонии (с 1995 года; в 1929–1941 годах действовал ЦСС) объединяет 11 общин, среди них две федосеевские. 6) Центральный Совет ДПЦ Белоруссии (с октября 1998 года) объединяет 37 общин. 7) Конференция поморских общин в США объединяет четыре поморские общины¹⁶. Есть сведения о группах христиан-поморцев в таких странах, как Румыния, Финляндия, Швеция, Германия, Франция, Бразилия, Аргентина¹⁷. Координатор Движения по защите прав народов Павел Зарифуллин, выступая на съезде поморов 18 сентября 2011 года [13, 2011], высказал мнение, что для миллионов староверов во всем мире главнейшей настольной книгой по сию пору являются «Поморские ответы» братьев Денисовых¹⁸.

Таким образом, уже три столетия духовная культура поморов - старообрядчество, сформировавшись в одном из центров на Русском Севере, является интернациональной, межэтнической по распространению и восприятию, по своему духу. Однако остается открытым вопрос о том, все ли старообрядцы идентифицируют себя поморами? Как соотносятся между собой духовно-культурные общности староверов, входящих в ДЦП по всему миру, и современных, новых межэтнических (интернациональных) поморов, среди которых имеются протестанты, католики, православные, атеисты? Что реально объединяет сегодня поморов не как социально-этническую общность, а как людей культурно близких по духу, по восприятию мира? Ответы на эти вопросы помогут понять всем нам различия между «современными поморами» (жителями города и села, гражданами разных стран, воцерквленными и атеистами, имеющими различные статусы и уровень жизни) и русскими поморами, проживающими, как и их предки, в основном на побережье северных морей. В Архангельске современные городские поморы отмечают, например, в сентябре поморский новый год - Новолетие. Не совсем понятно: это просто постмодернизм, еще один замечательный праздник для всех северян, новый поморский бренд? Или это кризис личной религиозной идентичности, который приводит, по мнению Г. Н. Горбачука, к идеологии безвременья, дезинтеграции, отсутствию жизненных планов и другим негативным последствиям, а в сфере культуры - к развитию процессов стандартизации и унификации, обусловливающих обезличивание человека [14, с. 3]? Личная религиозная идентичность в данном контексте представляет собой особый социокультурный феномен, определяющий важнейшие параметры личности помора, влияющий на сближение с этнической и общекультурной идентичностью.

¹⁶ Древлеправославная поморская церковь. URL: http://starover-pomorec.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-05-06-11-34-35&catid=2:service&Itemid=4 (дата обращения: 07.05.2012).

¹⁷ Древлеправославная поморская церковь. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94...8C (дата обращения: 30.04.2012).

 $^{^{18}}$ Братья Денисовы, Андрей (1664–1730) и Семён (1682–1741) – основатели поморской Выгорецкой пустыни. Поморские ответы были составлены примерно в 1723 году.

Многие исследователи отмечают, что русские поморы имели самобытную социальную организацию проживания и ведения хозяйства. Особый хозяйственный уклад жизни поморов способствовал созданию поморского календаря, наложил отпечаток на некоторые стороны их быта, материальной культуры. В поморской среде доминировала «большая семья», мужчины которой составляли ядро рыболовно-зверобойной артели. Повсеместно распространенная в России артель приняла в Поморье особые формы, послужила основой для создания крупных артельных и межартельных объединений. Помор в одиночку просто физически не мог выйти на промысел, это заставляло его работать в складчину, создавая артель. Первые артели чаще назывались «ватагой» и представляли собой союз лиц, основанный на договоре. Члены ватаги были связаны круговой порукой и участвовали в ведении промысла трудом или трудом и капиталом. В области рыболовства были распространены три типа артелей: 1) складнические из нескольких неродственных семей; 2) уженщиков (наем рабочих, имеющих свои технические орудия лова, - ужну); 3) покрутчиков (весь капитал принадлежал одному лицу-хозяину, который набирал рабочую силу, кредитовал их одеждой, обувью, деньгами, две трети улова шло судовладельцу). Семейные, складнические артели стали исчезать со второй половины XIX века, на смену им пришел вольнонаемный труд. Главным объектом морского промысла были треска и сельдь, большое значение для берегового лова имели семга и навага. Семужий, тресковый, наважий, сельдяной промыслы имели важное торговое значение.

Исследуя развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX – начале XX века, Е. Е. Родионова в своей диссертации отмечала, что морские и береговые промыслы оказывали большое влияние на жизнь всего населения Архангельской губернии, их труд, быт, формы организации производства [15]. Продукты рыболовства служили источником жизненных ресурсов: давали пищу человеку и животным, могли использоваться в качестве топлива, удобрения, шли на приготовление кожаных изделий. Рыболовство на Севере являлось одним из основных занятий, от которого население получало доходы. Промыслы представляли для поморских жителей не только единственный источник существования, но и давали значительную часть продуктов для экспорта, для вывоза в другие губернии России; определяли уклад, образ жизни населения.

Русские поморы в XIX – начале XX века имели возможность получать кредиты и ссуды, российское правительство стремилось предоставить им денежную помощь, стимулировало появление акционерных объединений. Чтобы активизировать население в разработке рыболовных богатств и облегчить их тяжелое положение, власти даровали льготу по беспошлинному строительству промысловых судов крестьянам прибрежных уездов Архангельской губернии. По архивным данным, которые приводит профессор Л. Б. Красавцев в своей монографии, только за период 1867–1899 годов поморами было построено более двух тысяч поморских парусных судов – шняки (беспалубная одномачтовая шестивесельная лодка из сосновых досок), шхуны, кочмары (трехмачтовая шняка), яхты, лодьи, раньшины (большая двухмачтовая шняка), трехмачтовые палубные суда и другие [16, с. 6]. В XIX – начале XX века на Белом море появляются паровые суда, палубные моторные боты, шхуны.

В поисках новых, более богатых промыслов, двигаясь к кромке морских льдов, русские поморы издавна осваивали арктические пространства, способствовали открытию Новой

Земли, островов Медвежий и Надежда, Груманта (Шпицбергена). Они участвовали во многих научно-промысловых экспедициях в Арктике. Осваивая Арктику, поморы совершали длительные экспедиции и походы, умело ориентировались по солнцу и звездам, давали созвездиям свои наименования: Большую Медведицу называли «Лосем», Орион – «Коромыслом» или «Граблями», Плеяды – «Утиным гнездом». С XV века русские мореплаватели пользовались компасом. В дальних походах поморы наряду с компасом пользовались картами, называя их «чертежами» (их делали без градусной сетки) и рукописными лоциями. Все основные пути русских поморов как на востоке, так и вдоль архипелага Шпицберген были оборудованы большими крестами, служившими своеобразными маяками. Эти кресты своей поперечиной были всегда ориентированы по линии север – юг.

Что касается часто употребляемого концепта «поморской культуры», то это, несомненно, культура русских поморов, часть российской культуры. Это Русский Север, здесь «Русью пахнет». Об этом действительно не стыдно говорить. Профессор Г. С. Щуров в «Очерках истории культуры Русского Севера (988–1917)» включал в ареал ее распространения огромный северный край от Вологды до Белого моря, от Карелии до северного Урала в различных территориальных и хронологических рамках [17, с. 23]. Применение концептов «Русский Север», «Беломорье», «российское Поморье» в настоящее время чаще всего является культурологической традицией, имеет знаковый, семиотический, отчасти сакральный смысл.

В настоящее время необходимо четко понимать, что исторически сложившийся способ жизнеобеспечения русских поморов, основанный на многовековом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания и культуре, постепенно исчезает. России необходима взвешенная стратегическая политика в сфере прибрежного рыболовства, чтобы реально сохранить жизнь в постепенно угасающих прибрежных поморских деревнях, жители которых традиционно занимались морским, речным промыслом и идентифицируют себя как современные российские поморы.

В связи с этим давно уже пора принять областной закон «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности в Архангельской области». Необходимо более четко определить статус всех коренных народов региона. Что дает реально статус коренного народа? Если речь идет о льготах и привилегиях, связанных с рыбными квотами, охотой, рыбной ловлей, владением землей и морскими угодьями, то почему бы не распространить эти правила для всего коренного населения, веками проживающего на Севере, в том и числе русских, коми, ненцев? Статус коренного народа в этом случае может быть применен ко всему старожильческому населению, проживающему на Севере России, исключая пришлое население в первом поколении, мигрантов, вахтовиков. Русские сегодня являются фактически и коренным народом Севера, и основной титульной нацией в России.

Предлагаемый порядок введения легитимных равных гражданских прав для всех северных этносов в России без всяких исключений по их численности, без акцента на этническое происхождение снимет бюрократические ограничения со стороны государственной машины для населения и резко сократит возможности для коррупции при проведении конкурсов по выделению всяких квот и выдаче различных разрешений. При таком подходе отнюдь

не умаляется роль малочисленных народов Севера, а наоборот, возрастают их реальные возможности в реализации установленных законом прав.

Системных решений как на уровне Федерации, так и регионов требуют также проблемы: во-первых, сохранения культуры, языка, знаний и ценностей, эффективной позитивной адаптации коренных народов (больших и малочисленных) к реалиям современной жизни с учетом позитивного международного опыта; во-вторых, обеспечения равных прав во всех сферах жизнедеятельности, устойчивого развития для всего коренного постоянного населения Арктики и Севера России, включая старожильческое русское население.

В заключение отмечу, что в данной статье мною употребляются концепты: «поморы», «русские поморы», «современные поморы», «исторические поморы». Каждое из них несет определенную смысловую нагрузку. Новая интернациональная, духовно-культурная идентичность «современные поморы» отражает не только стремление какой-то очень небольшой части землян - людей всех национальностей к ментальному самоопределению, но и политические, экономические интересы узкого слоя региональной элиты, их зарубежных друзей. В отличие от сложившейся эволюционным путем в России прежней культурно-исторической общности, условно обозначаемой мною «русские поморы», современное понятие поморов отвечает постмодернистскому духу времени в новых исторических условиях, несет свою смысловую, культурно-философскую нагрузку. Возвращаясь к геополитике, необходимо заметить, что противопоставление Русского Севера и Поморья объективно выгодно геополитически нашим конкурентам в Арктике и, в конечном счете, направлено на разрушение самосознания и идентичности всего русского народа, на интернационализацию арктического пространства в вопросах освоения углеводородных ресурсов и использования транспортных путей. Запах арктической нефти, к сожалению, опосредованно присутствует и в поморском вопросе.

Обсуждаемые вопросы о культурно-исторической идентичности поморов, безусловно, требуют дальнейшего научного осмысления без политической ангажированности, в спокойной творческой атмосфере. Сделаны всего лишь *первые шаги* в этом направлении, в обсуждении самых острых проблем гражданско-правовой, религиозной, историко-культурной, этнической идентичности поморов.

Радует, что поморская тематика становится привлекательной в научном плане для студентов, магистров, молодых ученых, что появляются современные бизнес-проекты, направленные на сохранение исторической памяти о прошлом поморов и улучшении жизни современного поморского населения, в том числе на основе обновления законодательных актов о правах коренных народов (больших и малочисленных), старожильческого населения на Русском Севере.

Литература

- 1. Медведев Д. А. Выступление на встрече с руководством Федерального Собрания 17.01.2011. URL: http://www.kremlin.ru/news/10087 (дата обращения: 19.01.2011).
- 2. Трофимов-Трофимов В. Д. Поморы решили основательно побороться за свои права. URL: http://www.pomorcpp.org/ monitoring/?id=3608 (дата обращения: 01.05.2012).

- 3. Мак Ф. Pomors. URL: http://www.brainz.ru/text/Pomors.html (дата обращения: 14.01.2011).
- 4. Поморов» начали возрождать для «торговли этнонимом»: профессор Ю. П. Шабаев о поморах. URL: http://www.regnum.ru/news/1454828.html; http://news.rambler.ru/11404 345/ (дата обращения: 01.05.2012).
- 5. Пыжова А. Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. 2012. № 7. URL: http://narfu.ru/aan/ (дата обращения: 05.05.2012).
- 6. Добрыднёв В. А. Поморье и колонизация Западной Сибири (конец XVI начало XVIII века) // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2003.
- 7. Кондрескул А. М. Поморье в политической истории Россиии в конце XVII первой четверти XVIII века // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2001.
- 8. Тунгусов А. Мы поморы? // Правда Севера. 2003. 28 ноября.
- 9. Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и системы хозяйства. Λ -д: Наука, 1978. С. 167.
- 10. Культура русских поморов: опыт системного исследования / под общей ред. доктора культурологии П. Ю. Черносвитова. М.: Научный мир, 2005. 400 с.
- 11. Ануфриев В. В. Русские поморы: культурно-историческая идентичность. Архангельск: Солти, 2008. 159 с.
- 12. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974.
- 13. Зарифуллин П. Цвести и давать плоды. URL: http://www.peoples-rights.info /2011/10/cvesti-i-davat-plody/ (дата обращения: 30.04.2012).
- 14. Горбачук Г. Н. Социально-философские аспекты формирования личной религиозной идентичности (на материалах творчества С. И. Фуделя) // Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Архангельск, 2011.
- 15. Родионова Е. Е. Развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX начале XX вв. // Дисс. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2000.
- 16. Красавцев Л. Б. Морской транспорт Европейского Севера России (1918–1985). Проблемы развития и модернизации: монография. Архангельск, 2003.
- 17. Шуров Г. С. Очерки истории культуры Русского Севера (988–1917). Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера, 2004.

Рецензент – Соловьёва Анна Николаевна, доктор философских наук, профессор. УДК [39+316.347+303.423]

Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов

© *Пыжова* Анна Николаевна, магистр в изучении коренных народов. Контактный телефон: +47 941 002 42. E-mail: anna_pyzhova@inbox.ru. В статье приводится обзор двух основных теоретических подходов, которые широко применяются для изучения вопросов этнической идентичности в социальной антропологии – примордиализм и конструктивизм. Кроме того, дается обзор основных теоретических сложностей в определении этнической идентичности определенной группы. Используя данные полевых исследований (интервью), в ста-

тье приводится анализ этнической идентичности поморов, представленной через призму этих двух подходов.

Ключевые слова: идентичность, этничность, поморы, примордиализм, конструктивизм, маркеры идентичности.

Ethnic identity of Pomors of the Arkhangelsk region through the prism of the main anthropological approaches

© *Pyzhova* Anna Nikolaevna, master's degree in the study of the indigenous people. Contact phone: +47 941 002 42. E-mail: anna_pyzhova@inbox.ru.

Abstract

This article provides an overview of the two main theoretical approaches that are widely used to study the issues of ethnic identity in social anthropology – primordialism and constructivism. In addition, an overview of the basic theoretical difficulties in determining the ethnic identity of the group. Using data from the field research (interviews), the article provides an analysis of the ethnic identity of Pomors, presented through the prism of these two approaches.

Keywords: identity, ethnicity, Pomors, primordialism, constructivism, markers of identity.

Такие термины, как «этничность» и «этническая идентичность» стали достаточно популярны в настоящее время. Из научного употребления они вышли в массовое сознание и широко употребляются в печатной прессе, телевидении и просто в общении между людьми. Однако то, что кажется нам естественным сейчас, еще пару лет назад было доступно для понимания только узкому кругу лиц. Все чаще вопросы, связанные с этничностью и этнической идентичностью, приобретают негативную окраску, хотя являются одними из важнейших, решение которых способствует социальной стабильности общества. В данной статье акцент будет сделан на вопросах этничности и этнической идентичности поморов Архангельской области. Какие критерии должны браться в расчет, когда мы говорим об этничности: кровные связи, общие предки, территория проживания, язык и/или культурные черты? Кроме того, возможна ли ситуация, когда индивид является носителем двух или более идентично-

стей и как это выражается в повседневной жизни? Цель данной работы – попытаться найти ответы на эти вопросы на примере поморов.

В первую очередь необходимо отметить, что концепция этничности очень сложна сама по себе и поэтому для ее рассмотрения видится необходимым использовать несколько подходов. В чем же состоит основная сложность в изучении этнической идентичности поморов? Евгения Романова использует выражение «лабиринты этнической идентичности» в исследовании вепсов Карелии [8, 2007]. Это понятие, пожалуй, очень точно отражает ситуацию, когда современные городские и сельские жители, идентифицирующие себя как поморы, сталкиваются с рядом других идентичностей: индивидуальной, региональной, национальной и др. Таким образом, человек встает перед выбором, кто он прежде всего.

Что такое идентичность?

Идентичность – это отражение персональной принадлежности к определенной социальной группе, институту или территории. Сам процесс идентификации характеризуется созданием различных форм взаимосвязей между человеком и одним из перечисленных объектов. Наука выделяет множество видов и форм идентификации, но, по мнению многих ученых, одной из важнейших форм выступает отождествление человека с определенной этнической группой, которая выражается чувством персональной принадлежности к той или иной этнической общности.

Этническая принадлежность может быть «реальной», когда люди делят ценности и традиции этнической группы, знают язык и культуру, искренне разделяют успехи и сочувствуют неудачам своей этнической группы. Также этническая принадлежность может быть «формальной». Эта ситуация характеризуется ослабеванием некоторых этнических уз и потерей некоторых характерных черт, присущих этнической группе. Например, люди не знают или не разговаривают на языке этнической группы, но в то же самое время чувствуют персональную принадлежность к этнической группе и сопереживают ее судьбе.

Стоит отметить, что этническая идентичность играет жизненно важную роль в политической и социальной жизни общества. Между этнической идентичностью, с одной стороны, и гомогенностью и единством этнического сообщества, с другой, существует прямая связь: чем сильнее этническая идентичность, тем сильнее этническая группа.

Несколько мыслей на тему этничности

Пристальное внимание к вопросам этносов и этничности в современном понимании этих слов начали уделять в начале XX века. Так как в прошлом общества считались болееменее гомогенными по своему составу, то традиционными критериями для их разграничения выступали такие понятия, как этноним, происхождение, общие культурные черты, территория проживания, язык. И этих критериев было достаточно, чтобы причислять людей к определенным этническим группам. Однако во второй половине XX века стало очевидно, что этих критериев для разграничения этнических групп уже недостаточно. Кроме того, обострились «расовые» проблемы. Маркус Бэнкс считает, что это частично связано с геополитическими изменениями постколониального мира и началом процесса политического возрождения различных этнических групп и меньшинств, характерным как для развитых, так и для развивающихся стран [3, 1996]. Поэтому в 60-х годах учеными-антропологами была разработана и

введена в научный оборот концепция этничности. С этого времени это понятие стало одним из важнейших в социальной антропологии.

Существует большое количество подходов к трактовке термина «этничность», призванных объяснить сложную природу социокультурных и политических изменений, роль формирования этнической группы и различного рода контактов и взаимоотношений между ними. В данном исследовании вопросы поморской идентичности и этничности будут рассмотрены через призму двух основных подходов в социальной антропологии: примордиализма, ярко представленного советской школой теории этноса, и конструктивизма (рационализма), который является наиболее распространенным в западных научных исследованиях социальной антропологии и изучения этничности, представленного Фредериком Бартом и его последователями.

Примордиализм vs. конструктивизм

В чем же состоит основное отличие этих двух направлений? Примордиализм настаивает на том, что этническая принадлежность имеет иррациональную природу, содержанием которой является мощная эмоциональная привязанность к определенному коллективу с акцентом на кровные связи и наследственные особенности. Рационалистический подход настаивает на том, что этническая принадлежность прежде всего формируется на добровольных началах и отражает осознанный выбор индивида причислять себя к той или иной этнической группе для продвижения своих интересов в соответствии с условиями окружающей среды.

Таким образом, важнейшим отличием этих двух подходов является то, что примордиализм подчеркивает биологическую природу этнической принадлежности, врожденную, «кровную связь» с предками и отрицает возможность изменить эту принадлежность по желанию ее носителя. В отличие от этого рационализм подчеркивает субъективную сторону этнической идентичности и рассматривает этническую принадлежность как инструмент, используя который человек может достичь более комфортной позиции в обществе, а также как способ преодолеть отчуждение.

Далее мы попытаемся проанализировать, как эти два подхода рассматривают поморскую идентичность. Примордиализм, рассматривая вопросы этнической принадлежности, в основном делает акцент на культурных связях и характерных чертах, которые определяют поведение, образ мышления, повседневные привычки определенной этнической общности и остаются с членами данного сообщество в течении всей жизни, то есть от них нельзя отказаться, так как они являются биологически заложенными. Эти культурные черты признаются наследуемыми из поколения в поколение и принимаются без какой-либо осознанной оценки в стадии ранней социализации.

Однако рационализм также имеет дело с культурными особенностями, которые прививаются индивиду на ранних стадиях социализации. Но основной аргумент конструктивизма состоит в том, что, например, дети приобретают знания об окружающем мире и о самих себе в большей степени по средствам научения старшими. Таким образом, этничность – это часть социальной среды, это то, чему индивид учится с рождения и то, что впитывает в процессе социализации из окружающей его обстановки, а не то, что закладывается с рожде-

ния на генетическом уровне. То есть конструктивизм по большей части имеет дело с конструируемой идентичностью. Однако необходимо отметить, что оба этих подхода, конечно же, имею как сильные, так и слабые стороны.

Поморская идентичность: разница подходов

По официальной типологии, поморы классифицируются как субэтнос русского народа и не выделяются в отдельную этническую группу. По данным переписи 2002 года, в России насчитывается 6 571 помор (0,49 % от общего населения области), причем наибольшее их количество зарегистрировано в Архангельске и Северодвинске (около 4 тыс. человек). Кроме того, по данным Госкомстата, число городских жителей насчитывает 4 779 человек, а сельских – 1 792 человека.

Попробуем рассмотреть поморскую этничность по нескольким пунктам, которые примордиализм берет за основу, определяя этническую принадлежность индивида. Мы попробуем порассуждать на данную тему, используя методологическую основу обоих подходов и данные полевых исследований, проведенных весной – летом 2010 года в Архангельске.

Антропологические черты едва ли могут быть использованы для анализа поморской идентичности на сегодняшний момент. Валерий Лисниченко пишет, что поморский фенотип сформировался под влиянием новгородской, московской и вятской волн колонизации, с долей влияния народов, заселявших северные территории в то время [1, 16]. Однако внешний облик поморов совпадает со славянским. Поморы имеют такие же видимые антропологические черты, как и остальные европейцы и русские. Носителей поморской идентичности невозможно отличить от носителей русской или любой другой славянской идентичности.

Общая территория проживания также довольно спорная характеристика для определения отдельной этнической группы. Уважать и придерживаться культурных традиций и обычаев этнической сообщности всегда возможно и не проживая на территории расселения группы. Если говорить о поморской группе, то статистические данные говорят о том, что большая часть поморов – это городские жители, и могут проживать вдали от берегов Белого моря, но в тоже время они считают себя носителями поморской идентичности.

Традиционные промыслы и занятия могут выступать в качестве очень важного критерия для определения этничности. Однако условия современного мира накладывают и тут важный отпечаток. Например, занятие оленеводством не определяет человека как саама или ненца. Человек может быть учителем или инженером, но при этом идентифицировать себя как ненца. Таким образом, прямой взаимозависимости между занятием и этнической принадлежностью не наблюдается.

Самосознание является, на наш взгляд, одним из самых спорных критериев. Как можно идентифицировать самосознание? Какие критерии должны браться в расчет, когда мы говорим о самосознании? Это понятие видится слишком абстрактным и обтекаемым для того, чтобы его брать в расчет, анализируя этническую идентичность.

Факторы кровного родства могут выступать одними из решающих, когда мы обсуждаем вопросы этничности. Для многих именно они являются определяющими. По данным исследования, именно наличие в роду родственников, относивших себя к поморам, является важнейшим условием для человека рассматривать возможность отнести себя к поморам. Од-

нако эти факторы достаточно спорны, если посмотреть на ситуацию под иным углом. Например, насколько глубоко должно идти родство, чтобы называться помором? Достаточно иметь родителей, которые называли себя поморами, или только одного родителя?

Кроме того, встает вопрос о межэтнических браках, количество которых продолжает возрастать в нашем обществе. Таким образом, если этническая принадлежность дается от рождения, то какие же критерии необходимо брать в расчет, чтобы определить этническую идентичность ребенка?

Язык. В академических кругах нет единого мнения, насколько важным фактором выступает владение языком, когда речь заходит об этнической идентификации. Одни считают, что прямой взаимозависимости между этничностью и языком нет, другие, наоборот, определяют язык как один из основных факторов сохранения и поддержания этничности в группе [6, 91]. Однако существуют примеры, когда члены этнической группы не используют язык этой группы как средство коммуникации и разговаривают на языке большинства, однако продолжают ассоциировать себя с определенной этнической группой. В таких случаях язык приобретает символический смысл. Таким образом, создается ситуация, когда члены этнической группы сохраняют свой традиционный язык как часть культурного наследия, но не употребляют его в повседневной жизни [8, 90]. В такой роли выступает поморский говор для поморов. Этот язык вышел из повседневного оборота и представляется сейчас скорее как символ, как объединяющая ценность, но никак не владеет поморскую этничность. В этом случае, если человек считает себя помором, но не владеет поморским говором, это не делает его меньше помором.

Таким образом, проанализировав все вышеперечисленные факторы, мы приходим к выводу, что многие культурные и биологические черты не могут выступать как абсолютные факторы для определения этнической принадлежности человека.

В чем же основные отличия конструктивистского подхода к изучению этничности? Вместо того, чтобы рассматривать «общество» или даже «культуру» как относительно изолированную, статичную и гомогенную единицу, антропологи выделяют непрерывное изменение и процессуальность современного мира. Именно в этом контексте понятие «этничность» приобретает особую наполненность, так как отражает динамику контактов и взаимоотношений между группами.

Томас Эриксен утверждает, что этничность не может формироваться и существовать изолированно, этничность развивается в процессе взаимных контактов между группами. Это является одним из самых главных условий [5, 11]. Фередерик Барт также говорит о том, что этническую идентичность необходимо воспринимать как часть социальной реальности, непрерывного взаимодействия и изменения. Получается, что этничность выражается в поведении человека, в повседневной жизни, в способе его общения с другими.

Кроме того, Барт делает упор на то, что наследственность и кровные связи являются не самыми важными характеристиками, когда речь идет о членстве индивида к определенной этнической группе. Наиболее важные факторы – это осознание собственной уникальности индивидом и чувство принадлежности к определенной группе, которое он испытывает, а также идентификация индивида другими. И, кроме того, этнические и культурные границы,

которые определяет для себя сам человек, также являются одними из важнейших критериев. Только те культурные характеристики имеют значение, которые создают различия и границы между группами в реальности, а не те, которые ученые и эксперты признают как наиболее типичные и традиционные для сообщества [2, 66].

И здесь мы сталкиваемся с понятием «этнической границы», которая была предложена Фредериком Бартом в конце 60-х годов и до сих пор является одной из важнейших концепций в социальной антропологии. Основная идея заключается в том, что этническая граница разделяет группы, а не «культурную массу» как таковую, которая содержится в этих границах [4, 1969]. Получается, что границы, разделяющие этнические группы, не обязательно являются разделительной чертой для культурных признаков.

Критерии этнической идентичности

На наш взгляд, основная сложность определения поморской идентичности – это вопрос соотношения культурной и этнической групп. Согласно Эриксену, культурные границы не всегда соотносятся с этническими. Долгое время было принято соотносить этническую и культурную группу как разнозначные понятия, то есть индивиды, разделяющие некоторые культурные ценности той или иной этнической группы, автоматически причислялись к ней. Однако, как было замечено Моерманом [5, 1993], разделение некоторых культурных черт часто пересекает этнические границы. Кроме того, люди в большинстве случаев не разделяют все культурные черты с одними и теми же людьми. Таким образом, культурная граница – это не четкая граница, также как и этническая граница. Кроме того, культурные границы не обязательно должны совпадать с этническими. Основываясь на вышесказанном, хотелось бы отметить следующее: этничность в первую очередь ситуативная и подвижна. Одним из важнейших аспектов, определяющих этничность, является взаимодействие между группами, но не изначальная культурная принадлежность [5, 34].

Вместо заключения. Модель идентичностей

Опираясь на взгляды Барта, мы получаем картину, где этничность – это продукт социального взаимодействия в обществе. Этничность многогранна, изменчива и ситуативна, это «форма социальной организации культурных различий» [4, 1969]. Такой подход доказывает, что критерии этнической идентичности, предложенные примордиальным подходом, не абсолютны.

Основная проблема понимания и изучения этнической идентичности, по мнению Барта, заключается в том, что этничность не стабильна и достаточно подвижна [4, 1969]. Этническую идентичность человек может менять в зависимости от обстоятельств и условий окружающей среды. Кроме того, конструктивизм говорит о том, что человек может быть носителем двух и более идентичностей в одно и то же время, и в зависимости от внешних факторов та или иная идентичность выходит на первый план. В современном обществе понятие этничности вообще очень спорное. Так, например, все поморы являются россиянами – гражданами страны, и в то же время архангелогородцами, жителями области и региона. Как видно из примера, человек – носитель разных идентичностей.

По данным полевых исследований, проведенных в Архангельске, палитра идентичностей выглядит следующим образом:

Данная модель демонстрирует отсутствие четких границ между представленными идентичностями. В тоже время данные идентичности очень подвижны и имеют тенденцию наслаиваться друг на друга: исходя из обстоятельств и условий социальной среды, та или иная идентичность выходит на первый план, в то время как другие уходят на второй. Кроме того, индивид может также заявлять о нескольких идентичностях одновременно. Так, например, человек может говорить, что он помор и россиянин. Эти две идентичности насла-иваются друг на друга, но в то же самое время не препятствуют развитию друг друга.

Данная модель подтверждает тезис о ситуативной природе этнической и социальной идентичности. Томас Эриксен иллюстрирует это утверждение следующим примером: «Например, так называемая общая скандинавская идентичность. Она становится актуальна, когда люди выезжают за границу и встречают своих "соотечественников" по региону. В других ситуациях эта идентичность не проявляется» [5, 31]. Таким образом, получается, что та или иная идентичности актуализируется в той или иной ситуации, исходя из определенных обстоятельств.

Базой для конструирования этнической идентичности могут выступать примордиальные характеристики группы, такие как общая история, общие предки, культурные традиции. Поморы – яркий пример данной тенденции. Согласно конструктивизму, поморская идентичность существует, если ее признают сами члены группы и если она признается другими.

Литература

- 1. Лисниченко В. В. Экология помора. Архангельск: ОАО «ИПЦ «Правда Севера», 2007. 96 с.
- 2. Трошина Т. Влияние природно-географического фактора на социально-культурное развитие северно-русского населения // Поморские чтения по семиотике культуры. 2009. № 4. С. 64-81

- 3. Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. London: Rouledge, 1996.
- 4. Barth F. Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural differences. Oslo: Universitetsforlaget, 1969.
- 5. Eriksen T. Ethnicity and nationalism: anthropological perspectives. London: Pluto, 1993.
- 6. Ibtisam M. H., Naji M., Khemlani D. Markers of ethnic identity: focus on the Malaysian Tamil community // International Journal of the Sociology of Language. 2003. No 161. P. 91–102.
- 7. Grammong S. Identity captured by law: membership in Canada's indigenous peoples and linguistic minorities. Monreal: McGill-Queen's University Press, 2009.
- 8. Khilkhanova E. Language and ethnic identity of minorities in post-Soviet Russia: the Buryat case study // Journal of Language, Identity and Education. 2004. No 3. P. 85–100.
- 9. Romanova E. The process of revitalization of culture and indigenous ethnic identity: Master's thesis in indigenous studies. Tromso, 2007. 88 p.

Рецензент – Вертешин Алексей Иванович, доктор политических наук, профессор. УДК 316.3:39(=1.470.1)(045)

Поморье и поморы: структура одного исторического мифа

© *Семушин* Дмитрий Леонидович, кандидат исторических наук, политический обозреватель ИА REGNUM (Москва). *Приоритетные темы исследований:* историческая география России. E-mail: ivaksa@bk.ru.

Исторический миф играет ключевую роль в любом этностроительстве. В этом отношении важную роль на первоначальном этапе играет работа идеологов, историков, литераторов. В статье проанализирована структура поморского исторического мифа, которая основывается на особой интерпретации колонизационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

Ключевые слова: Поморье, поморы, Баренцев регион, Русский Север, этностроительство, этносепаратизм, регионализм, исторический миф, историческая фальсификация.

Pomorie and Pomors: the structure of one historical myth

© **Semushin** Dmitry Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, Political Commentator IA 'REGNUM' (Moscow). *Priority themes of the research:* historical geography of Russia. E-mail: ivaksa@bk.ru.

Abstract

The historical myth is playing a key role in any ethno-building. An important role in the initial stage is playing the work of ideologues and historians, writers. In the article is analyzed the structure of the Pomeranian historical myth, it is based on a specific interpretation of the colonization process of the Russian North and the specific interpretation of local history and geography and local concepts.

Keywords: Pomorie, Pomors, Barents region, Russian North, ethno-building, ethnoseparatism, regionalism, historical myth, historical falsification.

Новым в современных политических и социально-культурных процессах на Русском Севере является становление поморского этнического проекта. Этот проект (поморская идея) возник в начале 90-х годов XX века во время распада СССР. Его целью является на первом этапе трансграничная регионализация Русского Севера, превращение его в Поморье (Баренцев регион) с созданием под него титульного этноса «поморы» как народа «нерусского» по определению. Проект прошел уже несколько стадий: формирование этнического мифа и организационную. Сейчас под знаком требования официального признания «коренного и малочисленного народа» происходит его политизация. На основе выработанного мифологического образа нерусского этноса «поморы» адепты поморской идеи уже начали преобразование проживающего в северном регионе РФ местного русского населения. 17 сентября 2011 года в Архангельске состоялся IV Межрегиональный съезд поморов. В его работе приняло участие около 400 делегатов. В июне того же года при вновь образованном Северном (Арктическом)

федеральном университете имени М. В. Ломоносова, в первую очередь для исследования этноса «поморы», был создан научный центр «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера». Лидер движения поморов в Архангельске И. И. Мосеев стал его директором. А за год до этого, в ноябре 2010 года, на встрече губернатора Архангельской области И. Ф. Михальчука с активистами поморских общественных организаций была достигнута договоренность о сотрудничестве в рамках так называемого «поморского вектора» развития региона. С этого времени в официальных речах архангельского губернатора И. Ф. Михальчука порой стали звучать нотки поморского этнического мифа. Отдельные положения поморской исторической идеи стали появляться и в разного рода документах областной администрации. Все перечисленное является несомненным «достижением» двадцатилетнего развития поморского этносепаратизма на Русском Севере.

При исследовании нынешнего поморского этногенеза в Архангельске надо отметить главнейшую его особенность – создание в России этой новой этнической идентичности маскируется под «национальное возрождение» якобы существовавшего в прошлом этноса «поморы». В этом отношении процесс внешне напоминает славянское «пробуждение» в регионе Центральной и Восточной Европы в первой половине XIX века и, особенно, его успешный «украинский проект». По аналогии с этим явлением отметим, что на первом этапе «поморского возрождения» важнейшую роль сыграла целенаправленная работа в Архангельске группы местной интеллигенции по созданию поморского исторического и культурного мифов.

В цельном виде поморский исторический миф изложен в пятитомной монографии В. Н. Булатова (1946–2007) «Русский Север», вышедшей отдельными книгами в 1997–2002 годах [1]. Текст этот частично был сведен автором в учебное пособие для высшей школы и под тем же названием опубликован в 2006 году [2]. Издание этого, адресованного местной студенческой молодежи, учебника финансировалось по федеральной программе «Культура России». Зарубежный аспект поморской исторической концепции изложен в специальном учебном издании для высшей школы, посвященном норвежскому «Баренцеву региону» [3]. Ключевые положения поморского исторического мифа были повторены В. Н. Булатовым в 2005 году в «научной справке», подготовленной им для деятелей «поморского возрождения» 1. Означенный документ, предъявленный «поморами» в Архангельске областной администрации, является доказательством того, что изначально «научные изыскания» по поморской тематике носили политический характер.

Основное положение поморского исторического мифа лежит в области исторической географии Русского Севера. Главнейшую роль здесь играет тезис о том, что «в XV–XVII веках Поморьем назывался обширный экономический и административный район по берегам Белого моря, Онежского озера и по рекам Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка вплоть до Урала»². И, во-вторых, что эта обширная территория была населена самостоятельным нерусским этносом (народом) «поморы».

 $^{^{\}rm l}$ Ученые о поморах // Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 4.

² Там же. Текст В. Н. Булатова: «Русский Север с XVI века носил название "Поморье", а его земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства» (См. Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3) дословно, без указания на источник, списан из монографии Н. Е. Носова. См.

Этногенез «поморов», по В. Н. Булатову, был обусловлен слиянием культур «протопоморских», преимущественно угро-финских (чудских) племен Беломорья и первых славянколонистов (еще нерусских – sic!), активно заселявших территорию чудского Заволочья. Концепция «протопоморов» по смыслу близка к идеям эстонского археолога Прита Лиги и финского исследователя Кристиана Карпелана, утверждавших, что население территорий современного Русского Севера в Средневековье меняло свою этническую идентичность при отсутствии значительных миграций русского населения и физической смены местного финно-угорского населения [4, с. 37–41]. Псевдоисторическая концепция, таким образом, основывается на особой интерпретации колонизационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

В своих трудах В. Н. Булатов дает определение этносу «поморы» как народу, состоящему из нескольких языковых групп. Например, «русскоязычная группа этноса поморы заселяла берега Белого моря с XII века» [3, с. 25; 2, с. 111]; «специфика жизни человека в условиях Севера формировала и особый тип населения, в том числе группу этноса – поморов, заселивших берега Белого и Баренцева морей» [5, с. 9]. Следовательно в этносе «поморы» могли существовать разные языковые группы, в том числе и финно-угорские. С 2008 года норвежцы в полном соответствии с данной концепцией стали рекламировать в России «коренных жителей Баренцева региона» – «норвежских поморов»³.

Утверждение о существовании среди «поморов» разных языковых групп, помимо прочего, позволяет не только привязывать поморов к финно-уграм, но и удревлять явление мнимого поморского этногенеза. Здесь, однако, у В. Н. Булатова нет однозначного ответа о его начальной временной точке. В отредактированной им специальной статье в «Поморской энциклопедии» значится: «Поморы – русскоязычная группа этноса, заселившая (с XII века) берега Белого и Баренцева морей» [6, с. 317]. На XII век В. Н. Булатов указывал и в других своих работах [7]. В частности, здесь он утверждает совершенно фантастическое: «На новгородских географических картах XII–XIII веков в устье Онеги уже был обозначен "Погост на море"»⁴. Чуть позднее, в 2006 году, он несколько удревнил явление: «Название "поморы" возникло не позднее X–XII веков»⁵.

В связи с этим напомним, что «поморцы» и «поморяне» впервые в исторических источниках упоминаются в одной новгородской летописи под 1526 годом, а в актах – под 1546 годом⁶. Утверждение о существовании этноса «поморы» и соответствующего этнонима с X–XII веков, таким образом, имеет чисто спекулятивный характер, поскольку никак конкретно не подтверждается историческими источниками.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 240.

³ См. текст Тура Робертсена на обложке в кн.: Поморские сказки. Архангельск, 2010.

⁴ Где эти географические карты? Откуда о них сведения у архангельского историка?

⁵ Ученые о поморах...

⁶ «Того же льта 34-го приъхаша ко государю великому князю Василью Ивановичю на Москву поморцы и лоплене с моря окияна, ис Кандолжьскои губе усть Невы рекы, из дикой Лопи, и би челомъ государю великому князю Василью Ивановичю». Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 217; «...каргополцы, и онежане, и турчасовцы, и порожане, устьмошане, и мехренжане, вздятъ къ морю соли купити, да купивъ де у моря соль у поморцовъ да возятъ ея въ Турчасово и на Порогъ...». Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб, 1836. № 211. С. 200–201.

Заметим, что все ранние упоминания поморов первой половины и середины XVI века относятся к береговой оконечности Белого моря, носящей со времен Средневековья название Поморского берега. Это Поморье впервые упоминается в одной подлинной новгородской грамоте середины XV века - купчей некоего Ивана Менуева сына⁷. В связи с этим логично предположить, что первоначально под «поморцами» в XVI веке понимался не особый народ (этнос), а локальная группа населения, получившая свое название от конкретной местности на побережье Белого моря. Сохранившийся комплекс новгородских грамот определенно свидетельствует о том, что славянская колонизация Поморского берега Белого моря началась не ранее XIV века⁸. Так, в частности, на проблему смотрели историк М. В. Витов и этнограф Т. М. Бернштам [8]. О времени славянской колонизации этой части Беломорья определенно свидетельствует и относительно позднее появление здесь церковных приходов. К более позднему периоду, чем XII век, относит сейчас колонизацию вообще всего Русского Севера и археолог Н. А. Макаров [9, с. 163]. Выводами этих ученых В. Н. Булатов в своих трудах полностью пренебрегает, игнорируя и то обстоятельство, что как раз на Поморском берегу Белого моря чудь («протопоморы» по его терминологии) никогда не проживала. Изначально это была территория лопи (саамов) [10, с. 71]. Первой волной колонистов здесь были в XIV веке карелы и только потом русские [11, с. 28-29]. Таким образом, этнографическая группа исторических, а не мифических поморов возникла на основе этнического контакта трех народов: русских, карел и лопарей.

Далее архангельский историк утверждает, что этноним «поморы», после того как возник не позднее X-XII веков на Поморском берегу Белого моря, в течение XIV-XVI веков распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения. Однако факт какойлибо массовой миграции населения с этой территории в означенный период не подтверждается какими-либо источниками. Тем не менее В. Н. Булатов утверждает, что на всей современной территории Русского Севера уже в XV веке расселился этнос «поморы». Для подтверждения этого тезиса архангельский историк в своих текстах просто начинает подменять понятия. Например, у В. Н. Булатова читаем: «В 1419 году пятьсот "мурман", явившись на морских судах - бусах и шнеках, - "повоевали" Корельский погост в Варзуге, разорили селения онежан и двинян. Однако норвежцы получили достойный отпор: поморы "две шнеки мурман избиша"» [2, с. 120]. В оригинальном же тексте Новгородской первой летописи младшего извода читаем: «Того же лета, пришед Мурмане воиною въ 500 человекъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваща въ Арзуги погостъ Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксе, в Корельскомъ манастырь святого Николы, Конечныи погостъ, Яковлю кюрью, Ондреяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ манастырь, Чиглонимъ, Хечинима; З церкви сожгли, а Христианъ черноризиць посекле, и заволочане две шнеки Мурманъ избиша, а инии избегоша на море»⁹. Как видим, в первоисточнике нет никаких «селений онежан», а норвежцев в действительности истребляют заволочане, то есть жители новгородской волости Заво-

 $^{^{7}}$ «Се купи Иване и его братья Денесья, Максиме Мѣнуеви дѣти у Фалелѣя из Валдоли, у Сави, у Сидора у Юрьевыхъ дѣтеи землю и воду на Поморьи по[мо]рьскимъ рикамъ и по лѣшимъ озерамъ». Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С. Н. Валк. М., Л., 1949. № 296. С. 294–295.

 $^{{}^{8}\;\}Gamma BH\Pi.\; N_{\underline{0}}\; 222,\, 223,\, 286,\, 287,\, 290,\, 291,\, 293,\, 296-307,\, 312,\, 318-322,\, 327,\, 328.$

⁹ Новгородская первая летопись. Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 411-412.

лочье, другое название – «двиняне», а никакие не «поморы». Итак, в своих трудах В. Н. Булатов утверждает, что в XV–XVI веках вся современная территория Русского Севера, то есть земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, носила название «Поморье» [2, с. 3]. Однако на сегодняшний момент нет ни одного специального историко-географического исследования о бытовании на Русском Севере во времени понятия «Поморье». Попытаемся частично восполнить этот пробел.

При изучении всего комплекса текстов XVI-XVII веков не трудно заметить, что в исторических источниках применительно к Русскому Северу существует два разных понятия «Поморье», имеющих разные сферы применения. Одно из них можно условно назвать «малым» Поморьем, другое - «большим». «Малое» Поморье, как мы указывали выше, впервые упоминается в источниках с середины XV века. Его ядром является Поморский берег Белого моря. Жители Поморского берега, иначе называемого еще в источниках XVI-XVII веков «Поморьем», по месту своего жительства стали именоваться «поморцами». Это «малое» Поморье стало ядром так называемых «Поморских волостей». «Поморские волости» (вариант - «Поморская область») с середины XVI и до конца XVII века составили отдельный административный округ, управлявшийся Соловецким монастырем¹⁰. Позднее, в XIX веке, это Кемский уезд Архангелогородской губернии. С развитием с середины XVI века мурманских промыслов на Коле, в котором как раз и участвовало население Поморского берега, понятие «малого» Поморья распространяется на протяженную береговую полосу Кольского полуострова. В таком виде это Поморье фиксируется в «Росписи поморским рекам» «Книги Большого чертежа» начала XVII века ¹¹. Все существующие исторические источники XVI века говорят о «малом» Поморье и не подтверждают тезиса о существовании в этот период «большого» Поморья, протянувшегося от Белого моря и Белоозера на западе до Урала на востоке. Что же является в таком случае источником утверждения о существовании целого административного региона Поморья в XVI веке? Как выясняется, современная научная традиция, берущая истоки в творчестве В. Н. Татищева и опирающаяся на труды великого русского историка, академика С. Ф. Платонова. С. Ф. Платонов, изучая Смуту начала XVII века, обратил внимание на то, что в политическом плане это была война между севером и югом Московского царства, в которой различные области (группы уездов) занимали устойчивую позицию. С. Ф. Платонов отметил, что позиция в войне населения и военных служилых корпораций отдельных уездов была прямо связана с тем, состояли ли эти административные единицы в предшествующий период в опричнине или нет. Так родилась «региональная» концепция Смуты С. Ф. Платонова [12]. Для нее русский историк использовал политико-географическую терминологию из документов эпохи Смуты и опрокинул ее по времени на середину XVI века, на эпоху опричнины царя Ивана Грозного. Попутно, таким образом, С. Ф. Платонов создал еще и оригинальную концепцию опричнины.

¹⁰ О ранней истории Поморских волостей см. Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Его же. Сочинения в 9-ти тт. Т. 8. М., 1990. С. 5–30. Понятие «Поморские волости» впервые упоминается в царской жалованной грамоте Соловецкому монастырю от 11 августа 1584 г. ААЭ. Т. 1. С. 384. Понятие «Поморская область» как синоним «Поморских волостей» упоминается в письме игумена Соловецкого монастыря Антония шведскому королю Карлу IX от 12 марта 1611 г. ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 180. С. 308.

¹¹ Книга Большому чертежу. Изд. К. Н. Сербиной. М., Л., 1950. С. 147-151.

Итак, понятие «большого» Поморья встречается в исторических источниках не с XVI и, тем более, не с XV века, а только с начала XVII века¹². Существует оно первоначально в текстах в виде связанных взаимно друг с другом понятий: «поморские города» (вариант «поморские пригороды») - «поморские люди»¹³. Закреплению в современной научной традиции использования понятия «большого» Поморья применительно ко всей территории Русского Севера вслед за С. Ф. Платоновым особо способствовал фундаментальный труд академика М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке», содержавший историко-географический очерк [13, с. 9-28]. Отмеченные труды С. Ф. Платонова и М. М. Богословского создали устойчивую традицию именования в отечественной историографии ХХ века всего Русского Севера Поморьем. Русские историки использовали региональное понятие «большого» Поморья без всякой задней мысли как удобную научную абстракцию для построения своих исторических схем. Использование понятия «большого» Поморья в XX веке в советской историографии определялось скорее личными вкусами и пристрастиями историков. Проследить какой-либо закономерности тут нельзя. Так, например, Н. Е. Носов в одном своем фундаментальном труде его совсем не использовал, а в другом, наоборот, использовал часто [14]. Во время перестройки в конце 80-х - начале 90-х годов XX века интеллигенция в Архангельске взяла из научной историографической традиции понятие «большого» Поморья и сделала его географической реальностью для нужд политического движения местных областников и регионалов под лозунгом «восстановления Поморской республики». Благодаря работе СМИ за короткое время понятия «Поморье» и «Архангельская область» стали синонимами.

Были ли понятия «поморские города», «поморские люди» в источниках XVII века официальными в смысле использования их в административной терминологии России того времени? Здесь мы определенно ответим нет. Официально вся страна тогда делилась на уезды, подведомственные столичным четвертям. Места в этой структуре «большому» Поморью не было. Не упоминается «большое» Поморье ни в писцовых, ни в переписных книгах. Однако специальное исследование источников XVII века позволяет определенно утверждать, что понятие «поморские города» со времен Смуты использовалось в делопроизводстве некоторых (не всех) российских центральных ведомств, в частности Разряда¹⁴. После Смуты оно использовалось (нечасто) и в царских указных грамотах на места воеводам. Скорее всего, понятие «поморские города» появилось в Смуту в столичном военном ведомстве в осажденной тушинцами Москве. В актовом материале оно впервые фиксируется под 1609 годом. Его появление, таким образом, связано с нуждами военного регионального управления в условиях

¹² М. Н. Тихомиров писал: «Название "Поморские города" утвердилось поздно, не раньше второй половины XVI века, когда был проторен морской путь из России в Англию». Однако этот тезис он никак не подкреплял источниками. См. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227.

¹³ Понятие «поморские города» впервые встречается в переписке вятчан и пермичан от января 1609 года. ААЭ. Т. 2. № 104. С. 205. «Поморские пригороды» упоминается в указной царской грамоте вологодскому воеводе Миките Пушкину от 20 февраля 1609 года. Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. № 157. С. 180; Понятие «поморские люди» встречается впервые в отписке царю Василию Шуйскому из Троицы осадных воевод Григория Долгорукова и Алексея Голохвастова от 29 марта 1609 года. АИ. Т. 2. № 181. С. 210. «Поморские мужики» – отписка тушинского костромского воеводы Микиты Вельяминова гетману Сапеге (после 12 марта 1609 года). АИ. Т. 2. № 172. С. 199.

¹⁴ Книги разрядные по официальным оным спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1, 2, 10, 24, 405, 544, 578, 661, 929, 1035, 1152, 1247, 1362. Там же. Т. 2. Стб. 93, 200, 296, 351, 688, 931. Первое упоминание «поморских городов» в разрядных книгах под 1614 годом. (Т. 1. Стб. 1.) В связи с этим заметим, что в разрядных книгах XVI века упоминаний «поморских городов» нет.

внутренней «гражданской войны» начала XVII века. Понятие появилось из потребностей возникшей в России региональной политики. После губернской административной реформы Петра I термин «поморские города» исчезает в делопроизводстве центральных ведомств. Но из приказной документации XVII века понятие «большое» Поморье проникло благодаря творчеству В. Н. Татищева (1685–1750) в формирующуюся российскую историческую и географическую науку, где обрело потом свою самостоятельную книжную судьбу [15]. Казусом является здесь то, что современная попытка отождествления норвежцами Поморья с БЕАРом находит созвучную аналогию у В. Н. Татищева в его тождестве Поморья и легендарной страны Биармии.

Под «поморскими городами» подразумеваются не конкретные города, которых в реалии XVII века на Русском Севере почти и не было, а территориально-административные единицы – уезды¹⁵. В документах XV-XVII веков часто слово «город» выступает синонимом слова «уезд». Вместе с понятием «поморские города» в источниках эпохи Смуты появляется и понятие «поморские люди». Но было бы величайшей нелепостью считать, что под «поморскими людьми» грамот Смутного времени и тогдашней правительственной переписки подразумевается отдельный этнос «поморы». Берем многочисленные сохранившиеся челобитные грамоты XVII века, посланные жителями северных русских уездов в Москву или местному воеводе в уездный центр. Ни в одной из них они не именуют себя «поморами». А если вообще нет ни одного документа XVII века, из которого бы следовало, что жители Двинского, Кеврольского, Важского и других уездов (всего их 22), считают и определяют себя «поморами», а тем более нет никаких свидетельств «поморского» этнического самосознания у них, то как можно утверждать, что в это время в северном регионе России существовал целый отдельный этнос под этнонимом «поморы»? Жители северных уездов сами эти уезды «Поморьем» в XVII-XVIII веке не называли и сами себя «поморами» не считали и никогда не именовали. При этом надо назвать единственное исключение в этом ряду северных уездов - это жители так называемых «поморских волостей» Соловецкого монастыря. Вот они себя и их в документах XVI-XVII века «поморцами» и «поморянами» именуют. Но были ли они в то время отдельным этносом, имеющим отличное от русских этническое самосознание? Правильней было бы утверждать, что под «поморцами» тогда подразумевалась локальная группа населения - русские и карелы, получившая свое название по топониму.

Тем не менее, полностью пренебрегая историческими источниками, В. Н. Булатов в своих рассуждениях о «большом» Поморье и «поморах» в XVI веке в своем учебнике доходит до следующего утверждения: «Налицо были почти все признаки нации: общность территории с выходом к морю (Поморье); общность экономической жизни поморских уездов, волостей и городов; особые черты характера, психологического и духовного облика поморов; своеобразие северной культуры. Складывался северорусский язык, от которого остались местные говоры, диалекты и наречия, ставшие предметом тщательного изучения филологов, диалекто-

¹⁵ «Год за годом поморы осваивали новые земли, продвигаясь все дальше на юг и юго-восток, север и северо-восток. А на картах, чертежах и росписях появились поморские города: Холмогоры, Вага (Шенкурск), Вельск, Каргополь, Турчасово, Пустозерск, Тотьма, Сольвычегодск, Великий Устюг, Хлынов (Вятка) и другие». Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. З. В приведенном списке XVI–XVII веков Каргополь, Турчасово, Колмогоры – это посады, Вельск – погост.

логов и этнологов» $[2, c. 5]^{16}$. Только завоевательная и репрессивная политика Москвы в XV–XVI веках воспрепятствовала складыванию «четвертой по счету восточнославянской нации – северороссов».

Итак, в чем заключается фальсификация истории Русского Севера? «Малое» Поморье в поморской концепции упоминается только как ареал мнимого этногенеза «поморов» в X-XII веках. Далее эта географическая реалия XVI-XIX веков полностью игнорируется. «Малое» Поморье смешивается с «большим», подменяется последним. В этом построении вся территория Архангелогородской губернии XIX века, так называемый «Русский Север», становятся якобы реально существующим в прошлом регионом «Поморье». После чего это «большое» Поморье погружается как можно глубже во время. Это мифическое Поморье XIV-XVI веков противопоставляется Московии, а его население, именуемое «поморами», – всем остальным русским. Мифические «поморы» якобы имели финно-угорскую «кровь», свой собственный «славянский» язык и свою этническую «поморскую культуру». Более того, в историческом прошлом они якобы были враждебны русским. «Несмотря на активные процессы ассимиляции поморов в великорусском этносе поморы сохранили свое этническое (национальное) самосознание до наших дней», – утверждал В. Н. Булатов, подводя, тем самым, идеологическую базу под «поморское возрождение» 17.

Означенный исторический миф о «большом» Поморье позволяет архангельским областникам и этносепаратистам в проекте создания «Поморской республики» предъявлять «исторические претензии» на всю территорию нынешних Мурманской, Архангельской областей и части Карелии. В 1990-е годы им удалось внедрить в массовое сознание северян понятие «Поморье» как синоним Архангельской области, сделать его географической реалией. В настоящее время областники и этносепаратисты вкупе с норвежцами работают над тем, чтобы понятия «Поморье» и трансграничный «Баренцев регион» стали равнозначными.

Миф о народе «поморы» также дает в распоряжение архангельских этносепаратистов большой потенциальный человеческий ресурс. Ведь, условно говоря, все «старожильческое» население Архангелогородской губернии до 1917 года, согласно историческому мифу, объявляется «поморами». «Поморское возрождение» на практике означает, что сейчас любой потомок этих «старожилов» может отказаться от русской этничности и заявить себя «помором». Поэтому неслучайно, что разрушительный этноконфликтный и политический потенциал поморского исторического мифа в сочетании с практикой «поморского возрождения» был по достоинству оценен за рубежом и получил американскую и норвежскую поддержку¹⁸.

Из базового мифа о «большом» Поморье и народе «поморы», его населяющем, выводится целая серия других исторических мифов. Коротко перечислим их.

Миф о великих поморах. Поскольку вся территория нынешнего Русского Севера, якобы с XII века была населена поморами, то все местные, чем-то знаменитые деятели русской

 $^{^{16}}$ Нелепость подобного утверждения очевидна, поскольку, например, по ретроспективным оценкам А. И. Копанева, все население Двинского уезда в XVI веке не превышало 20–30 тыс. человек. См. Аграрная история Северо-Запада России. Втор. пол. XV – нач. XVI в. Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 281. 17 Ученые о поморах...

¹⁸ Издание первых опытов создания самостоятельного литературного поморского языка, так называемой «поморьской говори», финансировались американским фондом Форда и норвежским Баренцсекретариатом. См. Поморские сказки. Под ред. Т. Робертсена. Архангельск, 2010. С. 2; Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 3.

истории и культуры объявляются не русскими, а этническими «поморами». Итак поморами были: святитель Стефан Пермский и преподобный Антоний Сийский, завоеватели Сибири Ермак и братья Строгановы, землепроходцы С. Дежнёв и Е. Хабаров, ученый М. В. Ломоносов и скульптор Ф. И. Шубин и т. д. [2, с. 125, 199, 245, 263, 276, 311, 312, 338, 532]. Подобный прием напоминает проделанное в XIX веке с персонажами истории Малороссии создателями украинского исторического мифа.

Миф о том, как поморы Сибирь освоили. Из созданного мифа о существовании в XV-XVII веках «большого» Поморья - обширной территории, населенной этносом «поморы», проистекает следующая фальсификация: народ «поморы» Сибирь освоили¹⁹. «В ходе движения поморов "встречь солнца" на территории Сибири появляются постоянные поселения», утверждал В. Н. Булатов [2, с. 218]. Более того, даже все русское старожильческое население Сибири после XVII века в одном месте он называет «поморами» [2, с. 289]. В упомянутом учебном пособии теме освоения Сибири «поморами» отведена целая вторая часть [2, с. 198-389]. На 191-й странице текста, посвященного освоению Сибири, «большое» Поморье в связи с Сибирью упоминается 134 раза, а сами «поморы» с производным от существительного прилагательным «поморский» - 229 раз! Но если мы обратимся к сибирским летописям XVII века, то в их текстах мы не обнаружим ни одного упоминания «Поморья» или «поморов»²⁰. Что касается актов XVII века, то упоминание в них «поморских городов» достаточно редки, а упоминание «поморов» («поморских людей») вовсе отсутствуют²¹. Среди русских служилых людей и промышленников в документах названы москвитины, костромитины, устюжане, мезенцы, пинежане, чердынцы, пустозерцы, то есть русские - уроженцы конкретных уездов Московского государства, но никак не поморы. Поэтому ясно, что в мифе об освоении Сибири поморами происходит подмена понятий.

Исторический миф о «большом» Поморье и народе «поморы», его населявшем, имеет в качестве составляющей особую трактовку международных отношений в местном Арктическом регионе. Здесь нужно учитывать то обстоятельство, что поморская концепция изначально создавалась под нужны формируемого норвежцами с 1992 года трансграничного Баренц региона. «Поморы и норвежцы вместе осваивали арктические моря, вели рыбный и зверобойный промыслы, два последних столетия успешно торговали». «Поморы и норвежцы так или иначе участвовали во многих экспедициях, целью которых было изучение Арктики», утверждает В. Н. Булатов в одном из своих трудов [3, с. 4, 44]. Таким образом, именно эти, в его трактовке, два народа – поморы (а не русские) и норвежцы, осваивали Арктику и строили свои отношения на основе позитивных связей. Здесь концепция профессора В. Н. Булатова созвучна идеям теоретиков Баренц региона норвежских ученых Улава Шрама Стокке и

¹⁹ В этой связи отметим неудачное в свое время название статьи: Покровский Н. Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 13–19. Разумеется, Н. Н. Покровский не считал поморов отличным от русскох народов, но вместе с тем нельзя не заметить, что в деревнях на Северной Двине исторические поморы не проживали.

²⁰ Сибирские летописи. СПб, 1907; ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987.

 $^{^{21}}$ См. понятие «поморские города» в указных царских грамотах в Верхотурье (1621, 1623, 1632, 1634, 1639, 1641). АИ. Т. 2. № 106, 117, 172, 180, 207, 219. С. 150–151, 176, 317, 326, 363, 377; в указных царских грамотах в Кунгур. Кунгурские акты XVII в. (1668–1699). Изд. А. Г. Кузнецова. СПб, 1888. № 62, 75, 78. С. 175, 279, 291. В других документах по Сибири. См.: Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб, 1848. № 14. С. 65.

Рюне Кастберг, выделивших в своей периодизации в его истории так называемую «Поморскую эру» с конца XVII века до 1917 года [16]. История этого периода подается как преимущественно бесконфликтное в норвежско-российских отношениях время, хотя в реальности все было ровным счетом наоборот [17]. В связи с подобным изображением событий такие факты русско-норвежских отношений, как беспошлинная бартерная торговля русских в датско-норвежском, шведско-норвежском Финнмарке, непомерно преувеличиваются. Здесь повторяется выдуманный норвежцами миф о существовании в приарктическом регионе совместного русско-норвежского языка, так называемого руссеннорска [3, с. 35].

В мифе об отсутствии крепостного права в Поморье - историческом центре «свободы» и «демократии» - «большое» Поморье в эпоху Средневековья представляется как регион с иными социально-экономическими отношениями, нежели остальная Московия. В частности, здесь повторяется довольно расхожий миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере22. «Жители Поморья никогда не знали монголо-татарского ига и крепостного права, а в силу этого они выросли свободолюбивыми, предприимчивыми, богатыми и образованными людьми» [18]. «В XVII веке в 22 уездах Поморья основную массу населения составляли свободные от помещиков и крепостной зависимости "черносошные" поморские крестьяне» [3, с. 34]. «На Русском Севере сложился своеобразный тип государственного феодализма, при котором самый многочисленный слой населения - крестьянство - не знал крепостной зависимости в классической ее форме» [2, с. 177]. На самом деле, крепостное право - это вовсе не «вотчинный режим» управления крестьянством, то есть помещики (поместная система возникла до крепостного права), а особый универсальный и всеобщий государственный режим стеснения передвижения податного населения для исправного сбора налогов в казну. О существовании крепостного права на Русском Севере в XVII веке свидетельствует множество документов, в частности, такой массовый источник, как писцовые и переписные книги.

Причиной особого социально-экономического уклада «Поморья» были «республиканские» и «демократические» традиции, унаследованные им от Новгорода Великого. Этот тезис с особой настойчивостью повторяется несколько раз [2, с. 58, 410, 417, 418]. Эти «демократические традиции» были подорваны целенаправленной политикой Московского централизованного государства. «Власть воевод была призвана удовлетворять общегосударственные интересы в ущерб демократическим порядкам, установленным на Русском Севере в прошлые столетия», – утверждал В. Н. Булатов [2, с. 418]. «Москали начали проводить политику кнута и пряника» [2, с. 117, 158]. В итоге, что касается свободы, демократии и республики, то в данном случае профессор В. Н. Булатов повторяет ставшим расхожим возникший в русской историографии в начале XIX века либеральный миф о древнем Новгороде Великом, сочиненный еще в масонских ложах начала XIX века будущими декабристами. Технология исторического мифотворчества заключалась здесь во внедрении в определенный исторический контекст современных новаций иной европейской цивилизации. При научном историческом исследовании в ближайшем рассмотрении выясняется, что древний Новгород Великий никогда не был ни республикой, ни, тем более, демократией. Апология древнего Новгорода как «пра-

²² Миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере возник в кругу русских западников в преддверии «Великих реформ» 1860-х годов. Здесь необходимо обратить внимание на творчество историка С. М. Соловьёва.

вильного исторического выбора» в пользу Запада – обычный пропагандистский трюк в постсоветской России и странах Прибалтики, также как и утверждение о победившей новгородцев Московии с ее «азиатчиной», якобы приведшей Россию к деспотизму и краху.

Существенней во всей этой теме другое – проблема движения земельной собственности на Русском Севере. «В Поморье всегда господствовало черное крестьянское землевладение... Положение независимых поморских волостей постепенно стало изменяться после возвышения Москвы и создания централизованного Российского государства» [2, с. 4]. На самом деле все обстояло ровным счетом наоборот. Черное землевладение и связанная с ним крестьянская волость утвердились на Русском Севере только после насильственной ликвидации великим князем московским новгородских вечевых порядков в 1478 году. До этого в Новгородской и Двинской землях господствовало боярское землевладение – боярская вотчина [19]. Ее ликвидация и утверждение на ее руинах черного крестьянского землевладения стало фундаментальным переворотом в отношениях земельной собственности – своеобразной «консервативной» революцией сверху. Против нее подавляющее большинство населения Новгородской земли как раз не выступало. Более того, она ускорила процесс русской народной колонизации Севера.

В заключение хотелось бы отметить еще один факт. В первой половине XVI века на Двине в крестьянских семьях, происшедших от местных новгородских своеземцев, то есть у «поморов», широко практиковалось патриархальное рабство. Об этом определенно свидетельствуют отдельные сохранившиеся грамоты²³. Как в данном случае быть с духом Поморья – «свободой»? При этом патриархальное рабство на Двине было распространенным явлением именно в новгородский период. В московский же оно изжило себя.

Миф об особых социально-экономических условиях «Поморья» порождает возвышенную этническую глорификацию «поморов», типичную для любого псевдонационализма. В этом отношении «поморы» становятся похожи на запорожских казаков украинского сепаратистского исторического мифа. «Дух вольности и товарищества, просвещения и свободомыслия издавна витал в Поморье. Суровая северная природа и огромные территориальные пространства сформировали особые поморские черты национального характера, предопределили необычайный путь Русского Севера. Жизнь на берегах "студеного" моря сделала поморов сильными, мужественными и трудолюбивыми», - утверждал В. Н. Булатов [2, с. 3]. «Меня всегда восхищали наши предки-поморы - мужественные и доброжелательные, пытливые и трудолюбивые... Д. С. Лихачёву приписывают: "Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне"» [5, с. 7]. В мифологии поморского этногенеза идеи автохтонности, исключительности, культурной демиургичности поморов интерпретируются как исключительность представителей поморского этноса - «соли земли Поморской». В. Н. Булатов пишет о поморах как о людях, наделенных «предприимчивостью, «поморской упрямкой», «умом, смелостью и независимостью, умением принимать самостоятельные решения в сложных жизненных ситуациях». Заметим, однако, что подлинные исторические реалии могли далеко отстоять от этого романтического идеала. В частности, В. Н. Булатов утверждает в своем труде: «Жители Русского

 $^{^{23}}$ См., например, дельную грамоту братьев Амосовых 1527 года. Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922. № 60. Стб. 51–55.

Севера составляли одну из самых образованных частей населения России, а в первой половине XVI века среди землевладельцев Европейского Севера было более 80 % грамотных людей» [20]. Каким образом можно определить количество грамотных среди населения северных русских уездов в первой половине XVI века с точностью до процента, остается для нас полной загадкой. Это совершенно фантастический домысел хотя бы потому, что численность народонаселения региона в это время определяется чисто ретроспективно, а потому приблизительно. Когда же мы говорим о действительном уровне грамотности населения на Русском Севере в эпоху Средневековья, необходимо обратить внимание на любопытный факт, подмеченный фольклористами и этнографами в конце XX века. Былины древних циклов они записывали от сказителей - людей, как правило, неграмотных или малограмотных [21, с. 10]. Оказывается, фактором сохранения былинного устного народного творчества на Севере была широко распространенная в местном обществе неграмотность населения. У грамотного, образованного человека появлялись совсем другие культурные запросы и былинами он переставал интересоваться, а тем более заучивать их наизусть и устно воспроизводить. Итак, вопервых, богатство традиционной культуры Русского Севера совсем необязательно связывать с уровнем «просвещения». И, во-вторых, совершенно безосновательным является связь местных религиозных традиций именно с псевдоэтнической культурой «поморов». Признаками этнической общности поморов является... этническое религиозное мировоззрение (Поморская древлеправославная церковь)²⁴. Известный факт - распространение раскола после середины XVII века среди жителей так называемых «поморских волостей» Соловецкого монастыря. Здесь располагался один из главных центров раскола в России - Выговская пустынь. Раскольничьи скиты были и на Летнем берегу Белого моря, и на Зимнем. Но как можно при этом общины раскольников именовать церковью? Ведь само понятие «беспоповцы» именно и предполагало отсутствие какой-либо церковной иерархии у этого раскольничьего толка.

Подведем итоги. Ключевой принцип поморского проекта – это отрицание за членами формируемой поморской общности русских духовных и этнических корней, противопоставление русскому: истории, церкви, литературному языку, культуре. В этом отношении «поморская идея» за образец избрала практическую модель строительства украинства. О том, что «нерусскость» является сутью проекта, свидетельствует сконструированное его адептами в конце XX века для этноса название «поморы». В историческом прошлом этот термин никогда не употреблялся в этническом смысле, а только в территориальном или профессиональном как обозначение жителей определенной географической местности и людей морских промысловых занятий. Тем самым уже на уровне терминологии проводится видимая грань, которая отделяет «поморов» от остального Русского мира.

Поморский проект имеет в основе свою историческую и языковую концепцию, культовые фигуры и этнические мифы. В их числе: «изначальное этническое различие поморов и русских», «вековое притеснение поморского языка и культуры, насильственная ассимиляция поморов», «колониальное угнетение Россией Поморья». Из этих мифов и складывается поморская этническая идентичность. Принимая эту мнимую финно-угорскую идентичность, назы-

 $^{^{24}}$ Отметим, что так называемая Древлеправославная церковь была создана частью общин раскольников в 1920-х гг. Но что такое «Поморская древлеправославная церковь» в XVII–XIX веков?

вая себя «помором», человек, тем самым, соглашается и со всеми принципами «поморской идеи».

В поморской идее уже изначально заложена ориентация на Запад. Отрицание за собой русскости и православия как более высокой ценности, нежели связи с Норвегией, уже само по себе является отказом от Русского мира. К тому же постоянно подчеркивается близость «поморов» и «Поморья» к Норвегии, ее культуре, политике и ментальности.

Изначально вписанный в стратегию норвежского Баренцева региона поморский проект ориентировался на «Запад» не только как на абстрактную идею, но и как на вполне конкретного конкурента России в Арктическом регионе – Норвегию и стоящие за ней США. Сам по себе поморский проект во многом стал плодом отнюдь не бескорыстного воздействия этих стран. Противники России взращивают «поморов» идейно и организационно, подпитывают материально, полагая, что претворение в жизнь идеи особого поморского этноса по максимуму приведет или к этническому расколу на Русском Севере под территориальное расчленение РФ, или, по минимуму, ослабит позиции России в контроле над ее арктическими ресурсами. Опасность «поморского проекта» заключается в том, что он является крайним выражением интересов части деморализованной региональной элиты, смыкающейся с местной организованной преступностью. В этих условиях отсутствие в РФ нации и слабость гражданского общества, хронический социально-экономический кризис в перспективе реально ставят под угрозу целостность русского этноса на Русском Севере.

Литература

- 1. Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2. Встречь солнца (XV–XVII вв.). Там же, 1998; Кн. 3. Поморье (XVI нач. XVIII вв.). Там же, 1999; Кн. 5. Ворота в Арктику. Там же, 2001; Русский Север. Кн. 4. Свет полярной звезды (XVIII–XIX вв.). Там же, 2002.
- 2. Булатов В. Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М., 2006.
- 3. Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001.
- 4. Макаров Н. А. К Дышащему морю. Северные окраины славянского мира // Родина. 2001. № 1–2. С. 37–41.
- 5. Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX-XVI вв.). Архангельск, 1997.
- 6. Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Гл. ред. В. Н. Булатов, сост. А. А. Куратов. Архангельск, 2001. С. 317.
- 7. Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 3. С. 6; Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 111; Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область. С. 25.
- 8. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 182, 189; Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 43–44.
- 9. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 163.

- 10. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962. С. 71.
- 11. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI-XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 28-29.
- 12. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб, 1901. С. 1–91. В связи с концепцией С. Ф. Платонова необходимо обратить внимание на близкое по времени использование термина «поморские уезды» в одной работе М. А. Дьяконова. См. Дьяконов М. Половники поморских уездов в XVI–XVII вв. СПб, 1895. Сам М. А. Дьяконов никак не объясняет его применение.
- 13. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 9-28.
- 14. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства перв. пол. XVI в. Л., 1957; Его же. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
- 15. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1. СПб, 1793. С. 233; Его же. История Российская. Т. 1. М., 2005. С. 348. См. статью «Бярмия», в которой В. Н. Татищев утверждает о тождестве Биармии, Заволочья и Поморья.
- 16. Stokke O. S., Castberg R. The Barents Region: Dimensions and Institutions // International Challenges. Fridtjof Nansen Institute. Oslo. Vol. 12. 1992. No 4. P. 21.
- 17. Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...» Руссконорвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский сборник. 2010. Т. 8. С. 26–52; Боднарук Р. В., Давыдов Р. А. Алкоголь как инструмент экономической экспансии (в контексте российско-норвежских отношений XIX нач. XX вв.) // Материалы II международной научно-практической конференции «Алкоголизм и наркомания в Евро-Арктическом Баренц-регионе». 28 ноября 1 декабря 1996 года. Архангельск, 1996. С. 13–17; и др.
- 18. Колесников П. А. Северная деревня в XV первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 10−11.
- 19. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV начало XVI века. С. 279–289; Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15–17 июня 1967 г. Вологда, 1968. С. 519–536; и др.
- 20. Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область. С. 34–35; Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 419.
- 21. Марков А. Беломорские былины. М., 1901. С. 10.

Рецензенты: Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор; Фёдоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор.

Поморский вопрос: приложения, документы, проекты

Приложение 1

Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. 163004, г. Архангельск, Троицкий просп., д. 491

Уважаемый Игорь Анатольевич!

4 апреля 2011 года судебная коллегия по гражданским делам Архангельского областного суда удовлетворила исковые требования регионального Управления Минюста России о ликвидации Архангельской областной территориально-соседской общины коренного малочисленного народа поморов, отменив решение Октябрьского районного суда от 17 февраля 2011 года, вставшего на сторону ответчика. Но с 18 января 2012 года в Архангельске возобновилась деятельность ликвидированной в судебном порядке областной «Общины поморов». Об этом заявил в местных СМИ председатель этой «общины» Павел Есипов.

За прошедшие годы активисты поморского движения неоднократно обращались к государственным властям с требованием признать поморов в качестве «коренного и малочисленного народа». Не обошли стороной они и международные организации, обратившись с жалобой в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

В чем видится нам здесь опасность? Поморский этнический проект – новое явление в современных политических и социально-культурных процессах на Русском Севере. Нынешний поморский этногенез в Архангельске маскируется под «национальное возрождение» якобы существовавшего в прошлом этноса «поморы». Каковы цели так называемого «поморского возрождения»?

Декларация съезда поморского народа, принятая на I объединительном съезде поморов в сентябре 2007 года, содержит конкретные программные положения:

- 1. «Мы, поморы, коренной народ российского Севера, традиционно испокон веков проживающий в Архангельской, Мурманской областях, республике Карелия и Ненецком автономном округе, заявляем о своем праве на существование в качестве самостоятельного народа Российской Федерации, равного по правам другим коренным народам нашей страны».
- 2. Мы, поморы, заявляем о праве своего народа на сохранение и развитие собственного традиционного уклада жизни, культурного своеобразия и особой поморской этнической идентичности.
- 3. Мы заявляем о своем праве на владение и пользование традиционными территориями и природными ресурсами наравне с другими коренными народами Севера, включенными в Единый перечень коренных народов России».

Все перечисленные цели могут быть достигнуты только в случае принятия правительством РФ решения о внесении поморов в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Кроме того, от администрации Архангельской области деятели «поморского возрождения» назойливо требуют фи-

¹ Опубликовано: URL: http://www.regnum.ru/news/1520536.html (дата обращения: 01.05.2012).

нансовой поддержки для проведения мнимых национальных праздников и других мероприятий с поморской тематикой.

В качестве доказательства правомерности своих притязаний на морские и другие природные ресурсы традиционных территорий архангельские «поморы» предъявили в Министерство регионального развития РФ и администрацию Архангельской области «научную справку», составленную профессором В. Н. Булатовым в 2005 году, содержание которой носит скорее информативный и пропагандистский, но не научный характер. Даже великий М. В. Ломоносов этностроителями объявляется помором, тогда как он себя таковым нигде и никогда не называл. Во всяком случае, подтвержденных исторических сведений об этом нет.

Главным аргументом, подтверждающим существование в России коренного народа поморов, II поморский съезд (июнь 2009 года) считает результаты Всероссийской переписи населения 2002 года, согласно которым поморами идентифицируют себя 6 571 человек, в том числе в Архангельской области – 6 295 поморов. Позволим себе напомнить, что Перепись 2010 года зафиксировала в Архангельской области всего 2 015 человек, то есть численность поморов в Архангельской области сократилась более чем в три раза.

Мы считаем, что основу «поморского возрождения» составляют такие принципы лженаучного знания, как фальсификация, спекуляция и манипуляция общественным сознанием.

Фальсификация истории заключается в преднамеренно ложном представлении поморов в качестве титульного народа на Европейском Севере России. Повторяем, это не добросовестное заблуждение патриотов, это сознательная ложь, распространяемая с прямым умыслом в форме «переписывания» исторических фактов. Тем не менее, ни в одном законодательном акте Российской империи поморы не встречаются ни в качестве этноса, ни как региональная общность. Более того, ни в одном авторитетном источнике обычного права на Русском Севере, наиболее близкого народному правосознанию, не встречается упоминания о поморах.

Спекуляция поморским именем выражается в том, что подавляющее число поморов не только не хочет, но даже и не помышляет о выходе из русской нации и признании себя угро-финским народом. Во всяком случае, публичных заявлений настоящих поморов с берегов Белого моря о выходе из русской нации в СМИ до сих пор не опубликовано. А факты признания поморами самих себя в качестве нерусского народа не подтверждаются никакими серьезными научными исследованиями, кроме громких фраз и околонаучных размышлений лидеров, в полном распоряжении которых для полномасштабного конструирования «поморского этноса» с участием международного элемента находится целое структурное научное подразделение государственного федерального университета.

Татьяна Александровна Бернштам, заведующая отделом этнографии Музея антропологии и этнографии РАН, доктор исторических наук, как честный ученый в 2006 году заявила: «Считаю выделение поморов в особый народ не только нецелесообразным, но и абсолютно ничем не обоснованным. Противные мнения расцениваю как ненаучные спекуляции, хотя бы и подписанные людьми с учеными степенями. Почему бы, следуя их логике, не объявить М. В. Ломоносова первым нерусским ученым России?» Манипуляция общественным сознанием осуществляется лидерами «поморского возрождения» достаточно агрессивно и целена-

правленно. На протяжении всего постсоветского времени при поддержке администрации области, несмотря на аргументированные возражения авторитетных ученых, в сознание региональной общественности систематически внедряется мысль о том, что Архангельская область является по этническому составу поморской, а не русской.

Под культурно-историческим и коммерческо-туристским брендом «Поморье» лидеры поморской национально-культурной автономии сознательно скрывают геополитическую авантюру – через придание поморам статуса коренного и малочисленного народа сконструировать на Русском Севере автономную поморскую территорию (республика, край). Исходя из резолюций съездов и заявлений лидеров «поморской общины», главной целью создания автономии должно стать установление с помощью иностранных «общественных поморских организаций» полного контроля над северно-русскими и приарктическими пространствами Европейского Севера России, которые автоматически становятся территориями «традиционного пользования коренным малочисленным народом».

В этом смысле бренд «Поморье» – это вирус, внедряемый местными «патриотами поморской идеи» в общественное сознание и разрушающий защитный механизм народа по сохранению своего единства и территориальной целостности.

Уважаемый Игорь Анатольевич! Мы призываем Вас пересмотреть политику администрации области по осуществлению поддержки так называемого «поморского движения». Мы надеемся, что Вы, как руководитель области, примете взвешенное и аргументированное решение о замене модного, но насквозь фальшивого бренда «Поморье», поскольку для Архангельской области, 95,6 % населения которой составляют русские, более подходит и соответствует логотип «Русский (Архангельский) Север».

Архангельская группа ВК «Суть времени». Текущий координатор – Галина Ефремова (г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 216).

Подписи граждан города:

Ефремова Галина Александровна, Воронин Николай Фёдорович, Гашев Константин Александрович, Халтурин Анатолий Николаевич, Поспелов Александр Анатольевич, Севостьянов Сергей Васильевич, Никитин Сергей Владимирович, Ненашев Сергей Валерьевич, Кривополенов Артемий Игоревич, Семьин Альберт Александрович.

Приложение 2

Дмитрий Семушин: Архангелогородские «поморы» продолжают сеансы саморазоблачения своей «идентичности»¹

14 апреля 2011 этнолог, профессор Юрий Шабаев (Сыктывкар) в интервью ИА REG-NUM сообщил: «Ранее Институт этнологии и антропологии РАН занимал по поморам противоположную позицию, и именно его первоначальное экспертное заключение было поводом для отказа со стороны Минрегиона на неоднократные просьбы властей Архангельской области предоставить поморам статус коренного малочисленного народа... Обсудив проблему поморов на совещании в Женеве, директор ИЭА академик В. А. Тишков предложил мне написать докладную записку в Минрегион с новым экспертным обоснованием необходимости предо-

¹ Опубликовано: URL: http://www.regnum.ru/news/1523567.html (дата обращения: 01.05.2012).

ставления поморам статуса коренного малочисленного народа. Такую докладную я подготовил, под ней поставлены все необходимые подписи ученых-экспертов: регионального исследователя, руководителя профильного московского института и ведущего специалиста в области этнологии... Надеюсь, уже в ближайшее время докладная будет рассмотрена Минрегионом».

17 октября 2011 редакция ИА REGNUM направила запрос в Министерство регионального развития РФ по поводу этой докладной записки. Исполняющий обязанности директора Департамента межнациональных отношений А. П. Зенько на этот запрос ответил: «Докладная записка Ю. П. Шабаева по вопросам предоставления поморам статуса коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в Минрегион России не поступала». Казалось бы, проблема исчерпана. Однако сейчас, когда «поморская афера» в Архангельске разоблачена, псевдопоморы в оправдание своих действий на «Официальном сайте общины Поморов» опубликовали текст этой (формально адресо-

ванной, но на деле так и не поступившей в Минрегион) докладной записки, который мы публикуем ниже.

«В Министерство регионального развития Российской Федерации

Докладная записка

Полагаем крайне необходимым в ближайшее время решить вопрос о придании статуса коренного малочисленного народа поморам, являющимся специфической этнографической группой русских. Принятие названного решения диктуется несколькими значимыми обстоятельствами:

- 1. Поморы являются культурной и «статистической реальностью», поскольку этноним «помор» фиксируется в ходе переписей населения и этнографических/социологических исследований; поморская идентичность (в разных ее вариантах) является довольно устойчивой, а значительная часть населения, причисляющая себя к поморам, занята традиционными видами хозяйственной деятельности (рыбным и зверобойным промыслом).
- 2. Региональные власти и общественные организации неоднократно выступали с обращениями, призывающими придать поморам статус коренного народа Севера, и следует поддержать данные обращения, поскольку избирательное применение статуса, то есть использование его лишь для обеспечения преференциями только культурных меньшинств, будет противоречить конституционной норме, провозглашающей равенство всех граждан РФ.
- 3. Некоторые лидеры этнических организаций коренных малочисленных народов Севера пытаются противопоставить русских недоминантным этническим группам, а статусная иерархия этнических групп, которая сложилась на сегодняшний день, дает им дополнительные аргументы для формирования культурной дистанции между русски-

ми и иными этническими группами населения в Арктическом и Субарктическом регионе. Поэтому придание поморам искомого статуса создаст некий баланс интересов, ограничит рост радикальных настроений среди политизированных лидеров меньшинств.

- 4. Придание особого статуса поморам и предоставление им некоторых преференций в сфере пользования биоресурсами позволит остановить деградацию поморских деревень/поселений по берегам Белого и Баренцева морей, остановить процесс обезлюдивания территории, которая имеет статус пограничной зоны, а значит, подобная мера определенным образом укрепит ее безопасность и продемонстрирует российское присутствие на Севере.
- 5. Обострение соперничества в Арктическом регионе и споры по поводу принадлежности арктических акваторий и прав на использование их потенциальных ресурсов требуют активного вовлечении в политический и правовой дискурс исторической аргументации. Поморы, которые уже много веков ведут промысел в арктическом бассейне, получив статус коренного малочисленного народа, будут являться дополнительным аргументом, который должен убедить международные организации в предпочтительности позиций России перед другими претендентами на спорные морские акватории.

Директор Института этнологии и антропологии РАН академик Заведующий сектором этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН доктор исторических наук

В. А. Тишков

Ю. П. Шабаев».

Первое, что обращает на себя внимание: ученые-этнологи, подписавшие означенный документ, считают поморов «специфической этнографической группой русских». Но если дело обстоит подобным образом, тогда зачем, спрашивается, предоставлять поморам статус «народа»?

Второе. Автор «Докладной записки» утверждает: «Поморы являются культурной и "статистической реальностью", поскольку этноним "помор" фиксируется в ходе переписей населения и этнографических/социологических исследований». Очевидно, что здесь профессор Ю. Шабаев ссылается на результаты переписи населения РФ 2002 года. Однако в данном случае ученый-этнолог не может не знать их конкретные итоги, а именно то, что всего свою принадлежность к поморам зафиксировал в переписных документах 6 571 гражданин РФ (та же перепись нашла и «американцев» – 1 275 человек, «афганцев» – 7 945 и пр.). Из этого числа в Архангельской области на тот момент проживало 6 295 поморов (95,8 %), в Мурманской области – 127 (1,93 %), в городе Санкт-Петербурге – 16 (0,24 %), в Республике Карелия – 13 (0,2 %), в Республике Коми – 11 (0,17 %), в НАО – 6 (0,09 %), в Вологодской области – 4 (0,06 %), в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях – по 1 (0,01 %). Здесь надо обратить внимание на то, что в местах проживания настоящих «исторических» поморов – в Карелии (Карельский и Поморский берега Белого моря) и Мурманской области (Кандалашская губа, Терский берег) поморов зафиксировано 1,95 %, а по всей Карелии – всего 13 человек (!).

Таким образом, там, где в XVII - начале XX века проживали настоящие поморы, перепись 2002 года их практически не обнаружила. В то же время на Архангельскую область, по

переписи 2002 года, «поморов» пришлось 95,8 % (!). При этом городской конгломерат Архангельска – Северодвинска дал около 4 000, или 64 % всех «поморов», то есть абсолютное большинство «населения, причисляющего себя к поморам, НА ДЕЛЕ НЕ занято традиционными видами хозяйственной деятельности».

Итак, итоги переписи на самом деле зафиксировали не существование, а *искусственное создание* в Архангельске новой городской поморской идентичности, то есть явление этнической инженерии. Подобный результат есть прямое следствие идущего здесь этностроительства, лишь маскируемого под настоящих исторических поморов. И сам профессор Ю. Шабаев неоднократно писал об этом в своих научных трудах [1]. Кроме того, он прекрасно знает, что последние социологические исследования 1990-х годов поморских поселений Белого моря какой-либо отличной от русской иной поморской идентичности у тамошнего населения как раз не выявили [2].

Несостоятелен и *третий* пункт «Докладной записки»: «Придание поморам искомого статуса создаст некий баланс интересов, ограничит рост радикальных настроений среди политизированных лидеров меньшинств». Профессор Ю. Шабаев, разумеется, понимает (и он писал об этом в своих научных статьях), что «искомый статус» как раз и станет основанием для городских псевдопоморов (а в действительности – дельцов) для выдвижения новых претензий на территории и ресурсы к федеральным властям.

Что касается *четвертого пункта* – «придание особого статуса поморам и предоставление им некоторых преференций в сфере пользования биоресурсами позволит остановить деградацию поморских деревень/поселений по берегам Белого и Баренцева морей», то подобная мера только углубит социальную конфликтность, поскольку сразу же встанет вопрос о судьбе аналогичных поселений в глубине территории Архангельской области. Очевидно, что проблема поселений и народонаселения требует другого решения, никак не связанного с изобретением нового этноса, представлять который в грантовых общественно-арктических советах уже, видимо, приготовились архангелогородские – паркетные, кабинетные, кухонные, не имеющие никакого отношения к традиционным видам хозяйствования, но претендующие на участие в очень большом бизнесе вокруг квот на биоресурсы, – псевдопоморы.

И, наконец, *пятое* – тезис о том, что «обострение соперничества в Арктическом регионе и споры по поводу принадлежности арктических акваторий и прав на использование их потенциальных ресурсов требуют активного вовлечении в политический и правовой дискурс исторической аргументации». Здесь автор «Докладной записки» не может не знать, что в основе «поморской исторической концепции» лежит фальсификация, созданная профессором Владимиром Булатовым (Архангельск). А поскольку фальсификацию эту легко разоблачить, «поморская историческая концепция» не может быть использована в споре с геополитическим противником России в Арктике.

- 1. См.: «Поморов» начали возрождать для «торговли этнонимом»: профессор Ю. П. Шабаев о поморах. URL: http://regnum.ru/news/1454828.html.
- 2. Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск, 2003. URL: http://ecsocman.hse.ru/ data/2011/03/10/1214893180/2003_Plusnin_ Pomor.pdf).

Приложение 3

IV межрегиональный съезд поморов¹ 17.09.2011

17 сентября в Большом зале Поморской филармонии начал работу IV межрегиональный съезд поморов. Мероприятие проводится в рамках года Поморской культуры в целях сохранения и актуализации историко-культурного наследия Поморья.

Участие в работе съезда принимают представители органов государственной власти и местного самоуправления, некоммерческих организаций, научного и бизнес-сообщества Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого автономного округа и Республики Карелия. Специальным гостем форума поморов стала представительная делегация Норвегии во главе с председателем ассоциации поморов в Норвегии Туром Робертсеном.

Открыл форум поморов оригинальный концертный номер государственного академического Северного русского народного хора. Затем с приветственным словом в адрес участников съезда выступил губернатор Архангельской области Илья Михальчук.

Глава региона отметил значимость проводимого мероприятия, ежегодный рост интереса к нему, важность развития общественного поморского движения в области, а также подчеркнул, что поморское историко-культурное наследие является ценностным, системообразующим ядром культурного наследия Архангельской области, определяет ее специалитет и имидж. «На Русском Севере все особенное – климат, люди, отношения, культура. И наш регион по праву считается историческим центром Поморья, а наш гениальный земляк Михаил Васильевич Ломоносов уважительно именуется "великим помором". Крепко связаны между собой год 300-летия Ломоносова и год Поморской культуры. И это символично. Уверен, оказание поддержки со стороны органов государственной власти позволит выработать комплекс мер по сохранению и использованию поморского культурного наследия в интересах развития нашего региона, а самобытный поморский бренд откроет новые горизонты в развитии туризма, внесет достойный вклад в укрепление позиций России в Арктике», – подчеркнул губернатор. Завершая выступление, Илья Михальчук выразил уверенность, что межрегиональный съезд поморов в ближайшем будущем станет международным, а также предложил идею создания в Архангельской области Поморского центра.

Депутат Государственной думы Владимир Пехтин передал участникам съезда приветствие от председателя Государственной думы Бориса Грызлова и пожелал собравшимся плодотворной конструктивной работы и приятного общения с единомышленниками.

Генеральный Консул Королевства Норвегии в Мурманске Ойвинд Нордслеттен отметил: «С древних времен русские поморы продавали нам зерно и муку, а норвежцы предлагали им сушеную треску и соленую селедку. Рыба и сегодня остается главным ценным товаром между нами и соседями. Приятно, что сейчас давние традиции и вязи возобновляются. Рыбный промысел, производство нефти и газа, разработка месторождений на шельфах морей все это и многое другое открывает новые большие перспективы для совместного сотрудниче-

¹ Опубликовано: URL: http://www.dvinaland.ru/prcenter/release/23714/ (дата обращения: 01.05.2012).

ства». Ойвинд Нордслеттен передал участникам съезда северный норвежский поклон от своих земляков и поддержал инициативу главы региона Ильи Михальчука о том, что съезд поморов в будущем обязательно должен иметь статус международного мероприятия.

Руководитель норвежской делегации Тур Робертсен рассказал участникам съезда о своей книге с наименованием «Поморские сказки», в которой речь идет о жизни простых людей, а также отметил важнейшие направления российско-норвежского сотрудничества. В их числе – развитие экономики, туризма, экологии, нефтегазовой отрасли, а также продолжение и новый виток развития северных традиций, культурного наследия поморов.

В ходе работы IV межрегионального съезда поморов состоялись демонстрация видеофильма и пленарное заседание, на котором с докладами выступили представители Министерства регионального развития РФ, Сыктывкарского государственного университета, а также президент Ассоциации поморов Архангельской области Иван Мосеев.

Помимо этого, делегаты съезда смогли по желанию принять участие в работе одной из трех секций: «Наука», «Бизнес» и «Культура», ориентированной на разработку комплекса мер по сохранению и использованию культурного наследия Поморья в интересах развития Архангельской области, межрегионального и международного сотрудничества. В завершение работы участникам форума предстоит общее обсуждение актуальных вопросов через «свободный микрофон», подведение итогов съезда, принятие резолюции и концертная программа.

Напомним, организаторами IV межрегионального съезда поморов выступили региональное правительство, Ассоциация поморов Архангельской области при содействии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова и Архангельской торгово-промышленной палаты.

Пресс-служба губернатора и правительства Архангельской области.

Комментарии

Владимир Пехтин, первый заместитель фракции «Единая Россия» в Государственной думе ФС РФ.

- Сегодня в Архангельске проходит весьма знаменательное событие, особенно с точки зрения развития Северо-Запада России. *Поморы - это основа нашей*

страны, и проведение IV межрегионального съезда направлено, прежде всего, на развитие поморского потенциала, духовных ценностей, укрепление связей и главное – возрождение культурно-исторического наследия. В этой связи отмечу, что большое внимание этим вопросам сегодня уделяет и федеральная власть. Так, выступая на VIII конференции партии «Единая Россия» в Череповце, Владимир Путин озвучил целый комплекс задач, который всем нам предстоит решить в ближайшее время. В их числе помощь в освоении северных территорий, а также программы развития национального села, транспортных схем, как малых, так и коренных народов.

Анатолий Кожин, председатель Совета Архангельской региональной общественной организации «Национально-культурная автономия поморов Архангельской области».

- Русский государственный деятель Сергей Юльевич Витте был абсолютно прав, сказав, что поморы - это сталь земли русской. Именно такие люди рож-

даются и вырастают на поморской земле. Деревни коренных жителей побережья Белого моря никогда не знали крепостного права или монголо-татарского ига, жили в условиях свободы, отличались неимоверным трудолюбием и ответственностью за свое дело. В суровых северных условиях ковался легендарный крепкий поморский характер. Сегодня поморы многое унаследовали от своих предков. Но в то же время часть этого богатейшего наследия уже забыта. И IV межрегиональный съезд поморов, как и год Поморской культуры – лишь отправная точка в процессе актуализации нашего великого историко-культурного наследия.

Анна Пычина, депутат Архангельского областного собрания, «Единая Россия».

– Проведение в Архангельске IV межрегионального съезда поморов – это, несомненно, знаковое культурно-просветительское событие для нашего региона. Современное развитие Севера России и освоение Арктики исторически

тесно связаны с коренным населением Поморья, которые одними из первых покорили северные рубежи нашей страны. 2011 год в Архангельской области был объявлен годом Поморской культуры, были проведены различные культурно-просветительские мероприятия, направленные на актуализацию историко-культурного наследия Поморья для развития международного и межрегионального социокультурного сотрудничества и взаимодействия. Поморский вектор, как культурный код региона, заложенный в развитие Архангельской области, на сегодняшнем поморском съезде будет являться очень хорошим подспорьем для реализации программ социально-экономического развития, одобренных Владимиром Путиным на конференции партии «Единая Россия» в городе Череповце.

Поморы решили основательно побороться за свои права¹

© **Трофимов-Трофимов** Виталий Дмитриевич, глава комитета Общественной палаты Санкт-Петербурга по межэтническому взаимодействию, эксперт Центра социально-консервативной политики Северо-Запада по выработке предложений в сфере миграционной политики. Е-mail: ttrofimov@russia.ru.

17-18 сентября Движение по защите прав народов было приглашено на IV межрегиональный съезд поморов, который фактически

стал международным, так как на нем присутствовали представители Норвегии и других североевропейских стран. Движение по защите прав народов представляли Павел Зарифуллин, Роман Багдасаров, Виталий Трофимов-Трофимов и Анатолий Беднов, специально приглашенные из Москвы и Санкт-Петербурга, так как затрагивались правовые вопросы существования этого народа.

Поморы представляют собой неуникальный, но показательный случай этногенеза в условиях социальной несправедливости. Фактически, идет поиск народного духа для того,

¹ IV съезд поморов. 17 сентября 2011 года, город Архангельск. URL: http://www.pomorcpp.org/ monitoring/?id=3608 (дата обращения: 01.05.2012).

чтобы перераспределить добывающиеся в регионе нефтегазовые и алмазные ресурсы. Это – экономическая сторона этноренессанса поморов, не отменяющая культурную и политическую составляющую этого самого возрождения.

Поморы говорили о том, что надо самоопределиться и получить различные формы государственной поддержки, а официальные власти в лице губернатора, мэра и людей из Совфеда и Минрегионразвития – о методах привлечения в область инвестиций и бренде региона, частью которого должно стать «поморское наследие».

Несмотря на то, что в основе идентичности поморов лежат одни и те же принципы (отсутствие в данной местности монголо-татарского ига, отсутствие крепостничества, промыслово-торговый характер сурового поморского темперамента, исконная народная демократия и прочие темы, в которых соревнуются разные народы, пытаясь продемонстрировать свою исключительную нерусскость), нельзя не отметить и противоречие этой нерусскости, а местами антирусскости. Один докладчик говорит о поморах как о четвертой сестре славянских народов (после русских, белорусов и украинцев), отодвигая, видимо, на пятый план русинов, другой, следом за ним, говорит, что, по данным медэкспертиз, в расовом плане поморы – это финно-угры, ничего чуть ли не унаследовавшие от русских в генетическом плане.

Случаев культурного заимствования без генетического достаточно. Хотя бы вспомнить Магриб, где местные берберы ассимилировались под влиянием арабов, которых было около 4 %, и стали частью арабского мира. И западносахарские сахарави фактически к арабам генетического отношения уже не имеют, хотя и именуются «сахарскими арабами». Но сама постановка вопроса какова – поморы или нерусские, или сверхрусские!

Игра с идентичностями – обычное дело. Чтобы стать сообществом, надо создать основы этого сообщества. Обретение идентичности – хлеб с маслом в вопросах стратегической этнографии. Точно также русские нацисты, стремясь выделиться из христианского (внеэтнического) мира, пытаются принять различные формы язычества. Это выглядит смешно, так как они сохраняют вполне себе христианскую ментальность, боятся наносить тату и вживлять тот же пирсинг. Но тема та самая.

Другой важный сюжет, который бросается в глаза, – клиентельский характер поморского этнического движения. Также как власти пытаются создать бренд региона, оперируя поморством, также и поморы пытаются сформировать сообщество, которое получило бы поддержку от государства в лице региональных властей. Съезд в этом плане походил на форму общественного договора, а работа в секциях – на согласование пунктов этого договора.

Если это так, то понятно, почему поморское движение искало форму самоопределения то как коренной малочисленный народ, то как община, то как территориальное объединение с правом самоуправления. В кулуарах затрагивали тему некоммерческого партнерства и другие очень частные случаи общественных объединений. Самый радикальный тезис был заявлен нами: «Народы имеют право на землю со всеми богатствами недр в ней», после чего общественность забурлила, ведь все происходило в полуделикатных тонах просьб о поддержке, не переступая грани демократическо-правовой игры.

Понятна и роль замдиректора Департамента межнациональных отношений Минрегионразвития А. Зенько, который деликатно отваживал от федеральной кормушки все эти

народнические инициативы, и всех плакальщиков отсылал подальше. А именно – в World Bank.

Символом поморского движения был выбран кибас. Это такое грузило в виде камня, вписанного жесткими берестовыми спицами в можжевеловый круг. Смотрится замечательно, но есть претензия к символистике. Для самих поморов кибас все равно что русская подкова – вешается на удачу. Однако это тяжелая штука, которую кидают в море, и она идет ко дну. Получается двусмысленно. Однако уже какой-то символ. Хотя и смахивает на логотип школы Карате – Киокушинкай.

Многие работы по конструированию идентичности очень понравились. Во-первых, довольно добротно выполнена работа по частичному восстановлению, частичному реконструированию поморского языка (или диалекта, хотя многие нерусского направления в поморском дискурсе русским диалектом поморский говор не считают). Многие выражения пришли в русский язык действительно из поморского диалекта, в самом диалекте славянская этимология и в целом все слова понятны. Купить словарик денег пожалел, а надо было бы. Гулящих женщин поморы называли «вертляфками». Очень красивый и добрый язык, что характерно.

Другая часть идентичности – преодоление природы – расписана очень подробно. Поморы первые тут, поморы первые там, и в Сибирь первые шли, и дошли до Штатов, основали Форт Рос, на Гавайях им поклон, вся транстихоокеанская торговля была на поморах, в Архангельск ананасы возили и все такое. Где там истина, а где нет, неважно. Мы должны уважать не только их историю, но и интерпретацию их истории, так как народ, как группа, способен сохранять историю в условиях надвигающейся информационной сингулярности, когда все переписывают историю и игнорируют истину.

Я не сторонник ни генетических исследований, ни исторических. Для меня народ представляет собой интерес как политическая данность. Если есть группа с устойчивой идентичностью (и это не ролевая игра в светлое время суток), то народ существует.

Под конец первого дня выступил Павел Зарифуллин, пригласив всех участвующих посетить второй день мероприятия, на котором обсуждались правовые вопросы и самый главный вопрос – право народа на недра и землю. Подобно тому как в античные времена правители-завоеватели требовали «земли и воды» от покоряемых народов, также сегодня народыправители требуют «земли и воды» для себя, чтобы обустроить свой мир так, как того требует социальная и политическая справедливость.

Предложения секции «Наука» IV межрегионального съезда поморов

IV межрегиональный съезд поморов признает, что Архангельская область является наиболее крупным регионом среди других сопредельных субъектов РФ, в которых проживают поморы. Государственные органы власти Архангельской области в соответствии с Уставом Архангельской области активно и наиболее последовательно поддерживаются традиции Поморского Севера, в том числе это находит отражение в законодательстве Архангельской области.

На основании этого, IV межрегиональный съезд поморов просит правительство Архангельской области возглавить межрегиональный процесс по приданию поморам особого статуса коренной этнической общности в сфере традиционного природопользования. Съезд поддерживает мнение ведущих этнологов – академика РАН В. А. Тишкова и профессора Ю. П. Шабаева о том, что придание особого статуса поморам и предоставление им некоторых преференций в сфере пользования биоресурсами позволит остановить деградацию поморских деревень/поселений по берегам Белого и Баренцева морей, остановить процесс обезлюдевания территории, которая имеет статус пограничной зоны, а значит, подобная мера определенным образом укрепит ее безопасность и продемонстрирует российское присутствие на Севере и в Арктике.

IV межрегиональный съезд поморов рекомендует правительству Архангельской области до конца 2011 года обратиться в Министерство регионального развития РФ с ходатайством о включении коренной малочисленной этнической общности поморов в Единый перечень коренных и малочисленных народов России, в соответствии с рекомендациями РАН и переданной в Минрегионразвития России докладной записки директором Института этнологии и антропологии РАН академиком В. А. Тишковым и заведующим сектором этнографии ИЯЛИ Коми НЦ Уральского отделения РАН профессором Ю. П. Шабаевым о необходимости включения этнической общности поморов в указанный перечень. Лицом, ответственным за соблюдение процедуры и сроков отправки указанного документа, рекомендуем назначить советника губернатора Архангельской области, председателя совета Национально-культурной автономии поморов Архангельской области А. А. Кожина.

IV межрегиональный съезд поморов соглашается с предложениями заместителя директора департамента межнациональных отношений Минрегионразвития России А. С. Зенько о необходимости использования и других положений действующего российского законодательства с целью решения социально-экономических проблем сохранения этнической общности поморов.

IV межрегиональный съезд поморов поручает оргкомитету съезда, в соответствии с положением о совместном ведении РФ и субъектами РФ вопросов «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (Конституция РФ, статья 72) и вопросов владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, обратиться с письмами в региональные и федеральные органы государственной власти:

- а) о запрете аукционов по продаже земельных участков в районах традиционного проживания общности поморов на побережье Белого моря и на территориях традиционного природопользования коренного поморского населения, в соответствии с «Картой расселения народов России», изданной и опубликованной Министерством регионального развития РФ в 2011 году;
- б) о снятии запрета правительства РФ на традиционный поморский промысел гренландского тюленя в Белом море в возрастной стадии «серки», оставив при этом запрет на забой тюленя в стадии «белька»;

в) о внесении изменений в федеральный закон «О рыболовстве» для предоставления этнической общности поморов не только трех общедоступных видов рыболовства («промышленного», «любительского» и «спортивного»), но и основного, четвертого вида рыболовства, предусмотренного российским законодательством, – «традиционного рыболовства», осуществлять которое могут лишь этнические общности, внесенные в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

IV межрегиональный съезд поморов обращается к правительству Архангельской области совместно с Ассоциацией поморов Архангельской области, Национально-культурной автономией поморов Архангельской области, учеными и экспертами НОЦ «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера» Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова изучить поступившие предложения и до конца 2011 года разработать рекомендации о возможных иных путях приравнивания прав этнической общности поморов к правам коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Архангельской области и сопредельных регионов, в вопросах обеспечения традиционного природопользования и социально-экономического развития поморских поселений.

IV межрегиональный съезд поморов обращается к ректору САФУ профессору Е. В. Кудряшовой с рекомендацией поручить НОЦ «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера» САФУ возглавить работу по разработке проектных предложений, необходимых для возрождения поморского традиционного образа жизни на Севере и в Арктике и развития традиционной поморской культуры, актуализации поморского культурного наследия в русле арктических исследований.

IV межрегиональный съезд поморов поручает советнику губернатора Архангельской области, председателю Совета Национально-культурной автономии поморов Архангельской области А. А. Кожину рассмотреть возможность участия в федеральных целевых программах и внести предложения по созданию региональной программы сохранения поморского культурного наследия.

IV межрегиональный съезд поморов заявляет о необходимости обязательного проведения общественной экологической экспертизы любых проектов промышленного освоения Севера, затрагивающих территории жизни и промысла поморов, и обращается к губернатору Архангельской области И. Ф. Михальчуку дать соответствующие поручения исполнительным органам государственной власти Архангельской области.

Приложение 4

В правительстве области подвели итоги года Поморской культуры (07.03.2012)

Напомним, что решение о проведении года Поморской культуры было принято в октябре 2010 года. Проект уникален тем, что значительная часть мероприятий, которые были реализованы в течение прошлого года, являются результатом проявления общественной инициативы, успешного сотрудничества и взаимодействия власти и гражданского общества.

Год Поморской культуры запомнился северянам проектом «Архангельский обоз» (именно торжественные проводы поморского обоза дали старт году Поморской культуры в Архангельской области), выставкой «Наследие Нансена: наука на краю света», международ-

ным научно-культурным Баренц-форумом, проектом «Созвездие северных фестивалей», Поморским фестивалем народной кухни и множеством других, не менее интересных мероприятий. Венчал год Поморской культуры IV межрегиональный съезд поморов, который фактически приобрел статус международного.

Примечательно, что начавшийся в формате отчетов о проделанной работе орг-

комитет вскоре перешел в живой диалог между всеми участниками заседания. И задал тон губернатор Игорь Орлов, которого сразу заинтересовало конкретное воплощение идей, озвученных с трибуны. Так, одно из предложений касалось создания в регионе Международного Поморского центра. Первоначально губернатора смутило само название – «Международный». По мнению Игоря Орлова, статус будущего учреждения необходимо еще раз детально обсудить. Кроме того, в ходе обсуждения выяснилось, что до сих пор нет четкого понимания, чем будет заниматься Поморский центр, каковы его функции, не просчитана финансовая составляющая. Поэтому участники оргкомитета перенесли принятие решения о создании центра на конец марта.

По оценке главы региона, проведенные мероприятия не достигли главной цели – ничем не помогли самим поморам. «Например, не первый год стоит проблема развития традиционных поморских промыслов. До сих пор в этом направлении ничего не сделано», – подчеркнул Игорь Орлов. Также губернатор выразил недоумение по поводу того, что в Архангельске до сих пор не создан музей поморской культуры: «Подобные музеи созданы в Карелии, Мурманской области, норвежском городке Вардё с населением три тысячи человек. А мы опять опаздываем».

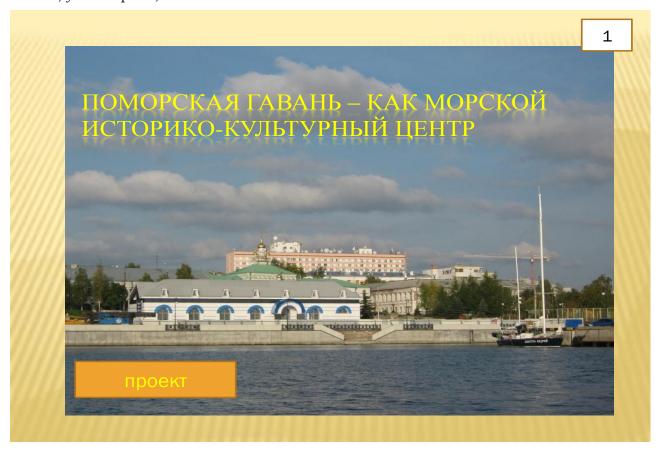
Среди других интересных идей, прозвучавших на заседании заключительного оргкомитета, – создание морского историко-культурного центра «Поморская гавань». По словам Игоря Орлова, замысел интересный и полезный, который необходимо поддержать. «В ближайшее время в правительстве региона будет создано министерство культуры. Реализация проекта "Поморская гавань" станет одной из первых задач нового ведомства», – пообещал губернатор.

Подводя итог заседанию, Игорь Орлов еще раз заострил внимание, насколько важно не потерять тот вектор развития поморской культуры, который был задан на IV Съезде поморов. «Все предложения, идеи должны приобрести форму конкретных бизнес-проектов, – подчеркнул глава региона. – Этот импульс не должен быть утрачен. Традиционное северное поморское наследие – наш региональный бренд, который необходимо поддерживать и развивать 1.

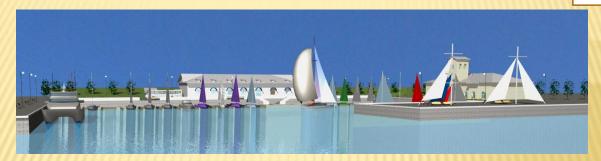
¹ В правительстве области подвели итоги года Поморской культуры. URL: http://www.dvinaland.ru/prcenter/release/28626/?sphrase_id=137051 (дата обращения: 01.05.2012).

Проект «Поморская гавань»

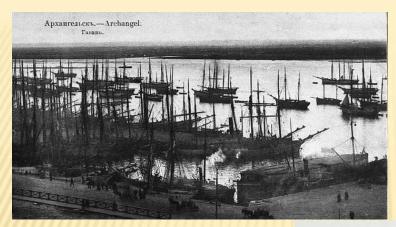
- © **Звягин** Сергей Александрович, научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН, яхтенный капитан, художник.
- © **Zvyagin** Sergei Alexandrovich, scientific employee of Institute of ecologic problems of the North UB RAS, yacht captain, artist.

2

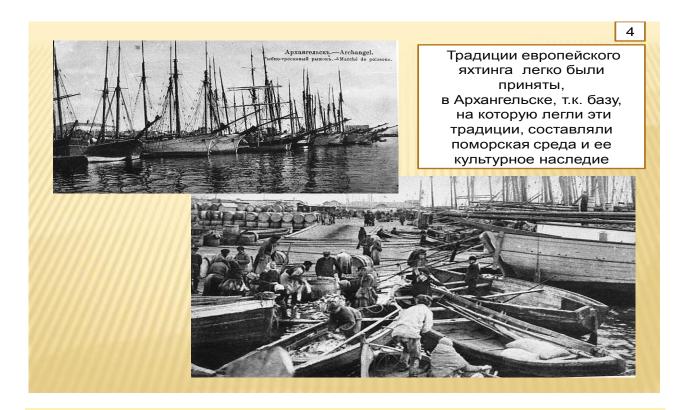
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО СОЗДАНИЮ МОРСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА ОБУСЛОВЛЕНО НЕОБХОДИМОСТЬЮ СОХРАНЕНИЯ СЛАВЫ АРХАНГЕЛЬСКА КАК ПЕРВОГО МОРСКОГО ПОРТА РОССИИ, ФОРПОСТА ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ, ГДЕ МОРСКАЯ ИСТОРИЯ ДОЛЖНА ПРОЯВЛЯТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО ВО ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ ГОРОДА И ПОМОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ, НО И В СРЕДЕ, КОТОРАЯ САМА ФОРМИРУЕТ ЭТОТ ОБЛИК, А НЕ ТОЛЬКО ХРАНИТЬСЯ В МУЗЕЙНЫХ ФОНДАХ И ЗАПАСНИКАХ

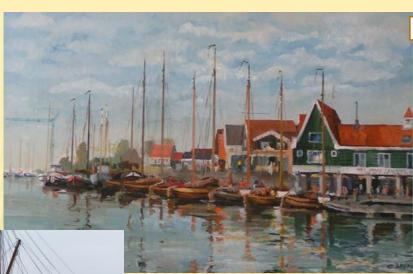
ПАРУСА С САМОГО ОСНОВАНИЯ АРХАНГЕЛЬСКА ГОСПОДСТВОВАЛИ НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

Традиции европейского яхтенного наследия, преемственность поколений и морская парусная практика благодатно были приняты в архангельском социуме в 1911 году созданием Архангельского речного яхт-клуба

В основу проекта легли исследования и наблюдения проведенные в России и за рубежом

ТРАДИЦИОННЫЕ ПАРУСНЫЕ РЫБАЦКИЕ СУДА ГОЛЛАНДИИ И НОРВЕГИИ

НОРВЕЖСКИЕ ЁЛЫ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ СЕГОДНЯ КАК ДЛЯ ТУРИЗМА, ТАК И ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПАРУСНОМУ,МОРСКОМУ ДЕЛУ СТУДЕНТОВ МОРСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ

5

МОРСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР, КЛУБ «ПОЛЯРНЫЙ ОДИССЕЙ» В ПЕТРОЗАВОДСКЕ СТРОЯТ СУДА-РЕПЛИКИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ, ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ ТУРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ. НА ЭТИХ СУДАХ ПРОХОДЯТ ПРАКТИКУ И ОБУЧЕНИЕ ПАРУСНОМУ ДЕЛУ ШКОЛЬНИКИ И СТУДЕНТЫ

BECTI TATEMS

ДВА КОЧА, ПОСТРОЕННЫЕ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ В 2011 ГОДУ УЧАСТВОВАЛИ В ЭКСПЕДИЦИИ ПО СЕВЕРНЫМ РЕКАМ, БЫЛИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ. НА БОРТУ, КРОМЕ ЭКИПАЖЕЙ, НАХОДИЛИСЬ СТУДЕНТЫ И ТУРОПЕРАТОРЫ.

7

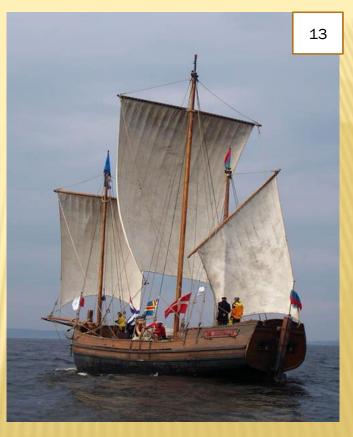

В НАШ ГОРОД ЕЖЕГОДНО ПРИХОДЯТ В ГОСТИ ПАРУСНИКИ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ РОССИИ И ИЗ-ЗА РУБЕЖА.

14

Цель данного проекта – оформить территорию набережной и придать ей динамику и практическое наполнение через работу центра, создав тем самым благоприятную среду для работы по многим социальным, культурным, научным и образовательным направлениям, связанных с морским наследием Севера, с историей освоения Арктики

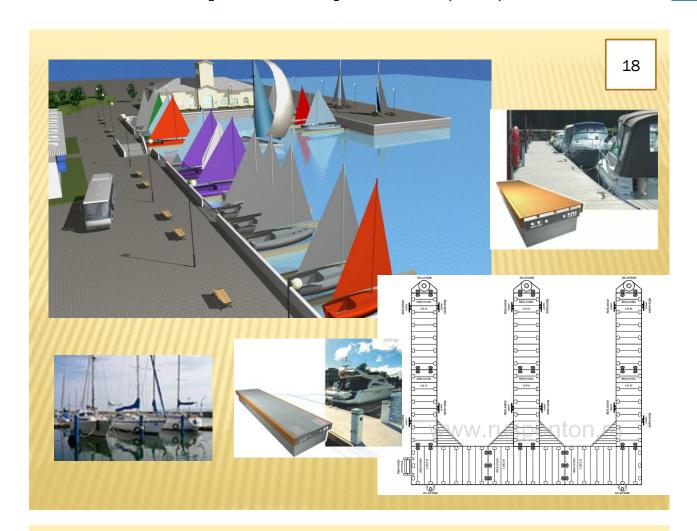
МОРСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «ПОМОРСКАЯ ГАВАНЬ» ДОЛЖЕН ОБЪЕДИНИТЬ СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ МУЗЕЙ, НОВОЕ ЗДАНИЕ ЦЕНТРА С ЯХТ-КЛУБОМ, СТОЯНКУ, ОБОРУДОВАННУЮ СОВРЕМЕННЫМИ ПОНТОНАМИ ДЛЯ ЯХТ И МАЛОМЕРНЫХ МОТОРНО-ПАРУСНЫХ СУДОВ,

В ЗДАНИИ ЦЕНТРА МОГУТ РАЗМЕСТИТЬСЯ: ЯХТ-КЛУБ, КЛАССЫ ДЛЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ, ДЕЙСТВУЮЩАЯ ИНТЕРАКТИВНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ ПАРУСНЫХ СУДОВ-РЕПЛИК («ПОМОРСКИЙ ЭЛЛИНГ»), САНИТАРНО-БЫТОВОЙ БЛОК, ДИСПЕТЧЕРСКАЯ, КАЮТ-КОМПАНИЯ – МОРСКОЙ САЛОН, МОЖЕТ РАЗМЕСТИТЬСЯ ОДИН ИЗ ОТДЕЛОВ НОЦ «ПОМОРСКОГО ИНСТИТУТА КОРЕННЫХ И МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА» САФУ

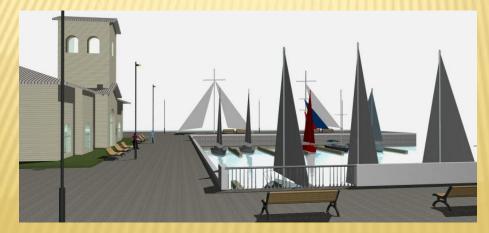

НАБЕРЕЖНАЯ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ В РАЙОНЕ ЯХТ-КЛУБА В 1930-Е ГОДЫ

«Поморская гавань» должна продолжить добрые морские традиции в XXI веке

Резензент – Цветков Александр Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент.

Социологические науки

УДК 316.356.2(470.1/2.+48)(045)

Особенности семейно-брачных отношений в странах Баренцева Евро-Арктического региона

© **Бобина** Юлия Владимировна, студентка 5-го курса отделения регионоведения и международных отношений института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова, студентка факультета социальных наук Университета Нурланда (Норвегия). Приоритетные темы исследований: государственная политика в сфере семейно-брачных отношений и особенности ее реализации в странах БЕАР. Контактный телефон: +7 911 687 06 61. E-mail: julia23bobina@rambler.ru.

В статье рассматриваются основные особенности семейнобрачных отношений в странах Баренцева Евро-Арктического региона: России, Норвегии, Швеции и Финляндии. Анализиру-

ются статистические данные по количеству заключенных браков и разводов, среднего возраста вступления в брак, результаты проведенных опросов. Акцентируется внимание на существовании особого института семейной политики в странах БЕАР – Семейного центра.

Ключевые слова: семья, страны Баренцева Евро-Арктического региона, индекс развития человеческого потенциала, средний брачный возраст, семейный центр.

The features of the family relations in the countries of the Barents Euro-Arctic region

© *Bobina* Yulia Vladimirovna, 5th year student of the Department of Regional Studies and International Relations of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov, a student at the Faculty of Social Sciences, University of Nordland (Norway). *Priority themes of the research:* public policy in the sphere of family relations, and particularly its implementation in the BEAR. Contact phone: +7 911 687 06 61. E-mail: julia23bobina@rambler.ru.

Abstract

In the article discusses the main features of family relations in the Barents Euro-Arctic region: Russia, Norway, Sweden and Finland. Analyze statistical data on the number of marriages and divorces, the average age at marriage, the results of the polls. Attention is drawn to the existence of a special institution of family politics in the countries of BEAR – Family centre.

Keywords: family, countries of the Barents and Euro-Arctic regions, human development index, the average age of marriage, Family centre.

Семейно-брачные отношения представляют собой большой интерес для исследования, поскольку семья является одним из наиболее важных институтов в обществе, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. В со-

временном мире семейно-брачные отношения играют очень важную роль. Семья является той общественной структурой, в которой происходит воспроизводство человека как члена общества. Именно в семье первоначально складывается мировосприятие человека, формируются его социальные качества.

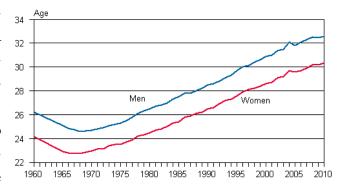
Для меня, как для будущего специалиста по странам Северной Европы, наибольший интерес представляют страны Баренцева Евро-Арктического региона. Следует отметить, что начало сотрудничеству в Баренцевом Евро-Арктическом регионе было положено в Киркенесе (Норвегия) в 1993 году. В регион входят 13 губерний или соответствующих административных образований в Норвегии, России, Финляндии и Швеции [1]. Около 6 млн человек проживают в Баренцевом регионе, площадь которого втрое больше территории Франции.

Прежде чем начать изучение семейной политики в странах БЕАР следует рассмотреть социальный фактор, который является основополагающим фактором и определяющим звеном в развитии общества. В первую очередь этот фактор определяет уровень жизни в стране, то есть индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП – это индекс для сравнительной оценки бедности, грамотности, образования, средней продолжительности жизни и других показателей страны; также это экономический индекс, применяемый ООН для характеристики качества жизни в различных странах. Норвегия признана самой благополучной страной в мире (лидер индекса ИРЧП в 2011 году – 0,943). Россия занимает 66 место в списке с индексом ИРЧП равным 0,755, что является довольно высоким показателем. Швеция и Финляндия входят в тридцатку стран с лучшим ИРЧП (ИРЧП Швеции – 0,904, а Финляндии – 0,882) [2]. Следует отметить, что Норвегия с 2001 года по настоящее время является лидером ИРЧП, уступая место лишь Исландии в 2007 и 2008 годах.

Изучив социальный фактор как определяющий фактор семейно-брачных отношений в странах Баренцева Евро-Арктического региона, следует рассмотреть особенности семейной политики данного региона. Государственная семейная политика, объектом которой является семья, формируется на основе закономерностей функционирования института семьи. Модернизация государственной семейной политики связана с модернизацией семьи как социального института. Это два взаимосвязанных процесса [3]. Следует отметить, что через семейную социальную политику государство выражает свое отношение к семейному образу жизни и реализует определенные социальные цели в отношении семьи. Так, в Архангельске развитие системы социальной помощи семье и детям проводится в соответствии с направлениями, определенными Концепцией развития системы социальной защиты населения города Архангельска. В концепции отмечается, что главной целью в области поддержки семьи как естественной среды развития детей является обеспечение экономическими, социальными, правовыми и административными мерами права детей на жизнь в семье, поддержки семьи в вопросах воспитания и содержания детей и др. [4]. Следует уделить внимание статье на тему усиления семейной политики в странах Северной Европы, которая была опубликована в норвежском научном журнале NIKK [5]. Здесь отмечается заметное усиление влияние отца в семье, его прав и возможностей по уходу за детьми. Так называемые «father quotas» («квоты для пап») введены в Швеции, Финляндии и Норвегии (отцы могут брать отпуск по уходу за ребенком на весь период, за исключением трех недель перед рождением и шести недель после рождения ребенка, которые предоставляются только матери). Введение квот для отца по уходу за ребенком служит одним из показателей успешной семейной политики в странах БЕ-AP.

В каждой стране существуют свои ценности и свои семейные традиции, средний брачный возраст также везде разный. Так, средний возраст вступления в брак российского мужчины – 25 лет, российской женщины – 23 года. Норвежцы всегда относились к вступлению в брак и рождению детей как к основной цели в жизни человека. Средний брачный возраст у мужчин 26 лет, у женщин – 24–26 лет. С каждым годом все меньше шведов всту-

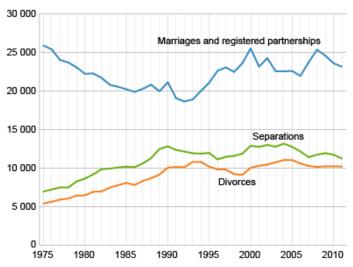
пает в брак. Средний возраст мужчин, впервые вступивших в брак, составляет 28 лет, а выходящих замуж женщин – 25 лет. Что касается Финляндии, то они в наши дни вступают в брак исключительно по любви – так, во всяком случае, утверждает большинство финнов. При этом средний возраст вступления в брак – 29–31 год. В Северной Европе

молодые люди не спешат связывать себя брачными узами. За последние два десятилетия средний возраст вступления в первый брак в этих странах увеличился на пять лет [6].

При рассмотрении динамичности семейно-брачных отношений в странах Баренцева Евро-Арктического региона следует привести немного статистики. Существенное снижение уровня браков в России произошло в 1990–1992 году (в 1990 году – 1 320 браков, в 1992 году – 1 054 браков). В целом, в 2007 году число браков в России выросло на 11,6 %, в 2009 году, по данным Росстата, зафиксировано более 1 млн 200 тыс. браков [7]. В то же время темп роста количества разводов в 2009 году был еще выше, составив 21,6 %, а число разводов достигло 764 тыс. Что касается разводов, то цифра, к сожалению, упорно растет. Следует отметить, что в Швеции количество заключенных браков сегодня так низко (3,6 на 1 000 населения), а количество сожителей так велико (30 % всех пар), что можно утверждать: институт брака там переживает долговременный упадок [8]. Таким образом, повышение рождаемости,

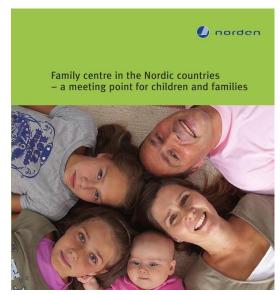
снижение количества разводов и количества традиционных браков являются основными характеристиками шведского общества. В Норвегии 23 100 браков было заключено в 2011 году, а количество разводов составило 11 тыс. Следует отметить, что количество разводов не меняется уже в течении пяти лет [9]. В Финляндии количество заключенных браков растет с каждым годом. Так, в 2011 году было заключено 29 952 брака, что на 116 больше, чем в предыдущем году. Количество разводов остается ста-

бильным - 13 619 [10].

В последние десятилетия во всех развитых странах происходит быстрый рост доли детей, родившихся вне брака, что свидетельствует о все большем распространении других форм супружества. Так, 1 января 2009 года в Норвегии и 1 мая 2009 года в Швеции вступил в силу закон об однополых браках. Граница между мужским и женским стала окончательно размываться в норвежских семьях с появлением достатка и развитием технического прогресса. Теперь особое внимание уделяется изменению роли мужчин в семье. Им также предоставлено право на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком.

Благодаря любезной помощи Натальи Кукаренко, кандидата философских наук соци-

альной философии Университета Тромсё (Норвегия), автору настоящего исследования удалось изучить особенности семейно-брачных отношений и на норвежском языке. Так, в статье Anna-Birte Ravn и Вепtе Rosenbeck большой акцент делается на существование Семейного центра в странах БЕАР [11]. Центр является особой моделью семейной политики в странах Северной Европы, главной целью которого является обеспечение развития и здорового образа жизни детей и их семей. Первый семейный центр был открыт в Швеции в 1970 году. В Норвегии и Финляндии развитие этого института семейных отношений началось в начале 2000-х годов [12]. Ос-

новными задачами семейного центра являются: поддержка и усиление роли родителей как главных людей в жизни детей; развитие социальных связей между детьми и родителями; информационное обеспечение по семейным вопросам; укрепление института семьи в обществе.

Для полноценного исследования семейно-брачных отношений в станах БЕАР был проведен опрос студентов САФУ (Архангельская область), а также студентов, обучающихся в Университете Тромсё, в Стокгольмской Школе экономики (Швеция). Студентов, проживающих в Финляндии, автору настоящего исследования удалось опросить во время обучения в летней школе в городе Торнио с 15 по 29 августа 2011 года. Возрастная группа – от 18 до 25 лет. Количество опрошенных – 100 человек. Ниже следует краткое описание результатов опроса (перечень самих вопросов представлен в конце работы).

По первому вопросу для России, Норвегии и Швеции основным возрастом для заключения брака является 22–27 лет, а в Финляндии большинство студентов отдает предпочтение 27–40 годам. Это обусловлено тем, что в Финляндии средний брачный возраст составляет 29–31 год.

Ответы на второй вопрос стали ожидаемы для Норвегии, Швеции и Финляндии: там почти все студенты сказали, что наиболее благоприятной страной для заключения брака является та страна, в которой они проживают. Студенты же из России высказали иное мнение, а именно то, что Норвегия, по их мнению, является наиболее благоприятной.

На третий вопрос студенты из Архангельской области и Финляндии ответили, что наличие двоих детей будет достаточно для семьи. Норвежцы и шведы считают, что для семьи необходимо наличие не менее троих детей.

Следующий вопрос основывается на утверждении, что «брак должен быть одним и на всю жизнь». Большинство студентов из России и Норвегии ответили утвердительно. Студенты из Швеции и Финляндии высказали неопределенное мнение.

На пятый и шестой вопрос почти все студенты, которые принимали участие в опросе, дали положительный ответ.

Последний вопрос, где выяснялось отношение студентов к однополым бракам, выявил неоднозначные результаты. Студенты из России ответили отрицательно по данному вопросу. Большинство студентов из Норвегии, Швеции и Финляндии высказали нейтральную точку зрения.

	1. 16-18	
1) По Вашему мнению, в каком возрасте лучше заключать брак? / In у		
opinion, what age is the best for contract a marriage?	3. 22-27	
	4. 27-40	
2) Наиболее благоприятная страна для заключения брака? / Which country is	Russia	
the most prosperous, advantageous for contract a marriage?	Norway	
the most prosperous, advantageous for contract a marriager	Sweden	
	Finland	
3) Сколько детей Вы бы хотели иметь в своей семье? / How many children do	1	
you want to have in your family?	2	
you want to have in your failing?	3	
	4 and more	
4) Считаете ли Вы, что брак должен быть «одним и на всю жизнь»? / Do you	Yes	
think that a marriage should be one till all life?	No	
think that a marriage should be one thi an mer	Don't know	
5) Согласны ли Вы с утверждением, что «семья – главное звено в обществе»?	Yes	
/ Do you agree with the statement, that a family is the main link, part in a soci-	No	
ety?	Don't know	
6) Что для Вас важнее: семья или работа? / What is more important for you?	A family	
of the day bac barance, cembra and paperar / what is more important for your	A work	
7) Как Вы относитесь к однополым бракам? / How do you refer to a same-sex	Positively	
marriages?	Negatively	
marriages:	Neutral	

Таким образом, современные представления молодежи подтверждаются научными данными и исследованиями. Можно сделать вывод, что к наиболее важными особенностям семейно-брачных отношений в странах БЕАР относятся:

- быстрый рост доли детей, родившихся вне брака;
- поздний возраст вступления в брак;
- усиление нестабильности брака;
- не везде семья главная цель в отношениях между мужчиной и женщиной (растет количество сожителей);
- средний уровень рождаемости;
- тенденция отрицания брака;
- уровень распада сожительствующих пар является более значимой мерой стабильности семьи, чем уровень разводов.

Крепкая семья, здоровые дети, хорошее материальное положение, семейное благополучие – основные цели семейной политики в странах БЕАР.

Литература

- 1. Баренц Секретариат. URL: http://www.barents.no (дата обращения: 11.04.2012).
- 2. Индекс развития человеческого потенциала. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ИРЧП (дата обращения: 11.04.2012).
- 3. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: Проблемы теории и практики / Гос. НИИ семьи и воспитания. М.: НАУКА, 2003. С. 25.
- 4. Калинина М. Р. Превентивные стратегии в социальной работе // Международная конференция (Архангельск, 19–24 мая 2004 г.). Архангельск, 2006. С. 160–163.
- Bergmann S. New perceptions of Gender and Reproduction // Nikk magasin. 2006. No 3.
 P. 24-27.
- Anon V. Family policies, fertility trends and family changes in the Nordic countries: how sustainable is the Nordic model of family welfare? // The Tromso University Press. 2007. P. 97-99.
- 7. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/ (дата обращения: 13.04.2012).
- 8. Anon V. Family policies, fertility trends and family changes in the Nordic countries: how sustainable is the Nordic model of family welfare? // The Tromso University Press. 2007. P. 132.
- 9. Официальная статистика Королевства Норвегия. URL: http://www.ssb.no/ekteskap_en/ (дата обращения: 13.04.2012).
- 10. Статистика Финляндии. URL: http://www.stat.fi/til/ssaaty/2010/ssaaty_2010_2011-05-06_tie_001_en.html (дата обращения: 13.04.2012).
- 11. Ravn A.-B. Gender and Family Policies in the 20th Century // Oslo: Cappelen, 2008. P. 98.
- 12. Kekkonen M. Family centre in the Nordic countries // Nordic Councils of Ministers. 2012. P. 23.

Рецензент – Шадрина Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент. УДК 304.444+57.024+303.621.34(045)

К вопросу об изучении социокультурного потенциала населения Архангельской области как приарктической территории

© *Бобылева* Надежда Игоревна, кандидат биологических наук, доцент кафедры социальной работы института педагогики, психологии и социальной работы

САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 902 195 94 48. E-mail: pur-navolok@yandex.ru.

© Рыбак Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы института педагогики, психологии и социальной работы САФУ имени М.

В. Ломоносова. Контактный телефон: + 7 902 198 68 11. E-mail: evarubak2010@yandex.ru.

© **Цихончик** Надежда Васильевна, старший преподаватель, аспирант кафедры социальной работы института педагогики, психологии и социальной работы САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 902 197 68 44. E-mail: nadezhda_cihonch@mail.ru.

В статье рассматривается социокультурный потенциал как элемент человеческого капитала. Понятие «социокультурный потенциал» включает социальную и культурную части. Авторы предлагают

собственную методику изучения социокультурного потенциала. Они считают очень важным культурное развитие Архангельской области как арктической территории.

Ключевые слова: социокультурный потенциал, население, Архангельская область, Арктика.

To the question about the research of the socio-cultural potential of the population of the Arkhangelsk region, like Arctic territory

© *Bobyleva* Nadezhda Igorevna, Ph. D. in Biology, Associate professor of the social work department of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 902 195 94 48. E-mail: pur-navolok@yandex.ru.

- © *Rybak* Eugenia Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate professor of the social work department of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: + 7 902 198 68 11. E-mail: evarubak2010@yandex.ru.
- © *Tshyhonchik* Nadezhda Vasilievna, Senior Lecturer, Postgraduate of the social work department of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 902 197 68 44. E-mail: nadezhda_cihonch@mail.ru.

Abstract

In article the sociocultural potential as an element of the human capital is considered. The concept of 'social and cultural potential' includes social and cultural side. The authors propose their own method of studying the social and cultural development. They find it is very important to the cultural development of the Arkhangelsk region as the Arctic territory.

Keywords: socio-cultural potential, population of the Arkhangelsk region, Arctic.

Инициация и проведение исследований в области истории, культуры, экономики и социального развития региона является приоритетной задачей государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и направлены на перспективу развития страны в сфере науки и технологий [5, 2012].

Необходимость совершенствования социального образования молодежи в рамках специальностей «социальная работа» и «организация работы с молодежью» подвигло нас к поиску ценностных оснований современного образования в условиях модернизации программ подготовки. Образованность, культурный уровень, духовные интересы, система ценностей – в научной транскрипции все это реализуется через категории «социокультурного развития», «социокультурного потенциала». Трансляция культурных ценностей через призму социальных объектов (личность, социальная группа, регион, общество) суть социокультурного подхода в социальных науках.

С одной стороны, вопрос о социокультурном потенциале как составляющей человеческого капитала рассматривается преимущественно в экономическо-политических и социальных науках (Ю. А. Корчагин, Е. В. Шульгина, В. Т. Смирнов, А. Н. Добрынин и др.). С другой стороны, категория социокультурного потенциала рассматривается и гуманитарными науками, например в фокусе образования (Г. И. Герасимов, 2005).

Социальная работа, существующая в России как профессиональная область знаний всего 20 лет, испытывает дефицит собственных категорий и заимствует их из смежных наук. Таковым, например, является предмет нашего исследования – социокультурный потенциал. Мы рассматриваем социокультурный потенциал (далее – СКП) как наличие социального и культурного ресурса в зоне ближайшего развития человека, организации, региона; это потенция, запас, способность субъекта освоить новые знания, приобрести социальные навыки, быть полноценным и полноправным членом общества. Под социальным компонентом СКП мы понимаем горизонтальные связи человека в социуме: отношения между людьми в данный момент и в данном обществе; под культурным компонентом СКП нами понимаются исторические, временные связи между поколениями в виде сохранения языка, традиций и ценно-

стей. Под потенциалом мы подразумеваем способность субъекта двигаться в направлении конструктивного созидания и цивилизованного развития конкретного микросоциума.

Важность изучения СКП в данный момент актуализируется парадоксальной ситуацией, при которой очевидным становится факт, что при наличии исключительно мощного фундамента духовной культуры российского социума состояние общества близко к деградации. Утрачиваются наработанные ценности, новые не образуются или присутствуют в искаженном виде, зачастую заимствованные или социально деструктивные.

В этом состоянии ценностной переориентации цели и ценности конкретного человека, населения региона устойчивы и непротиворечивы настолько, насколько они упорядочены на социетальном, надиндивидуальном уровне. Если же на данный момент на уровне государства «национальная идея» социокультурного развития не сформирована, необходима идентификация человека через локальный социум, то есть регион. Исследователи сходятся во мнении, что «...в условиях серьезных социально-экономических преобразований российского общества вполне правомерна постановка вопроса о необходимости выявления законов и тенденций естественного развития социально-культурных целостностей, каковыми являются регионы России» [3, 2012]. Мы солидарны с этим видением и акцентируем вопрос о необходимости комплексного изучения социокультурного развития и потенциала населения конкретного региона.

В данном контексте интересен аспект анализа современной региональной (городской, сельской) социокультурной среды. В классическом описании какого-либо локального социума сюжетная линия неизменно проходит от устойчивых физических характеристик (географического положения, климата, природы) через производство, обеспечивающее функционирование региона как участника торговых отношений, к описанию культурных объектов и ценностей. Неповторимое, самобытное культурное «лицо» региона включает точное количество музеев, библиотек, театров, школ, училищ, вузов и других непроизводственных, некоммерческих объектов культуры и имеет стратегическое значение. При этом траектория бытийности отдельных социальных объектов (субъектов), таких как человек (гражданин), организация, общность или регион, может формироваться как в режимах выживания и существования, так и в режиме развития.

В режиме выживания конкретного социума страдают, прежде всего, экономически самые хрупкие элементы – его культурные универсалии (язык, искусство, традиции). К сожалению, фразеологизмы «сельская библиотека», «провинциальный театр», «малокомплектная школа» устойчиво ассоциируются с образами бедности, забытости, ветхости, социального неблагополучия. Именно в режиме выживания сегодня находятся такие важнейшие источники развития социокультурного потенциала человека, как музеи, библиотеки, театры, дома культуры, творческие студии, клубы по интересам.

Иван Ильин в своем фундаментальном труде «Почему мы верим в Россию» писал: «Жить на свете – значит выбирать и стремиться; кто выбирает и стремится, тот служит некоторой ценности...» [2, 2012]. Но есть ли выбор у того, кто существует в режиме выживания? Каков потенциал тех людей, которые долгие годы борются за выживание при возможном выходе на другой режим?

В режиме существования социокультурная деятельность ведется иначе. Театры, библиотеки и музеи работают для посетителей, а не только выживают: возможны новые постановки спектаклей, открываются выставки, в театры приходят молодые актеры, а новые специалисты – в библиотеки. Режим существования предполагает статус кво, то есть на уровне достигнутого. Но накопление ценностей и идей возможно, если только происходит отсев наносного, случайного. Именно с течением времени выясняется истинная ценность вещей, книг, событий, явлений социальной жизни, то есть когда есть возможность сравнивать классику с современностью, мудрость – с повседневностью. А это возможно только в случае, если город (регион) существует в режиме развития, то есть трансформируется.

Но развитие может быть и стихийным, как, например, это происходит сейчас. Отдельные яркие личности, руководители, деятели создают новые проекты, программы, рождают идеи, однако спонтанность в управлении регионом, отсутствие целостной стратегии его развития и неоформленность планов развития отрасли, конкретных учреждений создают неопределенность в развитии социокультурного потенциала и человека, и региональной среды.

Таким образом, в масштабах региона (страны) необходимо сосредоточиться не только на сохранении культуры как констатации данных или осуществлении культурных актов (программ социокультурной деятельности), но прежде всего на изучении, прогнозировании и управлении социокультурным потенциалом. В приоритете должно быть решение первостепенных задач: во что следует вкладывать средства, выделяемые на социокультурное развитие; какие приоритеты поддерживать, чтобы отдельный индивидуум не зависел от приземленных вещей – транспортного сообщения, наличия компьютера, устойчивости телефонной связи, физического доступа к книге, спектаклю, коллекции, как можно меньше зависел от социальных (возрастных, гендерных, профессиональных) стереотипов и культурных ограничений (принадлежность к языку, нации, стране) и при этом одновременно был ограничен высокими общечеловеческими нравственными нормами.

Социокультурное развитие каждого конкретного человека, а особенно молодого, является следствием той социокультурной среды, в которой он социализируется. Потенциал региона – это совокупность и социокультурного потенциала отдельных людей, и социально-экономического рейтинга региона в целом.

При изучении категории социокультурного потенциала мы столкнулись с недостаточной разработанностью проблемы в теоретическом плане. В целом проработаны историографический, культурологический, социологический потенциалы; однако подход, удовлетворяющий нашему видению проблемы, еще предстоит конкретизировать. Большие трудности возникают при необходимости эмпирически изучить данный феномен, поскольку отсутствуют методические средства (анкеты, опросники, тексты интервью) для его изучения.

По роду своей профессиональной деятельности, занимаясь социальной работой, первоначально мы озадачились подбором методик, позволяющих нам зафиксировать социокультурный уровень (кругозор, менталитет) клиентов, а также спрогнозировать его дальнейшее развитие. В идеальном варианте методика должна отвечать на вопросы «что?», «почему?» (актуальный уровень), «на какие приоритеты делать упор?» (уровень прогноза). Методика должна быть комплексной, социальной (а не социологической или психологической), быть простой в

исполнении, технически понятной, пригодной как для количественного, так и качественного анализа.

В разрабатываемой нами методике «Оценка социокультурного потенциала населения Архангельской области» сформировано 12 блоков, описывающих социальные сферы жизнедеятельности человека. В качестве оценочных средств используется самооценка собственного социокультурного потенциала, а не привязка к конкретным знаниям индивида. Оценивая, таким образом, социокультурный потенциал населения, мы делаем упор не на формальные индексы и показатели в целом по региону, а на субъективных показателях благополучия субъекта. Вопросы максимально освобождены от оценочных стереотипов «плохо или хорошо», независимы от возраста, профессиональной принадлежности. Утверждения могут быть переведены на иностранный язык, так как не содержат сложных конструкций и не привязаны к региональному менталитету.

Методика включает в себя такие блоки, как «Человек», «Семья», «Общество (Родина)», «Экономика и финансы», «Информационная культура», «Домашние животные в социуме», «Образование», «Культура», «Труд, профессия», «Увлечения», «Здоровье» и «Потенциал», каждый из которых содержит около десяти утверждений.

Исходя из рабочего определения социокультурного потенциала, блоки как операционализирующие признаки представляют собой те области социального знания, которые являются ценностно значимыми. В категории «социокультурный» составляющая «социальный» указывает на субъект деятельности, а «культурный» – на качество и сферу его активности. В качестве субъектов культурной деятельности можно рассматривать личность, социальную группу или общность, регион, общество, человечество в целом.

Исходя из этого, блоки «Человек», «Семья», «Общество (Родина)», «Экономика и финансы» представляют социальный компонент СКП, а блоки «Информационная культура», «Домашние животные в социуме», «Образование», «Культура», «Труд, профессия», «Здоровье», «Увлечения» – культурный, блок «Потенциал» подразумевает оценку личностью своего развития в ближайшей перспективе.

Каждый блок включает в себя три аспекта: знание данной области, эмоциональнооценочное отношение к ней, реальное поведение. Это позволяет оценить степень важности данной сферы жизнедеятельности для человека, а также разрыв между декларируемыми ценностями в данной области и реальными действиями в ней. Приведем пример (таблица 1).

Таблица 1

Оценочные показатели блока «Семья»

Знания

знаю историю возникновения и развития семьи как ячейки общества знаю основные функции семьи, имею представление о роли и значении семьи в формировании человека знаю законы, нормативные документы о семье

Отношение

думаю, что воспитанность и образованность человека начинаются в семье думаю, что семья является важной общечеловеческой ценностью считаю, что современная семья имеет будущее

Поведение

соблюдаю основные традиции своей семьи; придерживаюсь общепринятых норм и правил семейного образа жизни

прибегаю к услугам социальных служб, работающих с семьей

возникающие семейные размолвки и конфликты разрешаю вовремя и спокойно

СКП личности оценивается через блок «Потенциал», который также включает в себя девять вопросов (таблица 2). В перспективе подобного рода вопросы планируется включить в каждый блок методики в качестве четвертого компонента.

Таблица 2

Оценочные показатели блока «Ваш потенциал»

Знания

имею определенный план собственной жизни на пять и десять лет знаю программу развития региона, в котором проживаю знаю стратегию развития государства на ближайшие годы

Отношение

верю в осуществление своих жизненных планов верю в возможности развития региона

воспринимаю стратегию развития страны позитивно

Поведение

каждый день приближаюсь к осуществлению своих жизненных планов вношу посильный вклад в развитие планов региона я делаю все от меня зависящие для развития своей страны

Респондент оценивает утверждения по четырехбалльной шкале: 4 – «согласен с утверждением», 3 – «в полной мере», 2 – «в достаточной степени», 1 – «недостаточно хорошо», 0 – «совсем нет».

В результате оценок по всем блокам методики получаем примерно следующую картину (рисунок 1).

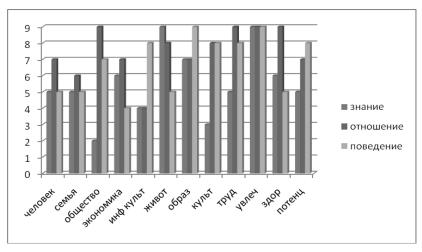

Рисунок 1. Результаты опроса респондента с помощью методики «Оценка социокультурного потенциала населения Архангельской области»

Интерпретировать данные возможно с позиции: 1) выраженности социальных и культурных компонентов СКП; 2) соотношения знаниевого, оценочного и поведенческого аспекта

того или иного блока; 3) выделения ведущей сферы, области интересов или ценности; 4) представленности блока «Потенциал» в сравнении с другими блоками.

Высокие оценки тех или иных блоков могут свидетельствовать, что респондент обладает широким СКП и стремится функционировать в режиме развития; низкие оценки свидетельствуют скорее о стратегии выживания или существования. Особенно это касается блоков «Экономика и финансы», «Образование», «Потенциал» и др.

Второй частью методики является ответ респондента на вопрос «кто я?» (согласно методике М. Куна). Качественный анализ ответов показывает, с какой областью (блоком) личность в большей степени себя идентифицирует, что позволяет судить о потенциале личности в рамках социальных ролей и статусов.

Итак, в настоящий период нами разработана оценочная часть методики, количественно и в баллах представлены параметры оценки, разработан и апробирован бланк методики (электронная версия), проведен пилотажный этап апробации. Далее мы планируем корректировать методику с учетом полученных данных, провести максимально полный срез (поперечный и лонгитюдный) оценок СКП населения Архангельской области. В результате мы предполагаем на основе статистически достоверного, обширного, регионально привязанного материала разработать перечень социально-значимых социокультурных направлений (и затем конкретных мероприятий), которые бы позволили использовать потенциал города и региона и повысить потенциальные возможности в реализации человеческих ресурсов. Мы понимаем, что, в связи со сложностью изучаемой системы, может возникнуть множество вопросов, на которые нам предстоит еще ответить. Авторы статьи открыты для диалога и готовы выслушать мнения и предложения всех заинтересованных исследователей.

Литература

- 1. Герасимов Г. И. Трансформация образования социокультурный потенциал развития российского общества: Дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. Ростов н/Д, 2005. 428 с.
- 2. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: сочинения / И. А. Ильин. М.: Эксмо, 2006. С. 130.
- 3. Когай Е. А. Потенциал социокультурного развития региона. [Электронный ресурс] // Курская областная общественная организация общества «Знание» России. URL: http://www.mebik.ru/union/intell/kogay180506.htm (дата обращения: 21.01.2012).
- 4. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Монография. Воронеж: ЦИРЭ, 2005. 252 с.
- 5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. От 18 сентября 2008. [Электронный ресурс] // URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html (дата обращения: 21.01.2012).

Рецензент – Шрага Моисей Хаимович, доктор медицинских наук, профессор. УДК 614.2(470.1/.2+98)

Ведущие детерминанты общественного здоровья приарктических территорий Европейского Севера России

- © **Вязьмин** Александр Михайлович, доктор медицинских наук, профессор, проректор по стратегическому развитию ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ, директор института общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы. Автор более 200 научных публикаций. E-mail: vyazmin@nsmu.ru.
- © Санников Анатолий Леонидович, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ. Автор более 200 научных публикаций. Еmail: jsannikov@yandex.ru.

© *Мордовский* Эдгар Артурович, аспирант института общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы ГОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ», врач-организатор здравоохранения, магистр общественного здоровья. E-mail: isphamea@yandex.ru.

В статье с позиции дисциплины общественного здоровья дана краткая характеристика динамики численности, возрастного состава населения Архангельской, Мурманской областей и Ненецкого автономного округа на рубеже XX-XXI веков. Рассмотрены основные аспекты естественного движения населения в трех регионах Европейского Севера России. Проанализированы показатели смертности от важнейших групп заболеваний (системы кровообращения, новообразований) и состояний (внешних причин смерти). Дана характеристика процессам брачности и разводимости. Представлены данные об инвалидности населения приарктических регионов как одного из важнейших факторов, ведущих к снижению трудового потенциала.

Ключевые слова: Арктика, Север, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, инвалидность.

The leading determinants of public health of the Arctic territories of the European North of Russia

© *Vyazmin* Alexander Mikhailovich, Doctor of Medicine, Professor, Vice-Rector of the Strategic Development Northern State Medical University of the Health Ministry of Russian Federation, Di-

rector of the Institute of Public Health and Social Work.He has published over 200 scientific publications. E-mail: vyazmin@nsmu.ru.

- © *Sannikov* Anatoly Leonidovich, Doctor of Medicine, Professor of Public Health and Social Work department Northern State Medical University of the Health Ministry of Russian Federation. He has published over 200 scientific publications. E-mail: jsannikov@yandex.ru.
- © *Mordovsky* Edgar Arthurovich, Postgraduate of the Institute of Public Health and Social Work of the Northern State Medical University Health Ministry of Russian Federation, the doctor-manager of Health, Master of Public Health. E-mail: isphamea@yandex.ru.

Abstract

The article from the perspective of public health disciplines summarizes the population dynamics, age structure of population of Arkhangelsk and Murmansk regions and Nenets autonomous district at the turn of XX–XXI centuries. The main aspects of the natural movement of population in three regions of the European North of Russia. Analyzed death rates from the major groups of diseases (cardiovascular, tumor) and states (external causes of death). The characteristics of the processes of marriage and divorce. The data on disability populations of the Arctic regions as one of the most important factors leading to a reduction of the labor potential.

Keywords: Arctic, North, birth, death, marriages, divorces, disability.

На рубеже XX-XXI веков перед странами, имеющими выход к акватории Северного Ледовитого океана, встала задача освоения колоссального ресурсного потенциала этого региона. Циркумполярные территории из периферийных, еще несколько десятилетий назад представлявших интерес более с научной точки зрения, сегодня становятся предметом ожесточенных споров. Экономический эффект от освоения Арктики, оцененный специалистами в 30 трлн долларов, начинает преобладать в сознании руководства приполярных стран над реальными угрозами, которые несет этот процесс [1]. Экологические и климатические проблемы, некомфортные условия проживания на Севере, обусловливающие сокращение жизненного потенциала населения, уходят на второй план перед геостратегическими преимуществами, которые принесет добыча природных ресурсов в этом регионе планеты.

Освоение приарктических территорий требует привлечения значительного числа специалистов и гражданского населения. В Советском Союзе политика стимулирования трудовой миграции в северные регионы последовательно реализовывалась на протяжении десятилетий, что способствовало, с одной стороны, коренному изменению традиционного национального состава населения Арктики, с другой – обусловило уникальные демографические особенности региона.

Общая характеристика численности и возрастного состава населения циркумполярных регионов Европейского Севера России

Три региона Европейской части России (за исключением Республики Карелия) имеют выход к акватории Северного Ледовитого океана: Архангельская и Мурманская области, а также НАО. Архангельская область занимает в этом списке особое положение. Большая часть ее территории лежит южнее двух других регионов. В то же время только на ее примере можно определить степень влияния суровых климатических условий на состояние здоровья насе-

ления, с одной стороны, не относящегося к группе коренных народов Севера, с другой – исторически постоянно проживающего в высоких широтах.

Демографическая ситуация в циркумполярных территориях страны на рубеже XX–XXI веков, по мнению специалистов ООН, остается «нестабильной» [2]. Причиной является «неравенство Арктических и Субарктических регионов страны по показателям социально-экономического развития, что связано... с наличием на их территории запасов углеводородного сырья и других ископаемых» [2]. Европейский Север России в этом отношении находится в уникальной ситуации, так как, с одной стороны, добыча нефти долгое время велась в значительном объеме только в НАО, с другой стороны, регион является достаточно перспективным в социально-экономическом отношении, транспортном обеспечении и органично связанным широкой сетью экономических связей с центральной Россией.

Таблица 1 Численность населения циркумполярных регионов Европейского Севера России [9]

Динамика (в %) с 1998 2004 2007 1992 1995 2001 2010 1992 по 2010 год Архан-1554584 -19,3 гельская 1498182 1433874 1396118 1317923 1280187 1254449 область 50245 HAO 44526 41774 40931 41832 41960 42293 -15,8Мурман-880003 1170371 1066924 987936 922875 856969 836672 -28,5ская область

Из представленных данных (таблица 1) следует, что за 20 лет новейшей истории России численность населения Арктических регионов ее Европейской части сократилась в среднем на 1/5. За тот же срок в масштабе всей страны она уменьшилась всего на 3,9 %. За исключением НАО, в последние годы негативная динамика в значении этого индикатора статики населения в других регионах сохраняется. Такое несоответствие может быть объяснено многими причинами, важнейшими из которых являются массовый выезд лиц пенсионного и трудоспособного возрастов в среднюю полосу и ухудшение доступности медицинской помощи вследствие сокращения численности врачей и лечебных учреждений [2].

Рисунок 1. Компоненты убыли населения Архангельской области в 1990-2010 годах, тыс. человек [4]

Миграционный фактор определяет сегодня масштаб процесса депопуляции в Северо-Западном федеральном округе в целом и в циркумполярных регионах Европейского Севера страны в частности. В Архангельской области с 2006 года по значимости он обогнал естественную убыль населения, а в 2010 году обусловил 4/5 потерь численности населения региона (рисунок 1). К сожалению, прогноз численности населения федерального округа и области в перспективе до 2025–2030 годов остается негативным. При пессимистическом варианте прогноза в следующие 15–20 лет население здесь может сократиться на четверть [3]. Мурманская область потеряет свыше 200 тыс. человек, Архангельская область – от 100 до 125 тыс. человек [3,9].

Миграционный оборот населения Архангельской области имеет свои особенности. Причины личного и семейного характера обусловливают более половины перемещений (51,7 % от числа прибывших и 58,4 % от числа убывших в 2005 году). Работа является причиной смены жительства всего для 13,8 % мигрантов. Вынужденная миграция как явление в начале XXI века не была характерной для региона. Это объясняется суровыми климатическими условиями и особенностями развития местной экономики [3].

На рубеже XX–XXI веков одним из важнейших факторов, определяющим сокращение трудового потенциала Европейских циркумполярных регионов России, является старение населения. Ежегодно доля лиц старше трудоспособного возраста здесь увеличивается (рисунок 2).

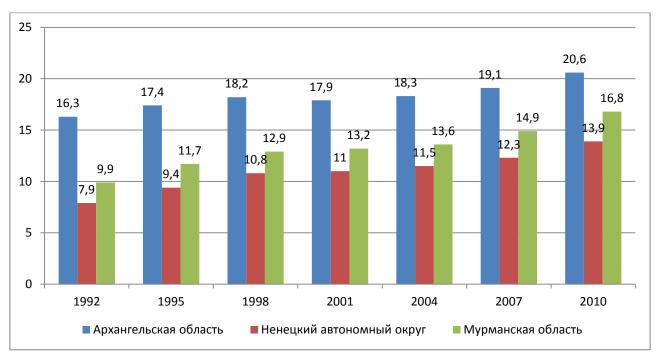

Рисунок 2. Доля населения циркумполярных регионов Европейского Севера России старше трудоспособного возраста, в % [9]

Три региона Европейского Севера России, имеющие выход к акватории Северного Ледовитого океана (за исключением Республики Карелия) в отношении динамики указанного показателя разделились на две гетерогенные группы. С одной стороны, – Архангельская область, в которой абсолютная численность лиц пенсионного возраста за 20 лет новейшей истории практически не изменилась (253 372 человек в 1992 году и 258 719 человек в 2010 году), а рост доли этой группы граждан в общей структуре населения обусловлен сокращением численности населения в группе младше трудоспособного возраста [9], с другой, – Мурманская область и НАО, где абсолютная численность населения старше трудоспособного возраста выросла на 1/5 и 1/2 соответственно (116 191 человек в 1992 году и 140 346 человек в 2010 году в Мурманской области, 3 986 человек в 1992 году и 5 883 человек в 2010 году в НАО) [9]. Наблюдается парадоксальная ситуация: население в возрастной группе старше 60 лет остается на пенсии жить в климатически более неблагоприятных регионах, не пользуясь возможностью переселяться в среднюю полосу страны, хотя имеет в сравнении с жителями Архангельской области больше социальных льгот и высокие доходы.

В этой связи интересным представляется анализ такого важнейшего индикатора состояния популяционного здоровья, как ожидаемая продолжительность жизни [12]. Данный показатель косвенно свидетельствует о социально-экономическом благополучии населения и эффективности систем здравоохранения регионов (рисунок 3).

Рисунок 3. Ожидаемая продолжительность населения циркумполярных регионов Европейского Севера России, оба пола, в годах [9]

Если в целом по стране значение индикатора (для мужчин и женщин) практически не изменилось (68,9 лет в 1991 году и 68,7 лет в 2009 году), то в Арктических регионах Европейской части России оно уменьшилось [9]. Особенно резко ожидаемая продолжительность жизни падала в период с 1991 по 1994 год (в среднем почти на 7 лет). С 1994 по 2003 год включительно динамика показателя оставалась нестабильной, и только с 2004 года во всех трех регионах отмечается постепенный рост его значения. Но и сегодня ожидаемая продолжительность жизни населения остается ниже докризисной. Пример Архангельской области в данном случае также является показательным. В сравнении с Мурманской областью, где ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в изучаемый период времени в среднем всегда была выше, в Архангельской области относительно более благоприятные климатические факторы не были способны «перевесить» в своем влиянии качество жизни местного населения (особенно если учитывать и тот факт, что абсолютный рост численности населения старше трудоспособного возраста здесь не наблюдался). Иными словами, в своем влиянии на популяционное здоровье климатические факторы Арктических территорий значительно уступают по силе социально-экономическим.

Продолжает увеличиваться и средний возраст жителей циркумполярных территорий Европейской части России. За первое десятилетие XXI века в Архангельской области он вырос почти на 2 года (36,5 лет в 2001 году и 38,3 лет в 2010 году). Средний возраст женщин при этом более чем на 5 лет превышает идентичный показатель для мужчин (40,7 и 35,5 лет соответственно) [4].

Естественное движение населения в циркумполярных территориях Европейского Севера России

Демографическая ситуация в начале XXI века в России продолжает оставаться сложной. Она является закономерным итогом тяжелых социальных потрясений, которые пережила страна в первой половине XX века, результатом общего для развитых стран демографического перехода, социально-экономических потрясений 1990-х годов, а также изменений в культуре репродуктивного поведения.

Рисунок 4. Число родившихся в расчете на 1 000 населения в год в циркумполярных регионах Европейского Севера России [9]

На Европейском Севере эти процессы имели свои особенности. В отношении абсолютных значений и динамики показателя рождаемости приарктические регионы можно разделить на две группы (рисунок 4). С одной стороны, – Архангельская и Мурманская области, в которых демографическая ситуация практически повторяет общие тенденции по стране. Еще в 1965 году суммарный коэффициент рождаемости в РСФСР опустился ниже уровня простого воспроизводства поколений (2,15). В сочетании с социально-экономическими потрясениями 1990-х годов, беспрецедентно высокой смертностью в трудоспособном возрасте это обусловило достаточно низкие показатели общей рождаемости, которые сохраняются в Приполярье. С другой стороны, – НАО. Коэффициент суммарной рождаемости коренных народов Севера, хотя и стабильно снижался во второй половине XXI века, оставался всегда значительно выше среднероссийского: 2,2 против 1,3 [2]. Для ненцев, в частности, этот показатель равен 3,1 [2]. По этой причине общая рождаемость в округе была и остается значительно выше, чем в Архангельской и Мурманской областях (рисунок 4).

Начиная с 2000 года в Архангельской области отмечается тенденция к росту рождаемости. В значительной мере это явление обусловлено достижением женщинами и мужчинами 1980-х годов рождения репродуктивного возраста. Положительное влияние оказал национальный проект «Здоровье», реализация которого позволила стимулировать рождаемость в средних возрастных когортах женщин (25-29 лет, 30-34 года, 35-39 лет) [4]. При анализе описываемого явления стоит учитывать и тот факт, что в среднем по России в начале XXI века численность женщин в репродуктивном возрасте превышает более чем на 1 млн таковую для 1989 года. Вполне вероятно ожидать к 2020-2025 году нового замедления в динамике показателя или, что более вероятно, даже его значительного снижения, когда рожденные в «провальные» с демографической точки зрения 1990-е будут достигать своего репродуктивного периода жизни. Негативное влияние будет иметь и все возрастающий уровень женского бесплодия, который за последние 10 лет увеличился более чем в 3 раза (с 2,3 ‰ для женщин репродуктивного возраста в 2001 году до 7,2 ‰ в 2010 году). В 2010 году в регионе родилось 15 466 детей, а коэффициент рождаемости составил 12,6 на 1 000 населения [4]. Но достигнуть уровня даже 1990 года в значении показателя (13,5 на 1 000) еще не удалось. Среди населения сельских районов на начало 2010 года суммарный коэффициент рождаемости составляет 2,09; для городов – 1,39 (в среднем 1,53 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста). К 2030 году, согласно прогнозам специалистов, его значение может достигнуть 1,66 [4]. Переломить ситуацию может лишь изменение репродуктивного поведения жителей Архангельской области, что достаточно сложно, если брать во внимание проблему низкого качества полового самосохранительного поведения северян [3].

Искусственный аборт на рубеже XX-XXI веков являлся для жителей области преобладающим способом регулирования численности семьи. Если в начале 1990-х годов уровень абортов примерно соответствовал общероссийским значениям, то к 2007 году превышал их почти на 50 % (число абортов на 1 000 женщин фертильного возраста в России в 2007 году – 38; в Архангельской области – 55). В расчете на 100 родов показатель числа абортов в России в тот же год составил 92, в Архангельской области – 127. В областном центре в 1996 году соотношение выполненных искусственных абортов на 100 родов составило 254,6, в 2005 году – 356,1 [3]. Таким образом, в середине первого десятилетия XXI века в столице Русского Севера на каждые роды приходилось в среднем 3,5 аборта. Еще более опасной является тенденция к росту относительной численности молодых женщин, прервавших беременность (в возрасте до 20 лет) с 1,9 % в 1986 году до 11,1 % в 2005-м [3]. Можно предполагать, что в ближайшем будущем регион ожидает значительный рост распространенности вторичного бесплодия, что еще более усугубит тяжесть медико-социальных последствий рассматриваемой проблемы.

Смертность населения циркумполярных регионов Европейской части России также имеет свои особенности. На ее масштаб оказывает влияние ряд факторов. С одной стороны, логично предположить, что миграция населения в группе старше трудоспособного возраста должна в целом сокращать общий коэффициент смертности.

Рисунок 5. Число умерших в расчете на 1 000 населения в год в циркумполярных регионах Европейского Севера России, оба пола [9]

Эту зависимость можно проследить на примере Мурманской области и НАО, где его значение значительно ниже в сравнении с Архангельской областью вплоть до 1992 года (рисунок 5). В последующие годы, когда внутренняя миграция в первых двух регионах сократилась в сравнении с советским периодом, общий коэффициент смертности стал приближаться к среднероссийским значениям.

В начале XXI века для регионов Приполярья остается актуальной проблема высокой смертности мужского населения в трудоспособном возрасте (рисунок 6).

Рисунок 6. Смертность населения в зависимости от пола в трудоспособном возрасте (на 1 000 человек соответствующего пола и возраста) в циркумполярных регионах Европейской части России в 2008 году [9]

Проживание в условиях сурового арктического климата и ведение трудовой деятельности требуют от человека значительной выносливости. Специфическая форма хронического полярного напряжения, пониженная резистентность, характерные для северян, приводят к раннему истощению резервов организма, повышенной заболеваемости и преждевременному старению [2]. Однако эти факторы лишь частично объясняют различия в значении показателя смертности мужского населения в трудоспособном возрасте в трех регионах. В НАО, в частности, он в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране. Подобная ситуация обусловлена рядом причин, лидирующими из которых являются сверхвысокая смертность в трудоспособном возрасте среди ненцев как одного из коренных народов Севера и значительный уровень смертности от внешних причин (см. ниже). В Мурманской области, напротив, данная проблема является менее значимой.

Структура смертности населения приарктических регионов также имеет существенные отличия. Процесс депопуляции здесь связан преимущественно с высокой смертностью населения от болезней системы кровообращения. Архангельская область в этом отношении практически полностью повторяет среднероссийскую динамику показателя (рисунок 7). С другой стороны, в Мурманской области и НАО смертность населения от этой группы причин на рубеже XX–XXI веков остается относительно низкой. Для последнего региона подобная ситуация вполне объяснима. До недавнего времени заболеваемость гипертонической болезнью сердца, коронарной болезнью и ожирением среди малых народов Российского Севера находилась на достаточно низком уровне [2].

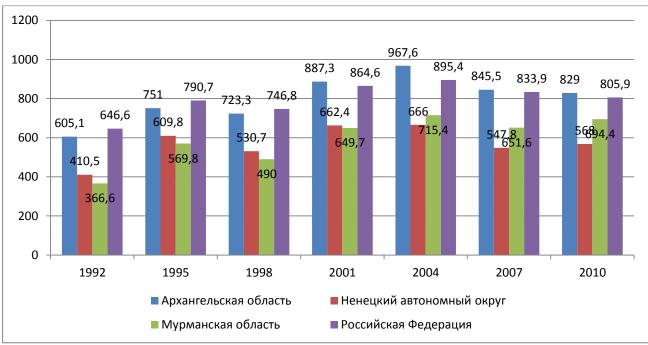

Рисунок 7. Число умерших от болезней системы кровообращения в расчете на 100 тыс. населения в год в циркумполярных регионах Европейского Севера России, оба пола [9]

Традиционный образ жизни саамов, ненцев, якутов и других северных народов в отношении диеты, уровня физической активности считается достаточно здоровым, потенциально предрасполагающим к более продолжительной жизни, более низкой инцидентности социально-значимых заболеваний. Лишь процессы постепенного отхода к оседлому образу жизни и смены рациона питания, усилившиеся на рубеже XX–XXI веков, привели к исчезновению подобных различий с некоренным населением [2, 14].

Долгое время смертность от внешних причин в Архангельской области и НАО занимала второе ранговое место в ее общей структуре (рисунок 8). Убийства, самоубийства, случайные отравления алкоголем уносят здесь в 1,3–1,5 раза больше жизней, чем в целом по стране [8]. Ряд исследователей связывает этот факт с годовым световым апериодизмом, стрессами, в целом неблагоприятными условиями проживания на Севере [2]. В НАО, как и в других национальных округах, отмечается сверхвысокая смертность от внешних причин среди представителей коренных народов, которая почти в 2 раза превышает среднероссийские по-казатели.

Рисунок 8. Число умерших от внешних причин в расчете на 100 тыс. населения в год в циркумполярных регионах Европейского Севера России, оба пола [9]

Смертность от новообразований в регионах Европейского Севера России остается стабильной на рубеже XX–XXI веков (рисунок 9). Архангельская область, как и в случае смертности от болезней кровообращения, практически полностью повторяет среднероссийскую динамику показателя, в то время как Мурманская область и НАО представляются относительно благополучными регионами.

Рисунок 9. Число умерших от новообразований в расчете на 100 тыс. населения в год в циркумполярных регионах Европейского Севера России, оба пола [9]

Для некоторых коренных народов Севера, например для саамов, которые населяют северные районы Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский полуостров, средний уровень заболеваемости и смертности от онкологических заболеваний ниже, чем в среднем у населения тех же стран [13].

К сожалению, даже при наличии современных методик обследования, проведении профилактических осмотров значительная доля новых случаев злокачественных новообразо-

ваний в начале XXI века продолжает диагностироваться на поздних стадиях (III и IV). В Архангельской области в 2007 году таковых было более 50 % (24,6 % на III стадии, 26,0 % на IV стадии); в Мурманской области в тот же год – более 40 % (15,4 % на III стадии, 26,9 % на IVстадии) [10].

Подводя итог краткой характеристике смертности населения в циркумполярных регионах Европейского Севера, стоит отметить, что она в целом соответствует среднероссийским тенденциям. Сохраняется высокий удельный вес смертности от внешних причин, который до сих пор в НАО в ранговой структуре занимает второе место. Если в целом по стране, по мнению ряда исследователей, характер смертности населения соответствует таковому в развивающихся странах, где «отсутствуют социальные институты, ответственные за формирование и сохранение здоровья», то в условиях Арктики он свидетельствует и о социальной деградации [6, 11].

Браки и разводы в циркумполярных территориях Европейского Севера России

Социально-экономические потрясения конца 1980-х – начала 2000-х годов привели к кризису института семьи и брака в стране. Вплоть до конца 1990-х годов количество заключаемых браков в расчете на 1 000 населения в циркумполярных регионах Европейского Севера постоянно сокращалось [4].

Реализация принципов новой семейной политики страны, утвержденных указом президента РФ № 712 от 14 мая 1996 года «Об основных направлениях государственной семейной политики», затянулась вплоть до середины 2000-х. С этого же времени вновь стала расти и брачность населения. Но этот процесс обеспечен в значительной мере высокой численностью поколения северян, рожденных в конце 1970–1980-х годов (см. выше).

Таблица 2 Разводы на 100 браков в приарктических территориях РФ в 1991-2009 годах [9]

	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009
РФ	46,5	60,0	61,6	60,3	58,7	76,8	72,4	56,0	53,9	57,6
Архангельская область	44,2	64,6	71,0	53,6	51,9	77,0	75,3	53,3	55,1	60,7
НАО	38,1	61,5	61,3	45,1	48,1	85,5	76,8	57,1	50,6	62,5
Мурманская область	69,8	83,8	87,5	76,1	76,1	93,3	83,9	77,4	72,0	78,7

В целом, для регионов Севера за последние 20 лет характерны среднероссийские показатели разводимости (таблица 2). Исключение составляет Мурманская область, где они значительно выше. Высокая разводимость является, с одной стороны, значимой причиной падения рождаемости, с другой – обусловливает рост доли неполных семей, в которых воспитываются дети. Уже этот факт негативно сказывается на состоянии института семьи и брака и, несомненно, будет иметь долговременные последствия.

Инвалидность населения циркумполярных регионов Европейского Севера России

Согласно определению, инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями

травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Точное количество людей, подходящих под это определение в обществе, неизвестно, и лишь косвенно, анализируя официальные статистические данные, можно судить о масштабе этого явления.

Численность лиц, впервые признанных инвалидами (инвалидность), в трех северных регионах страны на рубеже XX–XXI веков стабильно увеличивается (рисунок 10). На общероссийском фоне в 1990-х годах этот рост носил скорее «догоняющий» характер: разница в 1,5–2 раза в зависимости от территории в значении показателя практически полностью была нивелирована к началу 2000-х годов. Мурманская область вновь представляется относительно благополучным регионом. За рассматриваемый период численность лиц, впервые признанных инвалидами в регионе, ниже в среднем в 1,5–2 раза.

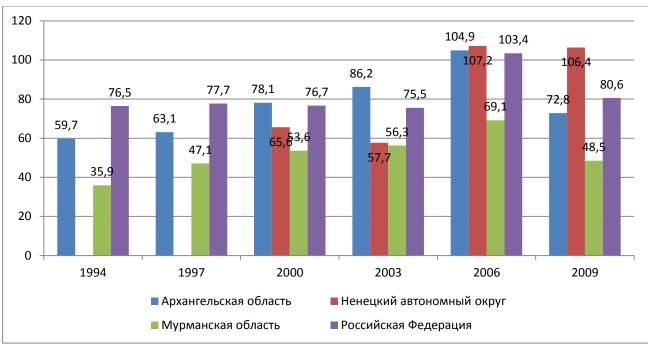

Рисунок 10. Численность лиц, впервые признанных инвалидами, в возрасте 18 лет и старше, на 10 тыс. населения [9]

Подобные вариации в значении показателя инвалидности во всех трех регионах за неполные 20 лет нельзя объяснить ничем иным, как изменением подходов к учету и регистрации новых случаев. Свое влияние имела и реформа системы медико-социальной экспертизы. Рост рассматриваемого индикатора после 2003 года обусловлен во многом принятием ФЗ № 122 «О монетизации льгот», который заставил официально зарегистрироваться в качестве инвалида тех, кто имел на это право, но не сделал этого ранее в силу разных социально-экономических причин [6]. Это был четвертый по счету пик роста числа впервые признанных инвалидами в истории данного явления в России (первый отмечался в 1975 году и был связан с принятием Инструкции о порядке установления причинной связи инвалидности у бывших военнослужащих с пребыванием на фронте № 1960-СН; второй – в 1985 году, после принятия Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР № 812 «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной Войны и семей погибших военнослужащих»; третий – в 1995 году в связи с принятием ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» № 181-ФЗ) [7]. Относительно низкий показатель

первичной инвалидности в Мурманской области на рубеже XX-XXI веков обусловлен высокой долей молодого экономически активного населения, не заинтересованного в ее регистрации, и в целом более благополучной социально-экономической обстановкой в регионе.

В Архангельской области структура причин первичной инвалидности в 2010 году выглядит следующим образом (рисунок 11):

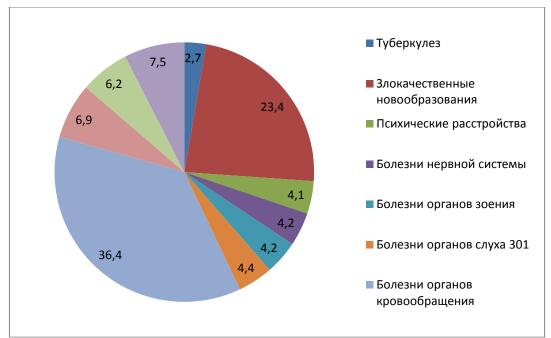

Рисунок 11. Структура первичной инвалидности (взрослое население) Архангельской области в 2010 году, в % [4]

Первое ранговое место занимают болезни системы кровообращение, дающие вместе более 1/3 новых случаев инвалидности (36,4 %), второе – злокачественные новообразования (23,4 %). Высокий удельный вес травм (6,2 %) может быть обусловлен высокой концентрацией производственных предприятий в регионе и в целом небезопасным поведением населения [7].

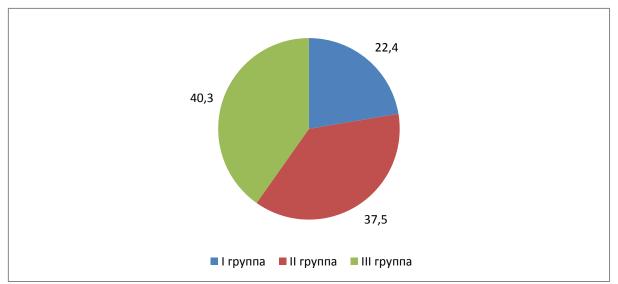

Рисунок 12. Структура первичной инвалидности взрослого населения Архангельской области в 2010 году по группам инвалидности, в % [4]

Северо-Западный регион является, по мнению специалистов, «устойчиво неблагополучным» в отношении инвалидности и смертности населения [6]. Доля пожилых лиц здесь значительно превышает критический уровень в 12 % (то есть относится к группе демографически старых). По этой же причине в Архангельской области структура первичной инвалидности взрослого населения в зависимости от группы представляется нелогичной. Можно предположить, что по форме она должна напоминать пирамиду, в основании которой находятся лица, которым впервые при постановке на учет была установлена ІІІ группа инвалидности. Вершину фигуры должны формировать лица с І группой (самой тяжелой и поэтому самой малочисленной). В реальности доли этих групп в общей структуре примерно равные (рисунок 12). Рассмотренные особенности первичной инвалидности как явления свидетельствуют о том, что оно носит скорее социальный характер и лишь косвенно отражает состояние здоровья популяции в приарктических регионах.

Исторически Россия имеет приоритет в освоении ресурсного потенциала Арктики. С принятием постановления Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», стало возможным его законное освоение, которое было реализовано с приходом исследователей, строителей и рабочих из южных регионов. Уникальные демографические особенности циркумполярных территорий, которые сложились на рубеже XX–XXI веков, должны быть всесторонне изучены. Этот качественный анализ позволит спрогнозировать влияние неблагоприятных климатических и социально-экономических факторов на здоровье специалистов и обслуживающего персонала, которые будут привлечены для освоения ресурсного потенциала Арктики в новом веке, а также адекватно модифицировать систему здравоохранения, ориентированную на специфические нужды всего Севера.

Литература

- 1. Аристов И. Курс на Арктику // Российская газета. Центральный выпуск. 2010. № 5302 (223). С. 6
- 2. Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения Российской Арктики. Отчет по проекту ООН / Под ред. Б. А. Ревича. URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/revich01/oon (дата обращения: 28.10.2011).
- 3. Вязьмин А. М., Мордовский Э. А. Идеи М. В. Ломоносова и общественное здоровье Поморья в XVIII–XXI веках / А. М. Вязьмин, Э. А. Мордовский; под ред. проф. А. Л. Санникова. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2011. 192 с.
- 4. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Архангельской области в 2010 году / Министерство здравоохранения и социального развития Архангельской области, Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Архангельской области, Северный государственный медицинский университет, ГУЗ «Медицинский информационно-аналитический центр». Архангельск: МИАЦ, 2011. 180 с.

- 5. Иванова А. Е., Павлов Н. Б., Михайлов А. Ю. Тенденции и региональные особенности здоровья взрослого населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 18.10.2011. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/323/27/lang,ru/ (дата обращения: 28.10.2011).
- 6. Каспарьян Ж. Э. Северная специфика: проблемы инвалидности и задачи формирования социально-экономической политики в Мурманской области / Север. 2007. URL: http://kolasc.net.ru/russian/sever07/sever07_2.pdf (дата обращения: 28.10.2011).
- Лукашов А. Г., Ситкин М. Н., Заросликова Λ. А., Варакина Ж. Л., Матвеев Р. П. Инвалидность и смертность доминанты, снижающие жизненный потенциал и безопасность общества / Под ред. проф. А. Л. Санникова. Архангельск: Изд-во «Солти», 2007.
 378 с.
- 8. Проблемы здравоохранения и социального развития Арктической зоны России. М.: Paulsen, 2011. 472 с.
- 9. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб. / Росстат. М., 2010. 813 с.
- 10. Статистика злокачественных новообразований в России и странах СНГ в 2007 году / Под ред. М. И. Давыдова и Е. М. Аксель // Вестник РОНЦ им. Н. Н. Блохина. РАМН, 2009. Т. 20. № 3 (прил. 1). 158 с.
- 11. Тихонова Г. И., Горчакова Т. Ю., Касьянчик Е. А. Медико-демографическая характеристика населения трудоспособного возраста в России // Проблемы прогнозирования. 2009. № 4. С. 12–18.
- 12. Canadian Institute for Health Information. National Consensus Conference on Population Health Indicators. Final Report. Ottawa, Ontario, 1999. P. 5
- 13. Hassler S., Soininen L., Sjolander P., Pukkala E. Cancer among the Sami A review on the Norwegian, Swedish and Finnish Sami populations. International Journal of Circumpolar Health. 2008; 67 (5): pp. 421–432.
- 14. Smith H. S., Bjerregaard P., Chan H. M., Corriveau A. Ebbesson SOE et al. Research with arctic peoples: unique research opportunities in heart, lung, blood and sleep disorders. International Journal of Circumpolar Health. 2006; 65 (1): pp. 79–90.

Рецензент – Шрага Моисей Хаимович, доктор медицинских наук, профессор. УДК [327.7+378+324](470+571)(493)(045)

Студенты САФУ покорили Брюссель

- © *Малаховская* Мария Алексеевна, студентка 4-го курса института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова, редактор журнала «Арктика и Север» на английском языке. Контактный телефон: +7 921 241 21 03. E-mail: maria_arkhangel@mail.ru.
- © Иванова Мария Михайловна, студентка 5-го курса отделения журналистики института социальногуманитарных и политических наук САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный те-

лефон: +7 921 485 80 05. E-mail: maria_sartr@yandex.ru.

Студенты САФУ имени М. В. Ломоносова прошли недельную стажировку по журналистике при Европейской Медиа-академии в Брюсселе. Во время стажировки они побывали во всех основных институтах европейской власти, таких как Европарламент, Евросовет и Еврокомиссия. Им удалось увидеть все подводные камни работы журналистов в НАТО и обсудить вопросы, связанные с Арктикой, с представителями русской миссии в НАТО и принять участие в выборах президента России.

Ключевые слова: Брюссель, НАТО, Евросоюз, Арктика, Бельгия, выборы, журналистика.

The students of NArFU subdued Brussel

- © *Malahovskaya* Maria Alekseevna, 4th year student of the Department of Regional Studies and International Relations of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 921 241 21 03. E-mail: maria_arkhangel@mail.ru.
- © *Ivanova* Maria Mikhailovna, 5rd year student of the Journalistic Department of the Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 921 485 80 05. E-mail: maria_sartr@yandex.ru.

Abstract

The students of the NArFU named after M. V. Lomonosov hold a week took part in the training course of Journalism in Brussels. During their trip they visited the main Institutions of European power, such as European Union, European Commission and European Parliament. They saw all the under water stones of the work of the journalists in NATO and they discussed the main questions, which were connected with the Arctic with Russian mission in NATO and they also had a chance to take part in the elections of the president of Russia.

Keywords: Brussels, NATO, European Union, Arctic, Belgium, elections, journalism, politics.

Бельгия встретила нас, студентов с Севера, дождем и прохладным ветром. Но, несмотря на погодные условия, мы все равно были счастливы от того, что судьба подарила нам семь незабываемых дней в Брюсселе. Мы прошли стажировку в бельгийской Медиа-академии, прогулялись по европейским коридорам власти и посмотрели на самые красивые достопримечательности Брюсселя!

За голос дарили розу

Приземлились на бельгийской земле 4 марта. Казалось бы, оставили в России все проблемы, заботы и выборы президента РФ в том числе. Но не тут-то было. Не исполнить свой гражданский долг не смогли. Бельгийцы бы не поняли, ведь для них выбор главы государства – это святое. Поэтому с самолета отправились сразу на избирательный участок, расположенный при Посольстве РФ в Королевстве Бельгия.

Вместе с нами туда пришли проголосовать еще 1 703 человека. Русским, проживающим в Брюсселе, видно, есть дело до своей Родины. Об этом сказала и повстречавшаяся нам журналистка, бывшая корреспондентка «Русской службы» ВВС Елена Прохорова.

Да и как не проголосовать в таком замечательном месте! То, что в данном помещении осуществлялся избирательный процесс, понять можно было только по прозрачным урнам для голосования, расположенным в центре зала. Все остальное — музыка, приветливые улыбки людей, красные ковровые дорожки, буфет, в котором продавали настоящую русскую красную икру, сушки и пряники — как будто говорило об уютной домашней обстановке.

Голосовали по открепительным удостоверениям. Наш соотечественник не смог взять его в России: когда он пришел на свой избирательный участок, его не нашли в списках и в грубой форме отправили домой. Здесь же ему разрешили проголосовать просто по паспорту. Без всяких проблем.

«На избирательном участке за рубежом может голосовать любой совершеннолетний человек – гражданин России, у которого на руках есть действующий паспорт, наличие же открепительного удостоверения не обязательно», – пояснил нам первый секретарь посольства России в Бельгии, член УИК Георгий Кузнецов.

Еще один малозначительный, но очень приятный момент голосования в Брюсселе - тем, кто голосовал впервые, дарили не флажки и не ручки, как это принято в России, а настоящие бутоны красных роз, выращенные в Бельгии.

Путешествие по европейским коридорам власти

Стажировка в Бельгии стала возможна благодаря приглашению из Европейской Медиа-академии. Как признались ее руководители, для них студенты из САФУ были не первой учебной группой, но единственными, с неподдельным интересом посещавшими все семинары и не пропускавшими ни одного пункта в плотном расписании дня. Да и как можно было что-то пропустить? Ведь было интересно абсолютно все: от работы европейских высших органов власти до легенд о создании знаменитого бельгийского шоколада.

График стажировки был очень напряженным. Во второй день пребывания в Бельгии мы посетили пресс-службу Еврокомиссии, узнали, как работают радио- и телестудия этого органа власти, как организовано пространство для работы с журналистамимеждународниками, и пообщались с местными корреспондентами и сотрудниками по работе со СМИ.

Удивила полная открытость всех европейских институтов для прессы. Побывав на одной из пресс-конференций, мы убедились, что журналисты без всяких согласований и преду-

преждений задают свои вопросы. Как позже пояснил нам руководитель Медиа-академии Леонид Сокольников, в Европейском союзе любой аккредитованный журналист имеет доступ ко всем событиям в Брюсселе. Перед ним открыты двери любых брифингов, прессконференций и круглых столов. Европейский союз делает все для журналистов, лишь бы они чаще рассказывали миру о его деятельности.

Эти слова Леонида Александровича подтвердились, когда мы на третий день посетили Европейский парламент. Нам показали несколько помещений для журналистов, где те работают во время освещения каких-либо событий: комнаты отлично оборудованы с

технической стороны, а залы, где проходят встречи с журналистами, могут вмещать в себя до 2 600 человек.

Представители Европарламента по работе со СМИ рассказали о правилах аккредитации, об информационных и технических работах пресс-службы и, самое главное, как договориться с каким-либо депутатом об интервью. Главное, так сказать, кредо бельгийских журналистов – представители власти существуют для прессы, а не наоборот.

В этот же день мы смогли пообщаться с депутатом Европарламента Татьяной Жданок и побывать в конференц-зале имени Анны Политковской.

Посещение Европейского совета стало самым познавательным в политическом плане событием. Этот орган власти стал последним кусочком пазла, благодаря которому удалось собрать полную картину деятельности трех институтов европейской власти.

В НАТО с нами говорили на русском

Самым ярким впечатлением, конечно, было посещение штаб-квартиры НАТО. Нам удалось пообщаться с сотрудниками отдела общественной дипломатии Североатлантического альянса и представителями русской миссии в НАТО. Несмотря на то, что все наши встречи прошли «off record», нам удалось получить ответы на многие важные и действительно актуальные на сегодняшний день вопросы не только для Архангельска, но и для России в целом. Это были темы, которые касались отношений России и НАТО, проблемы ПРО и споров, которые происходят между Россией и другими странами Арктической пятерки. Нас действительно интересовал вопрос: «Арктика – это территория, открытая для диалога, или Арктика – это территория войны?».

Нам удалось убедиться, что в НАТО действительно работают не просто дипломаты, а настоящие профессиональные актеры и знатоки своего дела. Рабочий язык в НАТО был русский, поэтому беседа проходила легко и непринужденно. Сотрудники НАТО рассказали нам, что страны, которые входят в альянс, не рассматривают Россию как врага, так как «холодная война» и «гонка воору-

жений» уже давно закончились и все страны открыты для диалога. Хочется верить, но получается как-то с трудом. В конце нашего разговора мы пришли к выводу, что НАТО необходимо бороться с негативным имиджем, который существует в умах россиян по отношению к альянсу. Кроме того, нам удалось затронуть вопросы, касающиеся аккредитации журналистов, а также существующих или не существующих «черных списков» для журналистов. К сожалению, видео- и фотосъемка на территории штаб-квартиры НАТО была запрещена, но события этого дня запомнятся нам навсегда.

Бельгийское телевидение

Во время визита на французское телевидение нам удалось пообщаться с человеком, который проработал на РТБФ более тридцати лет – Патриком Верденом. Мистер Верден был нашим гидом, он провел нас через многочисленные запутанные коридоры телевидения и попытался раскрыть некоторые тайны и секреты его работы. Он показал нам многочисленные рабочие кабинеты и студии, заполненные новейшей аппаратурой. Нам удалось поприсутствовать даже при записи одной из телепередач. В завершение, он рассказал нам о работе журналистов, об их бесконечных рабочих командировках и записи телепередач.

Чем живут бельгийцы

Во время стажировки, несмотря на то, что

день был расписан по минутам, мы все же успевали наблюдать за повседневной жизнью Брюсселя. Может быть от того, что мы приехали в эту страну как туристы, нам показалось, что жить там намного лучше и проще. Люди доброжелательны, улочки приветливы, жизнь размерена и все как будто знают, чего хотят, чем заниматься и чего ждать от завтрашнего дня. Бельгийцы встают в семь утра, едут на работу, пьют кофе, едят вафли, гуляют, сидят

вечерами в барах, за неделю планируют вечеринки и торжества и точно знают, что будут делать через две недели.

Коренные жители давно уже не живут в самом городе, они предпочитают загородные домики, оставив центр для приезжих – эмигрантов и туристов. Кстати, с эмигрантами там не сладко. Евросоюз, помешанный на правах человека, довел город до того, что коренным жителям трудно найти работу, особенно в сфере обслуживания: там уже давно все занято эмигрантами. Из-за этого

брюссельская молодежь стремится уехать из страны на поиски работы за рубежом.

Но даже эти факты не омрачают бельгийскую жизнь. Столько всего нового и интересного мы узнали об этой стране! Например то, что прямо на улице можно угоститься фирменными бельгийскими вафлями. Побывать в Брюсселе и не попробовать их – значит провести время зря. Они продаются всюду и стоят всего 1 евро. Начинка для них самая разнообразная и самая вкусная. Удалось нам отведать и бельгийского шоколада.

Также открытием для нас стало и то, что бары, где распивают пиво и слушают музыку, могут быть красиво и оригинально оформлены. Для молодежи открыты веселые, наполненные музыкой и забавными картинами, диско-бары. Общение, напитки – все льется рекой. Для тех, кто хотел бы просто провести деловую встречу или пообщаться со старым другом – множество спокойных баров с богатейшей историей и декором. Для экстремалов, жаждущих необычных впечатлений, всегда открыт бар «Гроб»: темный, мрачный, с гробами вместо столов и черепами, в которых подаются напитки. Только вот отыскать все эти заведения совсем не просто. Они спрятались в узеньких улочках, растекающихся, как ручьи, во все стороны от главной площади города – Гранд-Плас.

Первенство по великолепию и элегантности в архитектурном плане по праву принадлежит площади Гранд-Плас, расположенной в самом центре Брюсселя. Здания, окружившие площадь со всех сторон ровным квадратом, представляют собой величайшие шедевры мировой архитектуры под открытым небом. Площадь никогда не пустует. Днем и особенно ночью она наполнена туристами и местной молодежью, сидящей прямо на граните в тесных кругах. Тут продают картины, сувениры, рисуют портреты. Здесь же работают фотографы и аниматоры.

Вообще, про архитектуру города можно говорить много и долго. Высокие, готические средневековые замки и церкви соседствуют со зданиями, выполненными в стиле модерн, кото-

рый отличает стремление к созданию одновременно красивых и функциональных зданий. Наверное, в этом и есть вся прелесть Брюсселя. Город современный и красивый, но при этом он не растерял своего архитектурного наследия.

Мы обязательно вернемся

Семь дней стажировки пролетели на одном дыхании. Каждый день, вымотанные и уставшие, мы возвращались в гостиницу, садились за компьютеры и писали материалы о том, что видели и пережили, пытаясь сохранить в памяти все мелкие детали дня. Например то, как мы общались с депутатами и журналистами Евросоюза, гуляли по брусчатым улоч-

кам, наслаждались ароматами и вкусами знаменитых бельгийских вафель и, конечно же, смотрели на местные достопримечательности.

Бросая монетку в знаменитый фонтан «Писающий мальчик», спрятанный между улочками Брюсселя, мы загадали общее для всех желание: обязательно приехать в Брюссель еще когда-нибудь. И наше желание обязательно сбудется!

> Рецензент – Соколова Флёра Харисовна, доктор исторических наук, профессор.

Биологические науки

УДК 581.9:165.9(1-924.16)

Сто лет геоботанических исследований в Мурманской области: история, современное состояние и проблемы

© *Королёва* Наталья Евгеньевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории флоры и растительности КНЦ РАН «Полярно-альпийский ботанический сад-институт имени Н. А. Аврорина» (Кировск). Котактный телефон: +7 909 562 05 40. E-mail flora012011@yandex.ru.

В статье приводится обзор направлений и современного состояния геоботаники в Мурманской области с особым вниманием к проблемам современых геоботанических исследований. Подчеркивается важность развития геоботанических региональных исследований и геоботанической подготовки стугиональных исследований и сеоботанической подготовки стугиональных исследований и сеоботанической подготовки стугиональных исследований и геоботанической подготовки стугиональных исследований и геоботанической подготовки стугиональных исследований и геоботанической подготовки стугиональных исследований и геоботанических и геоботан

дентов биологических специальностей.

Ключевые слова: геоботаника, наука о растительности, фитоценология, экологическая экспертиза, Кольская энциклопедия, история науки, высшее образование, Мурманская область.

One hundred years of the geo-botanical research in the Murmansk region: history, modern position and problems

© *Koroleva* Natalia Eugenievna, Ph. D. in Biology, Senior Researcher of the Laboratory of flora and vegetation of RAS 'Polar-Alpine Botanical Garden-Institute named after N. A. Avrorin' (Kirovsk). Contact phone: +7 909 562 05 40. E-mail flora012011@yandex.ru.

Abstract

This article provides an overview of trends and current status of Geobotany in the Murmansk region, with particular attention to the problems of modern geo-botanical studies. Emphasizes the importance of regional geo-botanical studies and preparation of students of geo-botanical biological specialties.

Keywords: geobotanics, the science of vegetation, phytosociology, ecological assessment, Kola encyclopedia, the History of the Science, the Higher Education, Murmansk Region.

Введение

Более чем 270 тыс. видов сосудистых растений, 24 тыс. видов мохообразных и 25 тыс. видов лишайников формируют неисчислимое множество растительных сообществ, которые покрывают непрерывной пленкой различной мощности всю Землю, за исключением поверхности океанов и ледников. Именно в растительных сообществах происходит основной круговорот вещества и энергии. Растительные сообщества формируют единую систему с почвенным покровом территории, с растительными сообществами связаны места обитания и жиз-

ненный цикл видов животных. Растительный покров является наиболее выразительным компонентом ландшафта. Естественное разнообразие растительного покрова Земли составляет основу ее биологического разнообразия, которое признается как самоценностная категория вне зависимости от человеческого общества.

Особое место в системе наук о растительном покрове Земли занимает геоботаника – наука, занимающаяся изучением разнообразия, свойств, связей, а также выяснением закономерностей организации, пространственного распределения и развития растительных сообществ. Это синтетическая наука на стыке биологических и географических наук, входящая, как в систему биологических наук, так и в систему наук о Земле. По сравнению с другими «классическими» биологическими и географическими дисциплинами ее возраст относительно невелик. Формирование теоретической базы геоботаники началось с исследований великого немецкого естествоиспытателя А. Гумбольдта (1767–1835). В России убедительное отделение науки о растительном покрове от прочих ботанических наук состоялось в последней четверти XIX века. Оформление основной геоботанической терминологии произошло на Брюссельском международном ботаническом конгрессе в 1910 году, что дало основание недавно отметить столетие «официального» создания геоботаники.

Геоботаника в широком понимании включает в себя географию растительных сообществ, экологию растений и фитоценологию [52]. Иногда термин фитоценология рассматривается как синоним геоботаники, и тогда в нее включается и география растительных сообществ [11]. Различными, хотя и смежными науками считает геоботанику и фитогеографию (географию растений и растительных сообществ) Р. В. Камелин [20]. Хотя фитогеография как составная часть входит в биогеографию (по крайней мере в университетских учебных планах), а экология растений давно является самостоятельной дисциплиной, геоботаника в России развивается как своеобразный «сплав» этих трех наук, которые совместно формируют методологию геоботаники, ее понятийный аппарат и основную проблематику. В европейской англоязычной литературе синонимом термина «геоботаника» является «phytosociology» и «phytocoenology», в американской – «synecology», частично «vegetation (plant) ecology» и «biogeography», в немецкоязычной – «die Pflanzensociologie» и «die Geobotanik».

Одним из основных методов геоботаники остается выполнение геоботанических описаний (рисунок 1) и последующая их обработка. Несмотря на кажущуюся простоту и «старомодность» геоботанических описаний их научная ценность очень велика. В процессе выполнения каждого описания оценивается альфа-разнообразие сообщества, общий набор описаний представляет бета-разнообразие какой-либо территории, а полный список видов всех описаний (синоптическая таблица) представляет собой ее гамма-разнообразие. Геоботаническое описание обязательно должно включать криптогамный компонент сообществ (мохообразные и лишайники, зачастую преобладающие по видовому составу и фитомассе), без их учета описания тундровой, болотной, лесной растительности не отражают ее реального состава. Описание содержит необходимую сопутствующую информацию, такую как координаты местонахождения, данные о физико-географических, геологических и экологических особенностях местоположения, о почвах, имеющемся антропогенном воздействии. Обязательна оценка фенологического состояния растений, горизонтальной структуры растительного по-

крова (рисунки, схемы, фотографии). Информация, получаемая при выполнении геоботанического описания, делает его скорее «образцом», чем просто «описанием» [13].

Выполнение геоботанического описания в фрагментах березовых криволесий в тундровой зоне. Побережье Аумбовского залива Белого моря (июль 2007 года)

Если принять во внимание, что за ограниченное время работы в каком-либо районе геоботаник должен репрезентативно оценить разнообразие растительности и сделать не менее десяти описаний на каждый предварительно выделенный им тип, правильно собрать и, главное, сохранить гербарий до определения в лаборатории, становится понятным, почему так трудно получить качественные первичные геоботанические данные и почему они так важны для науки. Пожалуй, корректно собранные геоботанические данные – один из немногих примеров научной информации, ценность которой со временем не теряется, а растет, и которая всегда может найти себе новое применение, например при изучении современной динамики растительного покрова.

Важное условие успешного геоботанического исследования – публикация первичных геоботанических данных – обработанных описаний. Это единственный путь «...для объективизации инвентаризации и классификации растительных сообществ, сравнения любых типов сообществ в каких бы районах они ни были описаны и в какой бы классификационной системе... ни были представлены» [30, с. 95]. Именно огромный объем опубликованных геоботанических описаний позволил выполнить в Объединенной Европе впечатляющий проект – формирование базы данных для «Обзора растительности Европы» и «Карты растительности Европы» [71]. Публикацию первичных геоботанических данных должны сопровождать их обобщение и анализ, поскольку, собственно, это и делает геоботанику наукой, а не просто квалифицированным собирательством фактов.

В России геоботаника является, наверное, одной из наиболее «массовых» ботанических наук: например, для участия в XII Делегатском съезде Русского ботанического общества на секцию «Геоботаника» было представлено 170 заявок. В результате эта секция была самой многочисленной на съезде, в ее работе участвовало более 70 специалистов [39]. Последняя Всероссийская конференция «Отечественная геоботаника: основные вехи и перспективы», прошедшая в 2011 году в Санкт-Петербурге, собрала 235 участников из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Существует несколько исчерпывающих обзоров по истории и развитию геоботаники в мире и в России [3; 53; 16; 47], достаточно полно излагают этот материал и учебники по геоботанике и фитоценологии [11; 46; 17; 31]. Данная статья более подробно рассматривает историю, современное состояние и проблемы геоботанической науки в Мурманской области.

«Дорожная карта» для геоботаники в Мурманской области

Наиболее важные результаты геоботанических работ прошлого столетия. Фундамент для изучения растительности области был заложен в 30-40-х годах XIX века во время первых географических экспедиций Санкт-Петербургской Академии наук под руководством академика К. Э. Бэра (1792–1876). На Кольском полуострове работали такие крупные российские ученые, как А. Ф. Миддендорф (1815–1894), А. Г. Шренк (1816–1876), Ф. И. Рупрехт (1814–1870) и др. Первым крупным геоботаническим обобщением стало обследование в 1911–1914 годах профессором университета в городе Тарту К. Регелем (1890–1970) некоторых районов Кольского полуострова по заданию Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. От этой первой и очень качественной геоботанической работы по Кольскому полуострову можно вести отсчет развития местной геоботаники. Своей задачей Регель считал сбор как можно более общирных и полных фактических данных о растительности, «поскольку все гипотезы преходящи» [70, Vorwort, VIII].

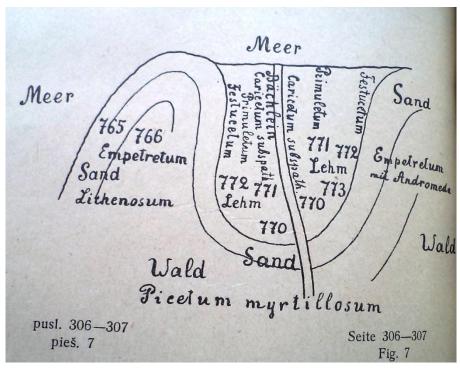

Рисунок 1. К. Регель [70, 306–307]. Иллюстрация-план растительного покрова на побережье бухты Пирья губа, Кандалакшский залив Белого моря

Обстоятельные исследования растительного покрова вели на бывшей финской (по Тартускому договору 1920 года) территории Кольского полуострова финские ботаники [64; 65; 69].

Мощный стимул получило развитие геоботанических исследований с началом советского освоения природных богатств Кольского края. В составе нескольких экспедиций Академии наук СССР на Кольском полуострове работал выдающийся исследователь Севера Ю. Д. Цинзерлинг¹ (рисунок 2). Его помаршрутный обзор и карта растительности северо-востока Кольского полуострова были использованы затем при создании карты, обзора и ботанико-географического районирования растительности северо-запада Европейской части СССР [55; 56; 57]. Как и в других районах Крайнего Севера, в Мурманской области проводилось подробное описание и картографирование растительности как ресурса для оленеводства [49].

Рисунок 2. Ю. Д. Цинзерлинг

Одной из первых работ, опубликованных сотрудниками основанного в 1931 году в Кировске Полярно-альпийского ботанического сада (ныне ПАБСИ КНЦ РАН), были карта и описание растительности Хибинских гор [1]. Важным научным событием стала «Карта растительности Кольского полуострова (1:1 000 000)», выполненная сотрудником ПАБСИ Е. Г. Черновым [59]. Пояснительный текст к карте содержит наиболее полный анализ результатов флористических и геоботанических исследований в Мурманской области с конца XVIII по середину XX века, описание и иллюстрации основных типов сообществ, обзор выделенных автором геоботанических районов. Впоследствии «Карта растительности Кольского полуострова» была генерализована и вошла составной частью в «Карту растительности Европейской части СССР (1:2 500 000)» [21] и в «Геоботаническую карту СССР (1:4 000 000)» [12], на ее основе созданы карты растительности в «Атласе Мурманской области» [4] и «Экологическом атласе Мурманской области» [61].

 $^{^1}$ Юрий Дмитриевич Цинзерлинг (1894–1929) – геоботаник, ботаникогеограф, систематик, выдающийся исследователь Севера. С начала 20-х годов и до ареста был участником и организатором научных работ на Северо-Западе СССР.

Подробные описания, анализ динамики, оценка продуктивности консортивных связей, а также крупномасштабные карты приморской и орнитогенной растительности Кандалакшского заповедника (как на баренцевоморском, так и на беломорском побережье) были выполнены И. П. Бреслиной [8; 9]. Не только классификацию растительности Лапландского заповедника, но и сравнение с другими горными системами Фенноскандии приводит Т. П. Некрасова [32; 33]. Сукцессиям на вырубках и гарях Лапландского заповедника были посвящены исследования Н. М. Пушкиной [44; 45]. Крупным обобщением геоботанических и флористических исследований двух соседних регионов стал аналитический обзор флоры Мурманской области и Карелии [48]. Его краткая геоботаническая характеристика ландшафтных провинций остается наиболее часто цитируемой в самых разных современных печатных работах о природе области. Накопленный объем знаний о растительности области, наряду с данными по другим районам Голарктики, позволил сделать ряд важнейших обобщений для огромных территорий. В первую очередь это геоботаническое районирование Арктики и Антарктики [2], ботанико-географическое районирование тундры и тайги Европейской части СССР [14; 19] и др.

Современные геоботанические исследования. В настоящее время постоянные геоботанические изыскания в Мурманской области ведут сотрудники Полярно-альпийского ботанического сада-института КНЦ РАН, Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН, Института проблем промышленной экологии Севера РАН, Кольского центра охраны природы, Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН. К изучению растительности заповедников привлекаются сотрудники Санкт-Петербургской лесотехнической академии, Санкт-Петербургского государственного университета, Института биологии и Института леса Карельского НЦ РАН. Объем статьи не дает возможности останавливаться на всех геоботанических работах. Рассматривая современное состояние региональной геоботаники на примере основных публикаций последних двух десятилетий, можно утверждать, что в основном изучено синтаксономическое разнообразие зональной и горной тундры и лесотундры Мурманской области, опубликованы таблицы описаний и сводные таблицы и составлен продромус ассоциаций [22; 23; 24; 66; 67]. Отдельные типы растительности Кольского полуострова в составе приморских сообществ, тундр и лесов европейского сектора Арктики и Субарктики рассматриваются в сравнительных геоботанических обзорах [50; 27; 28; 63] (рисунок 3). Анализ соотношения географических элементов в составе сосудистых растений ряда сообществ и сравнение с аналогичными сообществами соседних тундровых, лесотундровых и северотаежных регионов позволил уточнить положение безлесных территорий севера Мурманской области в системе зональности [60].

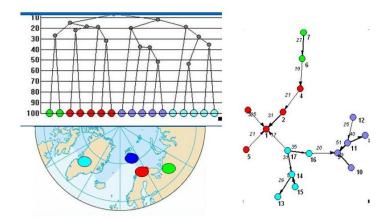

Рисунок 3. Дендрограмма и дендрит сходства между синтаксонами дриадовых тундр (ассоциациями, типами сообществ, типами тундр) Фенноскандии (включая Мурманскую область), Шпицбергена, Гренландии и Восточно-Европейской тундры (использован коэффициент сходства Съеренсена-Чекановского с учетом показателей активности видов) (по [26; 27])

Многолетние исследования состава растительного покрова идут в заповедниках Мурманской области. На территории крупнейшего в области Лапландского заповедника описаны основные лесные ассоциации [37; 38], горно-тундровая растительность [67], выполнены классификация и обзор основных растительных сообществ заповедника «Пасвик [36]. Обзор природно-территориальных комплексов и ландшафтная карта заповедника Пасвик [41] содержат ценную геоботаническую информацию и могут быть использованы для классификации растительных комплексов и создания карты растительности заповедника.

В ходе почвенно-биогеоценологических исследований изучается состав и структура фитоценозов. Биогеоценологические исследования в фитоценозах горно-тундрового и горно-лесного пояса показали различия в структуре фитомассы, а также в накоплении и распределении углерода в структурных компонентах сообществ на топографическом градиенте [54; 72]. Анализ трансформации потоков веществ в фитоценозах хвойных лесов выявил необходимость учитывать пространственную структуру сообществ при оценке техногенного воздействия [40].

Наиболее велика библиография исследований растительного покрова Мурманской области в зоне техногенного воздействия. В различных типах лесов, расположенных в зоне загрязнения комбинатом «Североникель» Кольской ГМК, были выявлены признаки, диагностирующие степень поражения сообществ сосновых лесов, исследована устойчивость и процессы восстановления фитоценозов, рассмотрены изменения в составе и структуре эдификаторных и подчиненных синузий на градиенте загрязнения [62]. По данным маршрутных и экспериментальных исследований изучены динамика состояния растительности при постоянном атмосферном загрязнении и при разовом катастрофическом событии (лесные пожары), разработан прогноз восстановления лесов при разных видах антропогенных воздействий [15], рассмотрены восстановительные сукцессии в северо-таежных еловых лесах при снижении уровня загрязнения [58]. На основе изучения многолетней динамики лесных сообществ был сделан вывод о темнохвойных зеленомошных лесах на дренированных песчаных почвах как финальной стадии пирогенной сукцессии [35]. При изучении грибного компонен-

та в структуре лесных фитоценозов проанализирована динамика состава дереворазрушающих грибов на разных стадиях послепожарной сукцессии в северо-таежных лесах [18].

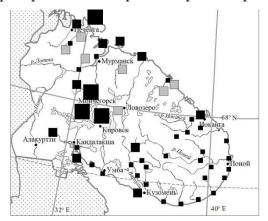
Типологическое картографирование в Мурманской области является одновременно результатом и средством познания важнейших региональных закономерностей строения и состояния растительного покрова. На основе анализа наземной и дистанционной информации (аэрофото- и космических снимков) была создана «Карта растительности центральной части Мурманской области (1:100 000)», которая также включает большую часть Лапландского заповедника, а также горного массива Хибин и техногеннотрансформированные окрестности металлургического комбината «Североникель» [42]. При использовании различных дистанционных и полевых данных дана оценка современного состояния и факторов дифференциации растительности, а также влияния различной хозяйственной деятельности человека на состав и структуру растительного покрова этого района [43]. Для части территории Лапландского заповедника проведено картографирование растительности в масштабе 1:50 000 [34]. Для легенды карты тундровой и лесотундровой растительности области предложены типы тундровых и лесных биотопов на основе признаков фитоценозов и положения сообществ в ландшафте [25; 28].

Вкладом в теоретическое обоснование природоохранных мер в Мурманской области был анализ фитоценотической активности «краснокнижных» видов и выделение наиболее ценных типов биотопов [5, 26]. Результатом, в частности, был вывод о ценотической сопряженности ряда редких видов сосудистых растений и их связи с редкими в области типами фитоценозов [6], а также ценотической обусловленности группировок редких видов мохообразных, лишайников и цианопрокариот [7].

Огромную работу по инвентаризации наиболее ценных для сохранения биологического разнообразия территорий на северо-западе Европейской части России провел большой коллектив исследователей [51]. Целью этой работы была также оценка современного состояния растительного покрова по единой методике, в основе которой – использование данных дистанционного зондирования для получения наиболее объективных и актуальных результатов. К большому сожалению, как обзор ценных биотопов, так и картографические материалы, по крайней мере для Мурманской области, выполнены вне геоботанического контекста. Если бы авторы полностью использовали имеющийся теоретический геоботанический задел, то при данном объеме и качестве дистанционных материалов, а также исключительно высоком уровне классификации изображений могли бы быть получены результаты большой научной ценности.

Таким образом, современный спектр геоботанических исследований в Мурманской области чрезвычайно богат и разнообразен и, в целом, репрезентативно отражает направления развития геоботаники в России. Это: инвентаризация и картографирование растительного покрова области; формирование баз геоботанических данных; определение положения Мурманской области в региональных и циркумполярных системах геоботанических данных; выяснение путей исторического развития растительного покрова; оценка состояния, анализ динамики и структуры растительного покрова в зонах антропогенного воздействия (в том числе при использовании дистанционного зондирования); выявление наиболее ценных типов

растительных сообществ и разработка необходимых мер для их охраны. Тем не менее «плотность» исследований на территории области крайне неравномерна (рисунок 4).

- **■** районы, где описаны отдельные типы растительности (всего менее 25 геоботанических описаний для одного или нескольких типов растительнсти);
- – районы, где разнообразие растительности выявлено в значительной степени (всего от 25 до 100 описаний для всех основных типов растительности);
- районы, где разнообразие растительности выявлено почти полностью (всего более 100 описаний для практически всех типов растительности).

Черные квадраты – опубликованные описания, серые – предполагаемые к опубликованию.

Рисунок 4. Геоботаническая изученность Мурманской области

Наиболее исследована освоенная центральная лесная часть, а растительный покров восточной и северо-восточной части области изучен совершенно недостаточно, что в основном связано с труднодоступностью этого района. Необходимо дальнейшее изучение и классификация старовозрастных лесов на юге и юго-востоке области. Малоизученными остаются болота области – один из преобладающих по площади, видовому и структурному разнообразию типов растительности. Особенно актуально создание карты современной растительности Мурманской области на основе данных полевых материалов и дистанционной информации, поскольку имеющейся карте уже более полувека, а современные крупномасштабные геоботанические карты охватывают лишь небольшую, наиболее освоенную часть территории области.

Проблемы развития геоботанических исследований в Мурманской области

Современная геоботаника в значительной степени реализуется как наукоемкая технология. Именно таким образом используются геоботанические данные в геоботанической экспертизе как части ОВОС при описании и паспортизации охраняемых природных территорий в различных фитоиндикационных исследованиях, а также при типологическом геоботаническом картографировании. Дальнейшее социально-экономическое развитие Мурманской области связано с освоением ее природных богатств при устойчивом и долговременном их использовании и с формированием баланса между развитием региона и сохранением его биологического разнообразия. Именно поэтому региону требуются квалифицированные экологи, обладающие «технологическими» геоботаническими знаниями, способные справиться с непростыми проблемами инвентаризации природных ресурсов (в том числе растительного покрова), экологической экспертизы и мониторинга результатов антропогенного воздействия на наземную фитобиоту.

В настоящее время по специальностям «экология» и «экология и природопользование» ведут подготовку студентов три высших учебных заведения Мурманской области, но в их учебных программах нет курса геоботаники. Такой курс читался студентам-геоэкологам АФ МГТУ, но с 2011 года он был исключен из учебной программы. Таким образом, базовый уровень геоботанических знаний для студентов Мурманской области недоступен. Та же ситуация и с некоторыми другими биологическими дисциплинами, в частности, к обучению студентовэкологов и биологов не привлекаются специалисты, активно работающие в сфере изучения и охраны наземного фиторазнообразия. Вследствие этого студенты не получают полного представления о современном уровне развития наук о биоразнообразии, о составе и методах изучения наземной фитобиоты и о способах реализации научных достижений на практике.

Отсутствие у экологов хотя бы основных, начальных геоботанических знаний становится причиной создания порой удивительных результатов экологической экспертизы. Например, в отчете о почвенно-геоботаническом мониторинге в зоне воздействия комбината «Североникель», представленном комбинату в 2010–2011 годах одной из проектных организаций Мурманской области, предложены результаты исследования «пионерных растений – мхов и лишайников». Лишайниковый покров охарактеризован здесь как «цветные пятна», причем сделан вывод, что «распространение мхов и лишайников» и увеличение площади «цветных пятен» свидетельствует об улучшении экологической обстановки.

Но основа любого, даже самого простого геоботанического обследования - это список видов (в том числе и мхов, и лишайников) с количественной их оценкой. Разнообразие напочвенных лишайников, составляющих эти «цветные пятна», может превышать несколько десятков видов, далеко не все они - «пионерные», да, в общем-то, и не растения. Их развитие связано со снижением конкурентного пресса сосудистых растений и нарушениями почвенного покрова и весьма опосредованно - с аэротехногенным загрязнением. Делать какие-либо выводы об улучшении или ухудшении экологической обстановки, основанные на состоянии растительного покрова, невозможно без корректно проведенного геоботанического обследования и анализа, с которым данный текст не имеет ничего общего. В целом, при существующем высоком уровне изученности растительного покрова и детальном многолетнем мониторинге его состояния в районе воздействия комбината «Североникель» усилиями ученых нескольких академических институтов появление таких «экспертиз» - показатель отсутствия спроса бизнеса на качественную научную продукцию. Печальные последствия имеет отсутствие базового геоботанического образования у авторов и редакторов региональных учебных, справочных и энциклопедических изданий по биологии. В частности, недавно вышедшие первые два тома «Кольской энциклопедии» [10] в части очерков о растительности области содержат устаревшую и неверную информацию и, к сожалению, не могут быть использованы как справочное научное пособие.

Заключение

Наблюдаемое «параллельное» развитие научных геоботанических исследований и практического применения их результатов – показатель разрушения социального контракта между наукой и обществом. Невостребованность и отсутствие преемственности геоботанических знаний на региональном и местном уровне может привести к необратимым последстви-

ям. Молодые специалисты-экологи и биологи уже теперь имеют слабое представление о том, что собой представляет растительный покров области, да и России в целом, и о том, что растет у них под ногами. Результаты экологической экспертизы не дают реального представления, что мы можем потерять из-за того или иного антропогенного воздействия. Учебные и справочные пособия по биологии в части знаний о растительности «замерли» в состоянии начала прошлого века. Отсутствие геоботаники в учебных программах не только снижает качество регионального биологического и экологического образования, но и может негативно повлиять на социально-экономическое развитие области. Существует острая необходимость введения учебного курса геоботаники в программу биологических и экологических факультетов высших учебных заведений Мурманской области и использование в преподавании знаний и опыта практикующих специалистов-геоботаников из институтов Академии наук.

Благодарю С. В. Чиненко (БИН РАН) и Е. А. Боровичева (ПАБСИ КНЦ РАН) за конструктивное обсуждение основных положений статьи.

Литература

- 1. Аврорин Н. А., Качурин М. Х., Коровкин А. А. Материалы по растительности Хибинских гор // Тр. СОПС АН СССР. Сер. Кольск., 1936. Вып. 11. С. 3–95.
- 2. Александрова В. Д. Геоботаническое районирование Арктики и Антарктики. Л., 1977. 189 с.
- 3. Александрова В. Д. Классификация растительности. Обзор принципов классификации и классификационных систем в разных геоботанических школах. Л.: Наука, 1969. 275 с.
- 4. Атлас Мурманской области. М.: ГУГК, 1971.
- 5. Блинова И. В. Биология орхидных на северо-востоке Фенноскандии и стратегии их выживания на северной границе распространения // Автореф. дисс. ... докт. биол. наук. М., 2009. 44 с.
- 6. Блинова И. В. Популяционные исследования редких видов сосудистых растений в Мурманской области // В кн. «Разнообразие растений, лишайников и цианопрокариот Мурманской области: итоги изучения и перспективы охраны». Коллектив авторов, отв. ред. Н. А. Константинова. СПб, 2009. С. 90–100.
- 7. Боровичев Е. А., Костина В. А., Шалыгин С. С. Некоторые ключевые ботанические территории Лапландского заповедника (Мурманская область) // Труды Карельского Научного Центра РАН, сер. Биогеография. 2011. № 9, вып. 11 (в печати).
- 8. Бреслина И. П. Флора и растительность Семи островов и прилегающего побережья Восточного Мурмана. Дисс. на соис. ст. канд. биол. наук. Кандалакша, 1970. 339 с.
- 9. Бреслина И. П. Растения и водоплавающие птицы морских островов Кольской Субарктики. Л., 1987. 199 с.
- 10. Воронин А. В., Агаркова Т. В. и др. Кольская энциклопедия / Науч.-изд. совет: Евдокимов Ю. А. (предс.). С.-Петербург: ИС; Апатиты: КНЦ РАН, 2008, 2009. Т. 1, 2. 1048 с.

- 11. Воронов А. Г. Геоботаника. Учеб. пособие для ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Высш. школа», 1973. 384 с.
- 12. Геоботаническая карта СССР. 1:4 000 000. Отв. редактор В. Б. Сочава. М.: ГУГК, 1955.
- 13. Голуб В. Б. Использование геоботанических описаний в качестве коллекции образцов для классификации растительности // Растительность России. 2011. № 17–18. С. 70–82.
- 14. Грибова С. А. Широтная дифференциация растительного покрова тундры Европейской равнины // Проблемы экологии, геоботаники, ботанической географии и флористики. Л.: Наука, 1977. С. 37–46.
- 15. Динамика лесных сообществ северо-запада России / Отв. ред. В. Т. Ярмишко. СПб.: БИН РАН, 2009. 275 с.
- 16. Дохман Г. И. История геоботаники в России. М., 1973. 285 с.
- 17. Ипатов В. С., Кирикова Л. А. Фитоценология. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. $316~\rm c.$
- 18. Исаева Л. Г., Химич Ю. Р., Костина В. А. Разнообразие еловых лесов и афиллофороидных грибов Мурманской области // Хвойные леса северных широт от исследования к экологически ответственному лесному хозяйству: отв. ред. Х. Кауханен, В. Нешатаев, Э. Хухта, М. Вуопио. Jyväskylä. 2009. С. 49–60.
- 19. Исаченко Т. И. Провинциальное расчленение таежной области в пределах Европейской части СССР и Урала // Проблемы экологии, геоботаники, ботанической географии и флористики. Л: Наука, 1977. С. 47–58.
- 20. Камелин Р. В. Геоботаника и фитогеография: сфера взаимодействия и проблемы развития // Актуальные проблемы геоботаники. III Всероссийская школа-конференция. Лекции. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 8–22.
- 21. Карта растительности Европейской части СССР. 1:2 500 000. Отв. редактор Е. М. Лавренко. М.: Академия наук СССР, Ботанический институт им. В. Л. Комарова, 1948.
- 22. Королева Н. Е. Синтаксономический обзор болот тундрового пояса Хибинских гор (Мурманская область) // Растительность России. 2001. № 2. С. 49–57.
- 23. Королева Н. Е. Синтаксономический обзор горно-тундровой растительности Хибин // Бюлл. МОИП, отд. биол. 2001. Т. 106, вып. 4. С. 50-57.
- 24. Королева Н. Е. Безлесные растительные сообщества побережья Восточного Мурмана (Кольский полуостров, Россия) // Растительность России. 2006. № 9. С. 20–42.
- 25. Королева Н. Е. Основные биотопы горных и зональных тундр Мурманской области // Вестник МГТУ. 2008. Том 11, № 3. С. 533–542.
- 26. Королева Н. Е. Основные биотопы горных и зональных тундр Мурманской области и распределение редких видов растений // Бюлл. МОИП, отд. биол. 2010. Т. 115, вып. 1. С. 30-40.
- 27. Королева Н. Е. К синтаксономии растительных сообществ с доминированием Dryas octopetala L. в Фенноскандии и на Шпицбергене // Тр. Карельского НЦ РАН. 2011а. № 1. С. 23–36.

- 28. Королева Н. Е. Основные биотопы северо-таежных лесов и березовых криволесий Мурманской области: ландшафтное и ботаническое разнообразие, необходимость охраны // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14, вып. 4. С. 812–832.
- 29. Королева Н. Е., Чиненко С. В., Сортланд Э. Б. Сообщества маршей, пляжей и приморского пойменного эфемеретума Мурманского, Терского и востока Кандалакшского берега (Мурманская область) // Фитогеография Восточной Европы. 2011. Т. 9. С. 26–62.
- 30. Матвеева Н. В., Дедов А. А. Растительность Малоземельской и Тиманской тундр. Сыктывкар, 2006. 160 с. // Растительность России. 2006. № 8. С. 93–95.
- 31. Миркин Б. М., Наумова Л. Г., Соломещ А. И. Современная наука о растительности. М., 2000. 264 с.
- 32. Некрасова Т. П. Очерк растительности Лапландского заповедника // Тр. Ленингр. ова естествоиспытателей. 1935. Т. 64, вып. 2. С. 239–272.
- 33. Некрасова Т. П. Растительность альпийского и субальпийского поясов Чуна-тундры // Тр. Лапландского гос. заповедника. 1938. Вып. 1. С. 7–176.
- 34. Нешатаев В. Ю. (ред.) Лапландский государственный заповедник. Восточная часть. Растительный покров. Масштаб 1:50 000. СПб: СПбГЛТА, БИН РАН, ООО «Аконит», 2008. 2Λ .
- 35. Нешатаев В. Ю., Добрыш А. А., Нешатаев М. В., Пестеров А. О. Послепожарная динамика лесной растительности Лапландского заповедника и ее картографирование / Хвойные леса северных широт от исследования к экологически ответственному лесному хозяйству. Отв. ред. Х. Кауханен, В. Нешатаев, Э. Хухта, М. Вуопио. Jyväskylä, 2009. С. 70–86.
- 36. Нешатаев В. Ю., Копцева Е. М., Нацваладзе Н. Ю., Стурлис И. Ю., Нешатаев М. В. Первые итоги изучения растительности заповедника «Пасвик» // Летопись природы заповедника «Пасвик». Кн. 14 (2007). Сб., сост. и отв. ред. Н. В. Поликарпова. Государственный природный заповедник Пасвик. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. С. 45–85.
- 37. Нешатаев В. Ю., Нешатаева В. Ю. Еловые леса и редколесья Лапландского заповедника // Коренные леса таежной зоны Европы: современное состояние и проблемы сохранения / Материалы Международн. конф. Петрозаводск, 6–8 июля 1999 г. С. 210–212.
- 38. Нешатаев В. Ю., Нешатаева В. Ю. Синтаксономическое разнообразие сосновых лесов Лапландского заповедника // Бот. журн. 2002. Т. 87, № 1. С. 99–121.
- 39. Нешатаева В. Ю. О работе секции «геоботаника» на XII Делегатском съезде Русского ботанического общества // Растительность России. 2008. № 13. С. 34–35.
- 40. Никонов В. В., Лукина Н. В., Смирнова Е. В., Исаева Л. Г. Влияние ели и сосны на формирование первичной продуктивности нижними ярусами хвойных лесов Кольского полуострова // Бот. журн. 2002. Т. 87, № 8. С. 112–124.
- 41. Поликарпова Н. В. Ландшафтное картографирование особо охраняемых природных территорий на примере заповедника «Пасвик» // Сб. «Ландшафтная экология». Вып. 4. М.: РИЦ «Альфа», 2004. С.48–62.

- 42. Пузаченко М. Ю., Черненькова Т. В., Басова Е. В. Природно-антропогенная вариабельность растительного покрова центральной части Мурманской области и ее картографическое отображение // Отечественная геоботаника: основные вехи и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, СПб, 2011. Т. 1. С. 408–411.
- 43. Пузаченко М. Ю., Черненькова Т. В., Басова Е. В. Анализ природно-антропогенной неоднородности растительного покрова центральной части Мурманской области // Разработка методов мониторинга и оценки биоразнообразия лесов России на основе наземных обследований и спутниковой информации, 2012 (в печати).
- 44. Пушкина Н. М. Растительность сосновых гарей Лапландского заповедника и характер ее восстановления // Тр. Лапландского гос. заповедника. 1938. Вып. 1. С. 307–350.
- 45. Пушкина Н. М. Естественное возобновление растительности на лесных гарях // Тр. Лапландского гос. заповедника. 1960. Вып. 4. С. 5–125.
- 46. Работнов Т. А. Фитоценология. М.: Изд-во МГУ, 1983. 293 с.
- 47. Работнов Т. А. История фитоценологии: Учебное пособие. М., 1995. 158 с.
- 48. Раменская М. Л. Анализ флоры Мурманской области и Карелии. Л.: Наука, 1983. 215 с.
- 49. Салазкин А. С., Самбук Ф. В., Полянская О. С., Пряхин М. И. Оленьи пастбища и растительный покров Мурманского округа // Тр. Арктического института, 1936. Т. LXXII. JL. 307 с.
- 50. Сорокин А. Н., Голуб В. Б. Растительные сообщества союза Matricarion maritimi all. nov. на берегах северных морей Европейской России // Фиторазнообразие Восточной Европы. 2007. № 2. С. 3–16
- 51. Сохранение ценных природных территорий Северо-Запада России. Анализ репрезентативности сети ООПТ Архангельской, Вологодской, Ленинградской и Мурманской областей, Республики Карелия, Санкт-Петербурга / Коллектив авторов, под ред. К. Н. Кобякова. СПб, 2011. 506 с.
- 52. Сочава В. Б. К вопросу о содержании и методах геоботаники // Бот. журн. 1948. Т. 37, № 2. С. 273.
- 53. Трасс X. X. Геоботаника. История и современные тенденции развития. Λ .: Наука, 1976. 252 с.
- 54. Ушакова Г. И., Шмакова Н. Ю., Королева Н. Е. Влияние видового состава и структуры фитомассы растительных сообществ на накопление углерода в горных и предгорных биогеоценозах Хибин // Бюлл. МОИП, отд. биол. 2004. Т. 109, вып. 2. С. 57–65.
- 55. Цинзерлинг Ю. Д. География растительного покрова северо-запада Европейской части СССР. Λ .: изд-во АН СССР, 1934. 378 с.
- 56. Цинзерлинг Ю. Д. Материалы по растительности северо-востока Кольского полуострова. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1935. 162 с.
- 57. Цинзерлинг Ю. Д. Растительность болот // Растительность СССР. М.-Л, 1938. Т. 1. С. 355-428.

- 58. Черненькова Т. В., Кабиров Р. Р., Басова Е. В. Восстановительные сукцессии северотаежных ельников при снижении аэротехногенной нагрузки // Лесоведение. 2011. № 6. С. 49–66.
- 59. Чернов Е. Г. Карта растительности Кольского полуострова в масштабе 1:1 000 000 с пояснительным текстом // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. биол. наук. Кировск, 1953. 274 с.
- 60. Чиненко С. В. Положение восточной части баренцевоморского побережья Кольского полуострова в системе флористического районирования. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. биол. наук. СПб., 2008. 468 с.
- 61. Экологический атлас Мурманской области. Институт экологии Севера КНЦ РАН, Москва-Апатиты, 1999.
- 62. Ярмишко В. Т. Сосна обыкновенная и атмосферное загрязнение на Европейском Севере. СПб.: Изд-во НИИ химии СПбГУ, 1997. 210 с.
- 63. Ermakov N., Morozova O. Syntaxonomical survey of boreal oligotrophic pine forests in northern Europe and Western Siberia // Applied Vegetation Science. 2011. Vol. 14. P. 524–536.
- 64. Kalela A. Über Wiesen and wiesenartige Pflanzengesellschaften auf der Fischerhalbinsel in Petsamo Lappland // Acta Forest. Fenn. 1939. Bd. 48, No 2. 523 s.
- 65. Kalliola R. Pflanzensoziologische Untersuchungen in der alpinen Stufe Finnisch Lapplands // Ann. Bot. Soc. Zool.–Bot. 'Vanamo'. 1939. Bd. 14. 321 s.
- 66. Koroleva N. E. 1994. Phytosociological survey of the tundra vegetation of the Kola Peninsula, Russia // Journ. of Vegetation Science. No 5. P. 803–812.
- 67. Koroleva N. E. Snow-bed plant communities of the Lapland Nature Reserve (Murmansk Region, Russia) // Chemosphere (CHEGLO). 1999. Is.1, No 4. P. 429-437.
- 68. Koroleva N. E. Mountain Birch Forests of Murmansk Province, Russia // Skograektarritith, 2001. P. 137–143.
- 69. Kujala V. Untersuchungen über Waldtypen in Petsamo und an angrenzenden Teilen von Inari Lappland //Commun. Inst. Quaestionum Forestalium Finlandiae. 1929. Vol. 13, No 9. 120 s.
- 70. Regel K. Die Pflanzendecke der Halbinsel Kola // Memories de la faculte des sciences de l'universite de Lithuanie, 1922-1923. Tail 1. Lapponia Imandrae. 246 S.; Tail 2. Lapponia Ponoensis. 206 s.
- 71. Schaminée J. H. J., Hennekens S. M., Chytrý M., Rodwell J. S. Vegetation-plot data and databases in Europe: an overview // Preslia. 2009. Vol. 81. P. 173–185.
- 72. Ushakova G. N., Schmakova N. Yu., Koroleva N. E. Spatial analysis of soil, vegetation, productivity, and carbon stored in mountain tundra ecosystems, Khibiny Mountains, Russia // Polar Geography. 2003. Vol. 27, No 3. P. 210-225.

Рецензент – Коробов Владимир Борисович, доктор географических наук. УДК 631.416

Тяжелые металлы в почвенно-растительном покрове селитебного ландшафта города Архангельска

© **Корельская** Татьяна Александровна, кандидат химических наук, доцент кафедры химии и химической экологии института естественных наук и биомедицины САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 911 556 37 59. E-mail: takorelskaya@yandex.ru.

© **Попова** Людмила Фёдоровна, кандидат химических наук, доцент кафедры химии и химической экологии института естественных наук и биомедицины САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 902 192 03 43. E-mail: fc.chemistry@pomorsu.ru.

Почвы селитебного ландшафта города Архангельска наиболее загрязнены валовыми формами тяжелых металлов (Pb, Cu и Zn) в старой его части, что может быть связано с типом подстилающих грунтов. Почвы Архангельска имеют высокую обеспеченность подвижными формами Cu и Zn, но испытывают дефицит актуальных запасов Co, Ni и Mn. Накопление тяжелых металлов в растениях города происходит интенсивнее, чем в естественных условиях, и увеличивается в ряду Fe < Ni < Co < Pb < Cu < Zn.

Ключевые слова: селитебный ландшафт, городские почвы, тяжелые металлы, загрязнение, почвенно-растительный покров.

Heavy metals in the soil-vegetation cover of the selitebnii landscape of the city Arkhangelsk

- © *Korelskaya* Tatiana Alexandrovna, Ph. D. in Chemistry, associate professor of the department of the Chemistry and Chemical Ecology of the Institution of the Natural Sciences and Biomedicine of the NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 911 556 37 59. E-mail: takorelskaya@yandex.ru.
- © *Popova* Lyudmila Fedorovna, Ph. D. in Chemistry, associate professor of Chemistry and Chemical Ecology Department of the Institution of the Natural Sciences and Biomedicine NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 902 192 03 43. E-mail: fc.chemistry@pomorsu.ru.

Abstract

Soils of the selitebnii landscape of Arkhangelsk is the most polluted of the forms of heavy metals (Pb, Cu and Zn) in the old part, which may be related to the type of underlying soils. The soils have a high availability of Arkhangelsk mobile forms of Cu and Zn, but the actual reserves are deficient in Co, Ni and Mn. Accumulation of heavy metals in the city plants is more intense that in natural conditions and increases in the number of row of Fe < Ni < Co < Pb < Cu < Zn.

Keywords: selitebnii landscape, city soils, heavy metals, pollution, soils-natural cover.

Введение

Интенсивный процесс урбанизации обусловил целый ряд экологических проблем, связанных с резким ухудшением качества городской среды. Все это вызывает необходимость индикации и объективной оценки ее современного состояния, особенно в суровых климатических условиях Севера.

Серьезной проблемой крупных городов является загрязнение природных объектов тяжелыми металлами (далее – ТМ). Особенность загрязнения городских почв, одного из основных компонентов биосферы, состоит в том, что в крупных городах на относительно небольшой площади сосредоточено значительное количество различных источников загрязнения (промышленные предприятия, транспорт, бытовые отходы), обуславливающих интенсивность и неоднородность состава почвенных загрязнений.

Поступление ТМ в почвенный покров определяет возможность дальнейшей их миграции в грунтовые воды, доступность растениям, создает потенциальную угрозу живым организмам, в том числе и человеку. Вместе с тем почва является одним из важнейших защитных, биохимических барьеров для ряда соединений на пути их миграции в грунтовые воды и растения. Поэтому химический анализ почв и зеленых насаждений является основной частью биогеохимических исследований урбоэкосистем. Изучение ТМ в системе «почва – растение» позволяет оценить характер их миграции и перераспределения, накопления в отдельных органах растений и горизонтах почв, выявить структурные и функциональные особенности различных типов почв и видов растений в самоочищающей способности урбоэкосистем.

Комплексная оценка и мониторинг изменений диагностических показателей свойств почвенно-растительного покрова, происходящих под влиянием антропогенно-техногенного воздействия, позволят установить их оптимальные и критические значения для поддержания нормального функционирования урбоэкосистем и применить своевременные меры по поддержанию их устойчивости и восстановлению.

Поэтому основная цель работы – оценить экологическое состояние почвеннорастительного покрова селитебного ландшафта города Архангельска в отношении степени загрязненности тяжелыми металлами; рассмотреть закономерности их миграции и аккумуляции в почвенно-растительном покрове урбоэкосистем Севера.

Объекты и методы исследований

Объектами исследований являлись основные типы городских почв, наиболее часто встречающиеся на территории города Архангельска: реплантоземы, урбаноземы, культуроземы (рисунок 1). Подбирались наиболее распространенные древесные растения, произраста-

ющие на соответствующих пробных площадях (береза, ива, тополь), а также растения напочвенного покрова (смешанный образец разнотравья).

В качестве контроля (эталона сравнения) для городских почв и растений была выбрана природная дерновая маломощная легкосуглинистая почва, сформировавшаяся на суходольном лугу в районе деревни Бабонегово Приморского района Архангельской области, и растения, произрастающие на данной территории. Такой выбор был обусловлен тем, что процесс образования почв в городе Архангельске протекает по дерновому, а не по подзолообразовательному типу, характерному для региона.

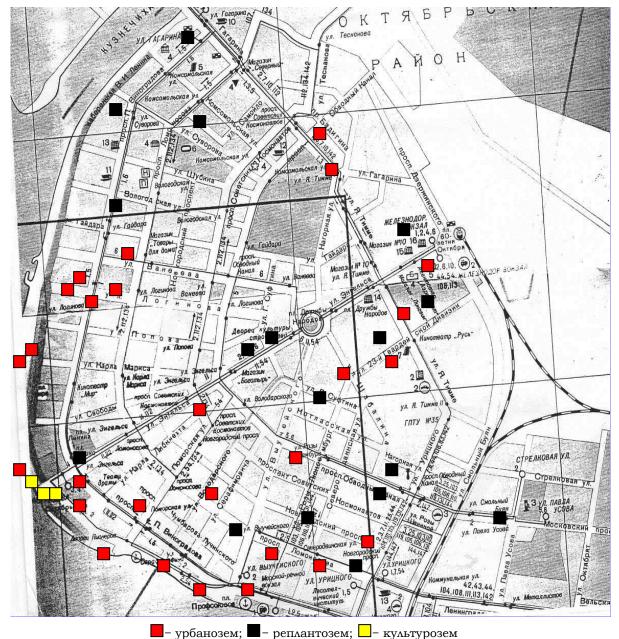

Рисунок 1. Схема расположения пробных площадей, заложенных на территории селитебного ландшафта города Архангельска

В городе на участках, отличающихся по времени формирования почв, заложено 58 пробных площадей. С них для изучения пространственной вариабельности некоторых показателей свойств почв были взяты смешанные образцы из верхнего слоя (0–20 см) [2, 1984], а в 35 из них заложены почвенные разрезы. Их описание проводили согласно общепринятым

методикам с учетом рекомендаций по изучению городских почв [11, 1997]. Отбор, хранение и транспортировка проб, отобранных для анализа на ТМ, осуществлялись в соответствии с ГОСТ 17.4.4.02-84.

У древесных растений отбирали образцы листьев, ветвей (первого и второго года), коры и корней. Листья и ветви отбирались на высоте 1,5–2,0 м по периметру кроны. Пробы коры отбирались с нескольких близстоящих деревьев на высоте 1,0–1,5 м по окружности ствола. Толщина стружки 2–3 мм. Деревья для отбора проб выбирались по возможности одновозрастные, здоровые. Содержание Pb, Zn, Cu, Hg, Cd в образцах почв и растений определяли атомно-абсорбционным методом, а Fe, Ni, Co, Mn – колориметрически. Для определения подвижных форм ТМ использовали кислотную (Fe, Ni, Co, Mn, Pb) и ацетатно-аммонийную буферную (Cu, Zn) вытяжки.

Исследование химических свойств было проведено на образцах почв и растений в 2–5 повторностях. Полученные данные статистически обработали в программе Excel. Для исследования структуры взаимосвязей изучаемых параметров использовали корреляционный анализ.

Оценка уровня загрязнения почвенно-растительного покрова ТМ проводилась по показателям, разработанным при сопряженных биогеохимических исследованиях окружающей среды городов с действующими источниками загрязнения. Такими показателями являются коэффициент концентрации химического вещества (К_к) и суммарный показатель загрязнения (СПЗ), поскольку антропогенные аномалии чаще всего имеют полиэлементный состав.

Коэффициент концентрации определяется отношением фактического содержания определяемого вещества в точке опробования к его содержанию в аналогичной природной среде на фоновом участке:

$$K_{\kappa} = \frac{C_i}{C_{\phi}} ,$$

где C_i – содержание химического элемента в точке опробования; C_{ϕ} – среднее содержание элемента в аналогичной среде на фоновом участке.

Суммарный показатель загрязнения представляет собой сумму превышений коэффициентов концентраций химических элементов, накапливающихся в аномалиях. Расчет проводили по следующей формуле [10, 1990]:

$$C\Pi 3 = \sum_{i=1}^{n} K_{Ci} - (n-1),$$

где СПЗ – суммарный показатель загрязнения; n – число определяемых ингредиентов; K_{Ci} – коэффициент концентрации металла (отношение содержания металла в почве аномалии к фоновому содержанию).

Оценку загрязнения почв города ТМ осуществляли согласно следующей градации [6, 1998; 3, 2003]:

СПЗ > 128 - чрезвычайно опасное загрязнение;

СПЗ = 32-128 - опасное загрязнение;

СПЗ = 16-32 - умеренно опасное загрязнение;

СПЗ < 16 – допустимое загрязнение.

Учитывая, что основное внимание при почвенно-геохимическом мониторинге следует уделять не валовым, а подвижным формам ТМ, так как они формируют резерв питания растений, была произведена оценка степени подвижности ТМ в почвах города Архангельска. Расчет коэффициента подвижности проводился по следующей формуле [3, 2003]:

$$K_{\Pi} = \frac{C_{\Pi\Phi}}{C_{B\Phi}} \cdot 100\%,$$

где $C_{\Pi\Phi}$ – содержание подвижной формы металла в почве, мг/кг; $C_{B\Phi}$ – содержание валовой формы металла в почве, мг/кг.

Для установления видовой специфики растений и влияния условий их произрастания (тип почвы и ее свойства) на интенсивность поглощения биофильных элементов и ТМ был использован коэффициент биогеохимического поглощения (КБП) [12, 2005]:

$$KB\Pi = \frac{C_P}{C_{II}},$$

где C_P – содержание элемента в растении, мг/кг; C_Π – содержание подвижной формы элемента в почве, мг/кг.

Содержание тяжелых металлов в почвах

Определение уровня загрязнения почв города Архангельска провели, анализируя данные о содержании в верхнем слое (0–20 см) валовых форм ТМ первого класса опасности (свинца (Pb), кадмия (Cd), ртути (Hg) и цинка (Zn)), второго класса (меди (Cu)) и рассчитав на их основе суммарный показатель загрязнения для исследованных участков.

Оценка валового содержания ТМ в поверхностном слое почв города Архангельска показала наличие полиэлементного загрязнения – в городских почвах средние концентрации химических элементов (Cu, Zn, Pb, Hg) выше значений для естественных почв (таблица 1).

Степень превышения уровня содержания химических элементов в городских почвах над таковым в естественных почвах позволяет оценить коэффициент концентрации (K_{κ}) (рисунок 2). Кривые коэффициентов концентрации показывают, что в реплантоземах (почвах молодых районов города) преобладает загрязнение Pb, в урбаноземах – Pb и Hg, а в культуроземах к этим загрязнителям добавляется еще и Zn.

В почвах города Архангельска валовое содержание ртути (Hg) в верхнем слое (0–20 см) на большинстве из исследованных пробных площадей и точечных участков не выходит за рамки ПДК (2,1 мг/кг), но в культуроземах и урбаноземах ее содержание гораздо выше, чем в реплантоземах. В отдельных случаях оно доходит до 4,05–4,90 мг/кг, что составляет 1,9–2,3 ПДК. Минимальное содержание валовых форм Hg (< 0,075 мг/кг) обнаружено в естественных почвах, опесчаненных урбаноземах и песчаных реплантоземах центральной части города Архангельска.

Таблица 1 Среднее содержание валовых форм ТМ (мг/кг) в городских и естественных почвах и предельно допустимые их концентрации (ПДК)

Хими- ческий эле- мент	Есте- ственная почва n = 2	Культуро- зем n = 2	Урбано- зем	Реплантозем	Урбаноз- емы ЮВАО Москвы [8, 2007]	Почвы Санкт- Петер- бурга [12, 2005]	Почвы Ленин- градской области [12, 2005]	ПДК по ЦИНАО, мг/кг
Pb	14 ± 1,4	106 ± 45	76 ± 33 (n = 20)	59 ± 14 (n = 17)	37	223	19	38 (32*)
Cu	15 ± 1	39 ± 11	48 ± 14 (n = 9)	39 ± 7 (n = 9)	59	120	18	53 (100**)
Zn	73 ± 12	770 ±2 46	149 ± 18 (n = 9)	109 ± 24 (n = 9)	208	774	43	87 (300**)
Hg	< 0,075	$0,92 \pm 0,10$	0.50 ± 0.08 (n = 9)	0.15 ± 0.01 (n = 9)	-	0,8	0,0	2,1* (2**)
Cd	< 1	< 1	< 1 (n = 9)	< 1 (n = 9)	2	1,5	0,2	0,6 (3**)
СПЗ	_	30	14	7	-	-	-	_

Примечание: n – количество участков исследования; СПЗ – суммарный показатель загрязнения; * - [7, 1991]; ** - [14, 1980].

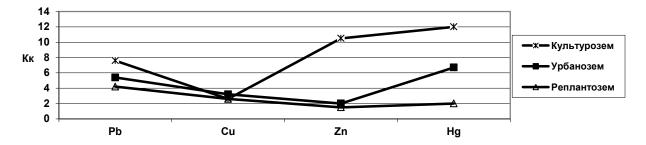

Рисунок 2. Средние показатели коэффициентов концентрации ТМ в различных типах почв города Архангельска

Концентрации кадмия (Cd) на всех исследуемых типах почв менее 1 мг/кг, однако в отдельных случаях содержание валовых форм Cd в почвах составило 1,2 и 1,6 мг/кг, что в 2-2,7 раз превышает его ориентировочно допустимую концентрацию (0,6 мг/кг).

Содержание валовых форм меди (Cu) и цинка (Zn) в верхнем слое городских почв (0–20 см) на разных участках изменяется в широких пределах от 9 до 170 и от 27 до 770 мг/кг соответственно. Содержание валовых форм Cu (53 мг/кг) в верхнем горизонте почв 25 % пробных площадей, среди которых встречаются как урбаноземы, так и реплантоземы, составило 1,1–3,2 ПДК. Валовое содержание Zn превышает ПДК (87 мг/кг) в 1,1–8,8 раз более чем на половине исследованных участков. Максимальных значений (770 и 238 мг/кг) содержание валовых форм Zn достигло в верхнем слое культурозема Петровского парка – самой старой по длительности антропогенного и техногенного воздействия почве, а также в реплантоземе, расположенном вблизи берега Северной Двины и железнодорожного полотна.

Содержание валовых форм свинца (Pb) в почвах города Архангельска на всех исследуемых участках превышает его содержание в естественных почвах в 1,3-73 раза, а на 55~% пробных площадей превышает ПДК (38~мг/кг) в 1,1-27 раз.

В целом, оценка полученных концентраций химических элементов в почвах города по шкале опасности загрязнения почв, составленной на основе величин показателя суммарного загрязнения (СПЗ) [10, 1990], выявила допустимый уровень загрязнения (СПЗ от 1–15 услов-

ных единиц) урбаноземов и реплантоземов и умеренно опасный (СПЗ от 16–32 условных единиц) культуроземов.

Верхний слой почв по периферии города Архангельска в большей степени загрязнен ТМ (рисунки 2, 3, 4). Это исторически центральный район города и часть Привокзального района (проспекты Ломоносова и Дзержинского), где часто встречаются глинистые почвы и торфяные реплантоземы. Концентрическое расположение зон разного уровня содержания ТМ, возможно, связано с двумя причинами: возрастом застройки и с подстилающими грунтами. В центре современного города Архангельска лежат торфа, достигающие глубины более 12 м. Они обеспечивают высокий миграционный сток, который усиливается за счет песчаной отсыпки, нередко мощностью до 4 м и более, осуществляемой при строительстве на торфах. По периферии города расположена глинистая морена, снижающая промывание почв и повышающая концентрацию ТМ в поверхностных слоях почвенного покрова [4, 2000; 5, 2006]. Так, по исследованиям А. В. Никитина, коэффициент фильтрации естественных торфов в центре города Архангельска составляет 2,9–5,1 м/сут. В то же время этот показатель для песчаных грунтов в среднем составляет 10–15 м/сут, а для глинистых – менее 0,001 м/сут.

Помимо оценки загрязнения почв валовыми формами ТМ при почвенногеохимическом мониторинге необходимо уделять внимание содержанию в почвах их подвижных форм. В связи с этим нами была произведена оценка степени подвижности ТМ в почвах города Архангельска. Результаты анализов представлены в таблице 2.

Таблица 2 Содержание подвижных форм ТМ (мг/кг) в городских и естественных почвах и предельно допустимые их концентрации (ПДК)

Эле- мент	Естествен- ная почва n = 2	Культурозем n = 2	Урбанозем	Реплантозем	Урбано- земы ЮВАО Москвы [8, 2007]	Почвы Европей- ской ча- сти Рос- сии [12, 2005]	ПДК, мг/кг [7, 1991]
Pb	0,40 ± 0,05	$0,80 \pm 0,16$	1,30 ± 0,26 n = 25	1,40 ± 0,78 n = 14	5,44	-	6,0
Cu	$1,\!40\pm0,\!25$	$1,\!80\pm0,\!23$	$3,40 \pm 0,75$ n = 21	$3,00 \pm 1,83$ n = 29	5,17	1,0 - 15,0	3,0
Zn	$4,\!60\pm0,\!92$	$18,60 \pm 1,86$	$19,60 \pm 2,94$ n = 7	$27,60 \pm 6,35$ n = 7	71,03	≤ 3,0	23,0
Fe (г/кг)	$^{12,60\ \pm}_{2,77}$	$22,00 \pm 2,86$	$16,90 \pm 6,25$ n = 29	$12,50 \pm 2,51$ n = 18	-	-	-
Ni	$0,\!20\pm0,\!02$	$1,00 \pm 0,13$	$1,20 \pm 0,53$ n = 15	0.89 ± 0.64 n = 12	2,41	-	4,0
Co	$0,40 \pm 0,04$	$1{,}70\pm0{,}29$	$1,10 \pm 0,57$ n = 29	$1,20 \pm 0,14$ n = 19	0,14	0,3 - 4,7	5,0
Mn	20,00 ± 2,42	41,50 ± 6,22	$26,00 \pm 8,84$ n = 9	$11,70 \pm 1,76$ n = 5	29,83	-	140,0

Примечание: п – количество участков исследования.

Содержание подвижных форм Pb на всех исследованных участках не превышает ПДК (6 мг/кг). Содержание подвижных форм Cu на 50 % урбаноземов и 25 % реплантоземов составляет 5–10 ПДК, а Zn на 50 % урбаноземов и 70 % реплантоземов – 1,2–2,6 ПДК. Однако почвы города обеднены подвижными формами кобальта (Co), никеля (Ni) и марганца (Mn), которые являются не только техногенными поллютантами, но необходимыми для растений

микроэлементами. В культуроземах отмечаются максимальные концентрации подвижных форм Fe, Co, Mn, а в реплантоземах – Pb, но на большинстве исследованных участков их содержание значительно ниже ПДК.

Рисунок 2. Содержание валовых форм свинца в почвах города Архангельска (Рb, мг/кг почвы)

По степени подвижности (K_{Π}) ТМ в урбаноземах и реплантоземах можно расположить в ряд Zn > Cu > Pb, а в естественных почвах и культуроземах – Cu > Zn > Pb. Наибольшей подвижностью данные ТМ обладают в реплантоземах, наименьшей – в культуроземах. Такая тенденция в изменении степени подвижности ТМ связана с тем, что Cu и Pb близки по химическим свойствам и тяготеют к образованию специфических связей с компонентами почвенного поглощающего комплекса (в том числе координационного типа) и образуют с гуминовыми кислотами более прочные комплексы, чем цинк, который связывается неспецифически и более подвижен [12, 2005].

Рисунок 3. Содержание валовых форм цинка в почвах города Архангельска (Zn, мг/кг почвы)

Рисунок 4. Содержание валовых форм меди в почвах города Архангельска (Си, мг/кг почвы)

Миграция тяжелых металлов в почвах

Наряду с определением уровня загрязненности ТМ верхнего 20-сантиметрового слоя почв города Архангельска было проведено исследование их распределения по горизонтам 25 почвенных профилей разных типов.

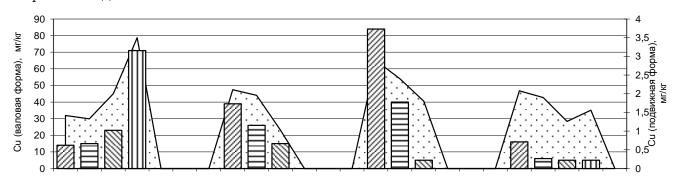
Анализ полученных данных показал, что загрязнение валовыми формами ТМ (Pb, Cd, Hg, Cu, Zn) разных типов почв города Архангельска, как правило, имеет гумусово-аккумулятивный характер, то есть максимальное их количество сосредоточено на биогеохимических сорбционных барьерах в верхних слоях почвы, наиболее богатых гумусом. Далее оно резко снижается или изменяется постепенно в зависимости от типа загрязняющего вещества, гранулометрического состава почв, их обеспеченности органическим веществом и других свойств. Однако подобный вариант распределения ТМ в почвах города Архангельска не единственный. Встречаются профили, где с глубиной происходит постепенное увеличение содержания одного или нескольких ТМ. Может наблюдаться два их максимума. Во второй

группе оказались почвы района современной застройки (60–80-х годов) с маломощными профилями, состоящими из горизонтов легкого гранулометрического состава, образованные на торфяниках разной мощности.

В естественных почвах не наблюдается значительных колебаний содержания ТМ по профилю. Кроме того, в отличие от городских почв наблюдается увеличение их накопления с глубиной. По нашему мнению, это явление прежде всего связано со значительно меньшим уровнем аэротехногенной нагрузки, соответственно, верхние горизонты естественных почв имеют более кислую реакцию среды, по сравнению с городскими почвами. В таких условиях повышается растворимость соединений большинства ТМ, а значит, и миграционная способность их увеличивается. Кроме того, низкое содержание ТМ в верхнем гумусированном слое и преимущественное их накопление в нижних горизонтах объясняется отсутствием на контрольном участке древесных и кустарниковых форм растительности (луг), что препятствует перекачке ТМ из почвообразующих пород в наземную часть растений, а затем и в верхние горизонты почвы. В данном случае можно говорить о меньшей контрастности биогеохимического барьера, связанного с образованием растительной биомассы. Исключение составляет Zn, содержание которого в верхнем горизонте несколько выше. В отличие от других металлов большая его часть в растениях связана с легкоразрушающимися тканями и быстро удаляется из растительных остатков.

Все почвенные профили (естественной почвы и почв города) имеют достаточно хорошую обеспеченность подвижной Cu, но низкую – другими TM, в том числе и Zn (рисунки 5, 6).

Высокое содержание подвижных форм Сu в городских почвах обусловлено высоким уровнем рH, при котором устойчивость мобильных комплексов этого элемента с органическим веществом возрастает. Следует отметить, что содержание подвижных форм ТМ на большинстве проанализированных участков изменяется параллельно их валовым концентрациям. Однако на реплантоземах по сравнению с другими типами городских почв увеличивается доля подвижных форм Сu и Zn. Это указывает на зависимость их содержания от нескольких факторов: степени сформированности почв (накопление ТМ в них происходит с течением времени), наличия в них органического вещества (ТМ образуют стабильные комплексы с почвенным гумусом) и подвижных форм фосфора, с которыми ТМ образуют труднорастворимые соединения.

Горизонты почвенных профилей

Естественная поч-		Культурозем		Урбанозем		Реплантозем	
 ва П	П 9	ПП 35		ПП 61		ПП 44	
Ад <u>1-2</u> см	$\frac{14,0\pm0,8}{1,40\pm0,02}$	A _Д $\frac{0-8}{8c_M}$	$\frac{39,0\pm1,1}{2,10\pm0,01}$	Uha1 $\frac{4-11}{7_{CM}}$	$\frac{84,0\pm 1,6}{2,90\pm 0,04}$	Uta2 $\frac{4-17}{13c_M}$	$\frac{16,0\pm0,7}{2,10\pm0,01}$
$A_1 \frac{2-14}{12 c_M}$	$\frac{15,0\pm0,2}{1,30\pm0,01}$	$A_1 \frac{8-30}{22c_M}$	$\frac{26,0\pm1,2}{1,90\pm0,02}$	(Uh+G)a2 <u>11-30</u> 19см	$\frac{40,0\pm1,0}{2,10\pm0,02}$	Uihsa1 $\frac{17-23}{6cM}$	$\frac{6,00\pm0,03}{1,90\pm0,01}$
В 14-41 27 см	$\frac{23,0\pm1,0}{2,00\pm0,02}$	В 30-53 23см	$\frac{14,0\pm0,9}{1,00\pm0,01}$	Sha2 от 30 см	$\frac{5,03\pm0,03}{1,90\pm0,01}$	Usa2 $\frac{23-42}{19c_M}$	$\frac{5,10\pm0,03}{1,30\pm0,01}$
ВС <u>41-47</u> 6 см	$\frac{71,0\pm 2,3}{3,50\pm 0,06}$		н/д		н/д	Sa1 от 42 см	$\frac{5,05\pm0,02}{1,50\pm0,01}$

Примечание: столбцы и числитель показывают валовое содержание меди; области, ограниченные ломаной линией, и знаменатель – содержание подвижных форм меди.

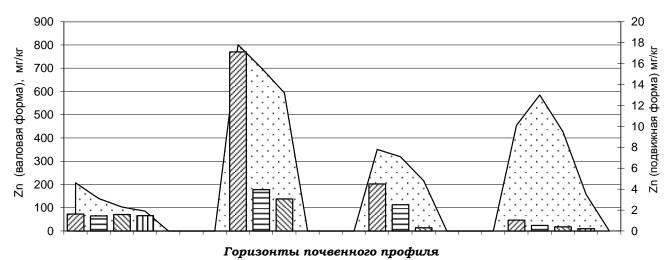
Рисунок 5. Распределение валовых и подвижных форм меди (Cu, мг/кг) по профилю различных типов почв города Архангельска

Содержание тяжелых металлов в системе «почва – растение»

Для выявления особенностей накопления ТМ в растениях города Архангельска и его пригорода было изучено содержание Сu, Zn, Pb, Ni, Co, Fe в растительном материале (фотосинтезирующей части): надземной части травянистой растительности, листьях кустарников (ива) и древесных растений (тополь и береза).

Результаты исследований показали, что травянистая растительность, листья ивы, березы и тополя в городе содержат высокие концентрации ТМ (таблица 3). В листьях деревьев и надземной части разнотравья как в естественных условиях, так и в городе ряд накопления ТМ выглядит следующим образом: Ni < Co \approx Pb < Cu < Fe < Zn. Однако в городских условиях растения накапливают значительно большее количество поллютантов, чем в естественных местообитаниях.

Для сравнения степени накопления ТМ растениями города и естественных местообитаний был рассчитан коэффициент концентрации (K_k) для листьев березы и наземной части разнотравья. В городских условиях листья березы активно накапливают Pb, Ni, Zn и Cu, а в надземной части трав интенсивно аккумулируются Fe, Co, Ni и Zn по сравнению с растениями пригорода (рисунок 7). Повышенное биопоглощение Zn и Ni обусловлено биофильностью данных элементов и безбарьерным характером их поглощения большинством видов растений.

Естественная почва ПП 9		Культурозем ПП 35		Урбано ПП 6		Реплантозем ПП 44	
$A_{\mathcal{I}} = \frac{1-2}{2c_{\mathcal{M}}}$	$\frac{73,0\pm1,4}{4,60\pm0,02}$	$A_{\text{Д}} = \frac{0-8}{8c_{\text{M}}}$	$\frac{770,0\pm 2,3}{17,81\pm 1,02}$	Uha1 4-11/7cm	$\frac{202,0\pm 2,1}{7,80\pm 0,30}$	Uta2 $\frac{4-17}{13c_M}$	$\frac{47,0\pm0,9}{10,15\pm0,40}$
$A_1 \frac{2-14}{12c_M}$	$\frac{65,2\pm1,0}{3,10\pm0,02}$	А ₁ <u>8-30</u> <u>22см</u>	178,0±1,9 15,63±1,10	(Uh+G)a2 11-30 19см	$\frac{113,3\pm1,6}{7,17\pm0,31}$	Uihsa1 17-23 6cm	$\frac{24,0\pm0,8}{13,00\pm0,60}$
В 14-41 27см	$\frac{71,2\pm1,0}{2,30\pm0,01}$	В <u>30-53</u> <u>23см</u>	$\frac{138,0\pm1,4}{13,20\pm0,90}$	Sha2 or 30 cm	$\frac{14,3\pm0,9}{4,82\pm0,10}$	Usa2 <u>23-42</u> 19cm	$\frac{18,0\pm0,8}{9,52\pm0,11}$
BC $\frac{41-47}{6cM}$	$\frac{66,0\pm1,1}{1,91\pm0,01}$		н/д		н/д	Sa1 от 42 см	$\frac{10,2\pm0,8}{3,50\pm0,08}$

Примечание: столбцы и числитель показывают валовое содержание цинка; области, ограниченные ломаной линией, и знаменатель – содержание подвижных форм цинка.

Рисунок 6. Распределение валовых и подвижных форм цинка (Zn, мг/кг) по профилю различных типов почв города Архангельска

Следует отметить, что содержание ТМ в зеленых частях растений города Архангельска не превышает ПДК, которые составляют, по данным разных авторов, для Сu – 15–30 мг/кг, для Zn – 150–300 мг/кг, для Ni – 0,5–3 мг/кг и для Pb – 0,2–20 мг/кг [9, 1998; 13, 1985]. Исключение составляют листья тополя, которые накапливают несколько больше Cu. Активно накапливается тополем и Zn, то есть данный вид наиболее эффективно выполняет средоочищающие функции.

На поступление ТМ в растения в значительной степени влияют гранулометрический состав почв, их гумусное состояние и степень сформированности. Так, содержание Fe и Zn неодинаково в фотосинтезирующих органах растений на разных типах городских почв. Травянистая растительность по интенсивности накопления этих металлов может быть расположена в следующем ряду типов почв: культурозем < урбанозем < реплантозем. Листья древесных растений имеют иную тенденцию накопления тех же металлов. Ряд накопления Fe ими несколько меняется: урбанозем < культурозем < реплантозем, а в отношении накопления Zn он имеет обратный порядок: реплантозем < культурозем < урбанозем. Содержание всех остальных металлов (Ni, Co, Pb, Cu) в фотосинтезирующих органах трав и древесно-кустарниковых пород (береза, ива, тополь) на разных типах почв отличается незначительно.

Таблица 3 **Содержание ТМ (мг/кг) в листьях древесных растений и надземной части трав**

Do omo	Химический элемент								
Растение •	Cu	Zn	Ni	Fe	Co	Pb			
Городская среда обитания									
Разнотравье	$11,2 \pm 1,1$	$116,6 \pm 22,1$	$0,74 \pm 0,14$	$94,9 \pm 63,5$	$3,40 \pm 0,82$	$1,6 \pm 0,4$			
Ива	$11,0 \pm 1,7$	$88,7 \pm 10,6$	$0,90 \pm 0,35$	$122,4 \pm 74,6$	$2,72 \pm 0,76$	$3,4 \pm 1,2$			
Береза	$10,8 \pm 2,4$	$121,7 \pm 39,9$	$0,73 \pm 0,35$	$24,1 \pm 9,3$	$1,54 \pm 0,27$	$2,9 \pm 1,2$			
Тополь	$33,2\pm6,3$	$250,1 \pm 119,2$	$0,\!27\pm0,\!14$	$92,8 \pm 54,8$	$2,40 \pm 0,55$	$1,7\pm0,5$			
Береза, по дан- ным Т. А. Гурьева (1996)	6,0	-	2,7	282,0	-	4,5			
Тополь, по данным М. Д. Уфимцевой (2005)	28,39	146,32	4,91	418,33	-	8,78			
Растение	<u> </u>		Химический	й элемент					

	Cu	Zn	Ni	Fe	Co	Pb
Естественная ср	еда обитания					
Разнотравье	$9,2 \pm 2,1$	$24,3 \pm 13,6$	$0,075 \pm 0,026$	$22,6 \pm 4,5$	$0,74 \pm 0,23$	$0,78 \pm 0,15$
Береза	0.63 ± 0.35	12.8 ± 9.1	0.12 ± 0.05	20.7 ± 11.5	$0,90 \pm 0,36$	0.84 ± 0.36

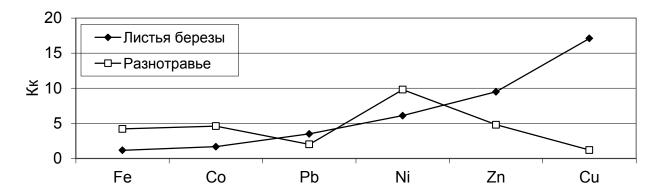

Рисунок 7. Коэффициенты концентраций (Кк) ТМ для травянистой растительности и листьев березы города Архангельска

Основным источником формирования микроэлементного состава растений считается запас обменных форм ТМ в почве. Поэтому для оценки интенсивности поглощения ТМ городскими растениями был выбран коэффициент биогеохимического поглощения (КБП).

Интенсивность загрязнения среды отражается аккумуляцией в листьях Pb, Cu и Zn. Так, средняя величина КБП Pb для листьев березы в естественных условиях составляет 0,48, Cu – 0,45, Zn – 2,79, а в городе интенсивность поглощения этих металлов увеличивается в 3–5, 6–8 и 1,3–2 раза соответственно. Аккумулирующая способность по отношению к Pb, Cu и Zn у листьев исследованных деревьев на всех типах почв снижается в ряду: тополь > береза > ива. По интенсивности поглощения Fe изученные древесные породы образуют ряд: тополь > ива > береза. Накопление Ni и Co в листьях исследованных деревьев зависит от типа почв, на которых они произрастают (таблица 4).

Интенсивность поглощения ТМ фотосинтезирующими органами растений в городе часто значительно снижается или увеличивается по сравнению с естественными условиями местообитания.

ТМ по интенсивности их поглощения травянистой растительностью в естественных условиях можно расположить в возрастающей последовательности: Fe < Ni < Pb < Co < Zn < Cu. В условиях города возрастает интенсивность поглощения травами Fe и Zn, накопление Co и Cu снижается по сравнению с пригородом. Листья деревьев в естественных условиях накапливают TM следующим образом: Fe < Cu < Pb < Ni < Co < Zn. В городских условиях величины КБП TM листьями растений увеличиваются в ряду Fe < Ni < Co < Pb < Cu < Zn, то есть под действием антропогенного пресса увеличивается интенсивность накопления ими Cu и Pb и снижается потребление Ni и Co.

Коэффициенты биогеохимического поглощения ТМ для трав и листьев деревьев

	Pb	Cu	Zn	Fe*	Ni	Co
Естественная по	учва					
Разнотравье	0,55	7,36	6,1	1,79	0,38	1,85
Береза	0,48	0,45	2,79	1,64	1,2	2,25
Культурозем						
Разнотравье	0,76	5,76	8,44	2,23	0,38	1,43
Тополь	2,36	7,5	11,39	2,66	1,11	1,38
Урбанозем						
Разнотравье	1,92	3,84	8,71	4,54	0,58	2,25
Ива	2,15	3,24	4,53	1,5	0,75	1,1
Береза	2,3	3,52	5,77	1,16	0,54	1,64
Тополь	2,31	5,12	14,90	1,69	1,67	2,00
Реплантозем						
Разнотравье	1,78	3,48	7,60	11,34	0,96	3,66
Ива	2,34	2,67	3,27	9,79	0,79	2,1
Береза	1,71	2,87	3,70	9,70	0,90	1,25
Тополь	2,36	4,77	4,06	10,20	1,24	1,67
По данным				·		
О. Н. Горде-	2,3	1,7	7,0	_	1,5	2,1
евой (2006)						

Примечание: * - n · 10-3.

Интенсивность поглощения железа (Fe) зависит от типа почв, на которых произрастают древесные растения. На реплантоземах этот элемент аккумулируется максимально листьями всех исследованных деревьев, а на культуроземах и урбаноземах величины его КБП близки к таковым на естественной почве и зависит от вида растения.

Выводы

Исследования показали, что для почв города Архангельска характерно полиэлементное загрязнение. Почвы селитебного ландшафта содержат большие количества ТМ, чем естественные почвы. Качественные и количественные характеристики загрязнения почв ТМ зависят от их типа, гранулометрического состава и степени сформированности. Наибольшее загрязнение городских почв валовыми формами Рb, Cu и Zn отмечено в старой части города Архангельска и связано с типом подстилающих грунтов. Почвы Архангельска имеют высокую обеспеченность подвижными формами Cu и Zn, но испытывают дефицит актуальных запасов Co, Ni и Mn. Подвижность ТМ зависит от типа почв – реплантоземы имеют наибольшие значения коэффициента подвижности (K_{π}), культуроземы – наименьшие.

Распределение валовых и подвижных форм ТМ по профилю почв чаще всего имеет гумусово-аккумулятивный характер, то есть миграция их ограничена сорбционным биогео-химическим барьером. Степень подвижности ТМ в профилях различных типов почв неодинакова: реплантоземы (слабо сформированные почвы легкого гранулометрического состава) содержат значительно большие количества подвижных форм ТМ по сравнению с наиболее сформированными и гумусированными урбаноземами и культуроземами.

Накопление ТМ в фотосинтезирующих органах растений не зависимо от условий произрастания (типа почв) происходит в ряду Fe < Ni < Co < Pb < Cu < Zn, но в городе более интенсивно, чем в естественных условиях. В условиях атмосферного загрязнения значительно увеличивается степень поглощения деревьями Cu, Zn и Pb, а травами – Ni, Zn и Fe.

Аккумуляция ТМ растениями зависит от типа почв и содержания в них актуальных запасов этих элементов. На реплантоземах, содержащих большее количество подвижных форм Cu, Zn, зеленые части растений накапливают большие их количества, а на культурозе-

мах – наименьшие. Накопление Zn и Cu растениями зависит от их вида. Эти элементы более активно накапливаются листьями тополя.

Накопление ТМ растениями зависит от гранулометрического состава и степени сформированности почв. При отсутствии контрастных сорбционных барьеров на почвах легкого гранулометрического состава (реплантоземы) древесная растительность накапливает максимальное количество поллютантов.

Исследование содержания и миграции ТМ в почвенно-растительном покрове селитебного ландшафта города Архангельска позволяет дать предварительные рекомендации по поддержанию и улучшению их качества:

- необходима организация в городе мониторинга за состоянием почвенного покрова как основной базовой компоненты экосистем;
- необходимо усилить внимание к подбору ассортимента растений, применяемых при проведении официального озеленения, с учетом их биоэкологических особенностей, устойчивости к аэротехногенному загрязнению и механизмов функционирования в измененных условиях природно-техногенного комплекса урбоэкосистем.

Литература

- 1. Гордеева О. Н. Макроэлементы в почвах и растениях техногенных и фоновых ландшафтов южного Приангарья // Проблемы устойчивого функционирования водных и наземных экосистем: мат. междун. науч. конф. (9–12 октября 2006 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2006. С. 88–90.
- 2. ГОСТ 17.4.4.02–84 «Охрана природы. Почвы. Методы отбора и подготовки почв для химического, бактериологического и гельминтологического анализа». Постановление Госстандарта СССР от 19.12.1984 № 4731.
- 3. Мажайский Ю. А., Торбатов С. А., Дубенок Н. Н. Агроэкология техногенно загрязненных ландшафтов. Смоленск, 2003. 384 с.
- 4. Невзоров А. Λ. Особенности взаимодействия техносферы и геологической среды Архангельска // Поморье в Баренц регионе на рубеже веков: экология, экономика, культура: мат. международной конф. Архангельск, 2000. С. 164–165.
- 5. Никитин А. В. Геотехническое обеспечение проектирования объектов городской инфраструктуры на заторфованных основаниях: Автореф. дис. канд. техн. наук. Пермь, 2006. 23 с.
- 6. Обзор загрязнения природной среды в Российской Федерации за 1997 год. Минприрода // Зеленый мир. 1998. № 20. Специальный выпуск. 30 с.
- 7. Ориентировочно допустимые концентрации (ОДК) тяжелых металлов и мышьяка в почвах (Дополнение № 1 к перечню ПДК и ОДК № 6229-91): Гигиенические нормативы. М.: Информационно-издательский центр Госкомсанэпиднадзора России. 8 с.
- 8. Пляскина О. В. Особенности загрязнения тяжелыми металлами городских почв Юго-Восточного административного округа г. Москвы: Автореф. дис. канд. б. н. М., 2007. 26 с.
- 9. Прохорова Н. В., Матвеев Н. М., Павловский В. А. Аккумуляция тяжелых металлов ди-

- корастущими и культурными растениями в лесостепном и степном Поволжье. Самара: Самар. ун.-т, 1998. 97 с.
- 10. Сает Ю. Е., Ревич Б. А., Янин Е. П. Геохимия окружающей среды. М.: Недра, 1990. 335 с.
- 11. Строганова М. Н., Мягкова А. Д., Прокофьева Т. В. Городские почвы: генезис, классификация, функции // Почва, город, экология [Под ред. Г. В. Добровольского]. М.: Фонд «За экологическую грамотность», 1997. С. 15–88.
- 12. Уфимцева М. Д., Терехина Н. В. Фитоиндикация экологического состояния урбогеосистем Санкт-Петербурга. СПб.: Наука, 2005. 339 с.
- 13. Sauerbeck D. Schadstoffeinträge in den Boden durch Industrie, Besiedlung, Verhehr und Landbewirschaftung (anorganische Stoffe) // VDLUFA: Schriftenreihe, Kongressband. 1985. S.-H. 16. S. 59–72.
- 14. Kloke A. Orientirungsdaten für tolerierbare Gesamtgehalte einiger Elemente in Kulturböden, Mitt // VDLUFA: Richwerte, 1980. Nr. 2. S. 9-11.

Рецензент – Коробов Владимир Борисович, доктор географических наук.

Управление, экономика

УДК 303.093.7

Регион как социальная система

© **Докучаев** Денис Сергеевич, кандидат философских наук, начальник отдела по взаимодействию со средствами массовой информации (пресс-центр), администрация города Иванова. Контактный телефон: +7 920 670 47 66. E-mail: den-dokuchaev@mail.ru.

Статья посвящена социально-философскому анализу феномена региона. Автор с позиций системного подхода рассматривает регион в качестве социальной системы. Определяются концептуаль-

ный, структурный и субстратный уровни организации системы. Анализируются основные системообразующие отношения.

Ключевые слова: регион, системный подход, система, социум.

Region, like a social system

© *Dokychaev* Denis Sergeevich, Candidate of philosophical sciences, the head of the department for Cooperation with the media (press center), the government of the City Ivanovo. Contact phone: +7 920 670 47 66. E-mail: den-dokuchaev@mail.ru.

Abstract

The article is devoted to the social and philosophical analysis of the phenomenon in the region. The author of the system approach considers the region as a social system. Determined by the conceptual, structural and substrate levels of the system. Analyzes the main systematic relationships.

Keywords: region, system research, system, sozium.

Авторы многих российских и зарубежных исследований, обращаясь к проблемам региона, зачастую прибегают к использованию системного подхода. Однако большинство ограничивается лишь констатацией того факта, что регион рассматривается ими как сложная социальная или социально-экономическая система. Незатронутыми остаются вопросы, касающиеся системообразующих свойств и отношений внутри региона как системы. Данная статья задумывалась с целью устранить этот пробел, но уже сейчас очевидно, что в полной мере это реализовать не удастся, поскольку в рамках самой системной методологии нет и не может быть единства мнений. Экономисты используют системный подход в одной трактовке, социологи – в другой, географы – в третьей. Разночтения связаны не только с интерпретацией системного подхода, но прежде всего с особенностями осмысления феномена региона в различных отраслях знаний.

Безусловно, понятие «регион» полисемантично. А. Н. Лисичкин писал, что «единого и всеобъемлющего определения для такого сложного и комплексного термина, как "регион", подобрать не представляется возможным. В каждом конкретном случае, в зависимости от цели выделения отдельных регионов, и, соответственно, применяемых для этого критериев, оно может видоизменяться» [1]. С одной стороны, это замечание более чем справедливо, но с другой – есть все основания предложить универсальное определение – «абстракт». Речь идет о своеобразной «формуле региона» (определение в широком смысле), которая, в зависимости от установления переменных, будет конкретизировать тот или иной регион (определение в узком смысле). Мы полагаем, что под регионом в широком смысле следует понимать часть пространства, являющуюся гомогенной в заданных критериях и отличающуюся по этим критериям от других частей пространства в рамках определенного целого. Если будут определены критерии, по которым регион отличается от других подобных, и будет конкретизировано пространство, в котором выделяются регионы, то мы будем иметь дело с узким определением понятия.

Для исследования региона как упорядоченной целостности прибегнем к использованию системного подхода в интерпретации А. И. Уемова [2], адаптированного к анализу неформализованных систем И. В. Дмитревской [3]. В работах этих авторов система определяется как вещь (или множество вещей), обладающая отношением с заранее фиксированными свойствами. Это определение дополняется двойственным: система есть вещь (или множество вещей), обладающая свойствами с определенным отношением. Любая система имеет три уровня организации: концептуальный (уровень системообразующего свойства) - Р, структурный (уровень системообразующего отношения) - **R** и субстратный (уровень элементов системы) - т. Соответственно, само определение системы, так же как и построение, предполагает определенное соотношение между компонентами системного описания, от ${\bf P}$ к ${\bf R}$ и от ${\bf R}$ к ${\bf m}$ [3, с. 6]. Таким образом, построение системы всегда начинается с верхнего уровня, то есть с концепта и структуры, а лишь потом происходит их реализация на субстрате. Поэтому и сущность системного подхода, в отличие от несистемного, предполагает направление исследования не от элементов к структуре, а, наоборот, от концепта и структуры – к элементам. Специфика системы определяется концептом и структурой, субстрат играет подчиненную роль. Следует заметить, что система в нашем случае представляет условную модель, матрицу, с помощью которой может быть структурировано внутреннее пространство региона.

Концептом региона, как системы, выступает его отличительность как части от других подобных частей в рамках определенного пространства, которое принимается за целое. Концепт поддерживает целостность региона как системы. Структура системы определяет ее устройство и основывается на специфических характеристиках региона, которые определяют связи компонентов внутри системы. В содержательном плане интерпретация такой структуры позволяет выделить значимые для функционирования региона компоненты, такие как географический, экономический, исторический, политический, социокультурный, лингвокультурный и др. Субстрат региона играет подчиненную роль. На этом уровне системы реализуется принцип взаимосвязи всех элементов, что в конечном итоге позволяет воспринимать регион как однородную в критериях выделения (отличительности) целостность. Эту

матрицу, которая предельно абстрактна и условна, в зависимости от наполнения и уточнений можно использовать для анализа системы отношений внутри любых регионов. Поскольку данная статья посвящена исследованию региона как социальной системы, то мы должны несколько модифицировать предложенную нами модель, включив в нее социум.

Такая постановка задачи предполагает, что наличествует некая структурная сопряженность между физическим (географическим) и социальным пространством. Это возможно, когда границы пространства физического и социального приблизительно совпадают, или когда социальное пространство «накладывается» на физическое. Говоря словами Бурдьё, когда социальное пространство «вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры» [4]. Только в этом случае речь о регионе может идти как о социальной системе². Концептом такой системы является идея отличительности региона от других регионов и формирующаяся на ее основе идея социальной общности. В качестве структуры такой системы выступает отношение регионального социума к собственному региону (подсистема включает отношение регионального социума к географическому, экономическому, историческому, политическому, социокультурному, лингвокультурному, другим компонентам региона) и к другим региональным сообществам (подсистема включает отношение регионального социума к другим подобным сообществам). Перечисленные основания в зависимости от характера системного процесса могут быть задействованы в разных конфигурациях.

Главным для региона, как мы заметили, является его отличительность как части от других частей. Идея отличительности способствует формированию идеи социальной общности. Последняя возникает в результате совместного проживания и освоения людьми определенной территории, в результате перехода «ландшафта» в «культурный ландшафт», перехода территории из просто физико-географической категории в социокультурную.

Определяющей при этом становится актуализация человеком в определенный исторический период конкретной территории с ее специфическими климатически-ландшафтными характеристиками. «Каждый культурный ландшафт создается человеческим духом в его взаимодействии с природной основой: природный ландшафт становится ареной, на которой человеческий дух реализует свои замыслы» [5, с. 26], – справедливо утверждает Р. Ф. Туровский, описывая роль социума в создании таких компонентов ландшафта, как этнос, язык, религия, пассионарная элита, искусство, быт и хозяйство. Уровень освоения той или иной территории определяет особенности функционирования региона как системы отношений. Каждый структурный элемент этой системы обязан своему включению или исключению из нее благодаря процессу означивания территории и наделения ее смыслами.

Концепт, определяющий целостность региона как системы, задает, в свою очередь, границы этой системы. Но границы задаются через структурный уровень. Концепт системы, будучи системообразующим свойством, задает системообразующие отношения. Это происходит в результате отбора структур, необходимых для воспроизводства самой системы. Н. Лу-

 $^{^1}$ Понятие структурной сопряженности заимствовано нами у Н. Лумана (Д. Д.).

² Под социальной системой нами понимается совокупность элементов (различных социальных групп, слоев, социальных общностей), находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную целостность (Д. Д.).

ман отмечал в этой связи, что «отбор структур нацелен на укрепление ограничений. Он придает системе способность различать внешние ограничения ("параметры") и внутренние, то есть выбирать ограничения. Кроме того, отбор структур может быть еще и обусловлен уже имеющимися структурами (традицией) или предпочтительным углом зрения, в конце концов, даже рациональной идеей об усилении ограничиваемости системы» [6, с. 373].

Таким образом, каждая система, в том числе и региональная, сама устанавливает количество релевантных ей в данный момент структур. Все это находит отражение на уровне субстрата и постигается нами в результате процедуры наблюдения за системой, через анализ ее самоописания. Так, например, анализируя семиотическое пространство региона, в котором объективируется идея отличительности региона и идея общности регионального социума, можно выяснить, какие знаковые элементы системой сейчас производятся и, соответственно, самоописываются, а какие подвергаются «забыванию» и переходят во внесистемную плоскость.

Анализ региона как социальной системы подразумевает анализ самоописаний системы или, иными словами, анализ дискурсивных практик регионального социума. Региональный социум должен рассматриваться как аутопойетическая социальная система. «Аутопойетические системы представляют собой такие системы, которые в сети своих элементов порождают не только свои структуры, но и сами элементы, из которых они состоят» [7, с. 68], отмечает Н. Луман. То есть аутопойетические системы – это системы, которые сами себя воспроизводят. Воспроизводство происходит благодаря всеохватывающим коммуникациям. Под коммуникацией понимается «некое протекающее конкретно-исторически, а значит, зависимое от контекста событие» [7, с. 73]. Благодаря возникающим коммуникациям внутри системы, например коммуникациям относительно территории, времени, власти или иных оснований, система поддерживает свою функциональность, воспроизводит сама себя.

Такие системы поддерживает свое существование не только благодаря самовоспроизводству и самоорганизации, но и благодаря тому, что взаимодействуют со средой. Отношения между обществом-системой и средой не статичны, а динамичны и являются каналами осуществления каузальности. Ни одна система не может существовать без окружающего мира, иначе она достигла бы состояния энтропии или вообще не реализовалась бы. В момент возникновения система, не взаимодействующая с окружающим миром, «тотчас же распалась бы, достигнув состояния лишенного различий равновесия» [8, с. 68].

Региональная система взаимодействует не только с окружающим миром, но и с другими подобными региональными системами. Мы говорили, что в структуре необходимо выделить подсистему отношений с другими региональными сообществами. Однако возникает закономерный вопрос: как происходит взаимодействие системы и окружающего мира и систем между собой, если регионы являются аутопойетическими системами, то есть закрытыми на уровне операций? Ответ на этот вопрос является ключевым в системной теории общества. Н. Луман вводит понятие «структурной сопряженности» [7, с. 106]. Структурная сопряженность ограничивает область возможных структур, с помощью которых система может воспроизводить себя сама. Структурная сопряженность исключает, что реалии окружающего мира могут соразмерно собственным структурам специфицировать то, что происходит в си-

стеме. Но структурная сопряженность предпосылается окружающим миром. Если этого не происходило бы, то система прекратила бы свой аутопойезис и в конечном итоге перестала бы существовать. Таким образом, окружающий мир влияет на аутопойезис системы, предпосылая ей структурную сопряженность. Иными словами, если бы окружающему миру не было бы знакомо, скажем, физическое пространство как таковое, то внутри региона-системы не возникало бы коммуникаций такого порядка, и это никак не влияло бы на само воспроизводство системы. Случай со структурной сопряженностью пространства между системой и окружающим миром приводит в конечном итоге к тому, что система воспринимает физическое пространство не таким, какое оно есть на самом деле. Ведь окружающий мир только предпосылает структурную сопряженность с физическим пространством, а в системе тем временем возникла коммуникация, и теперь физическое пространство вошло в область структур, с помощью которых система проводит свой аутопойезис. Теперь социальная система воспроизводит собственное физическое пространство, но социально освоенное. В этом отношении П. Бурдьё писал, что «то пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе как через абстракцию (физическая география), то есть игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как, например, кабильский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [4].

Аутопойетические системы сопряжены между собой на уровне структуры. При этом структурные сопряжения выказывают высокую степень стабильности, так как они совместимы с любым ауйтопойетически возможным структурным развитием систем. Система со структурой одного уровня может встраиваться в систему более высокого уровня. Этим и объясняется существующее в умах современное многоуровневое деление мира. Мы говорим о том, что существует глобальное, региональное, локальное измерение социального мира. Это, в свою очередь, подразумевает, что существует глобальная социальная система, региональная или локальная. Все эти системы структурно сопряжены между собой. Поэтому и совместимы. В конечном итоге локальные системы формируют региональные системы, региональные формируют глобальную аутопойетическую систему – систему общества.

Рассматривая регион в качестве социальной системы, мы пришли к выводу, что концептуальный уровень системы задается идеей отличительности региона, последняя способствует формированию социальной общности. В качестве структуры такой системы выступает отношение регионального социума к собственному региону (подсистема включает отношение регионального социума к географическому, экономическому, историческому, политическому, социокультурному, лингвокультурному, другим компонентам региона) и к другим региональным сообществам (подсистема включает отношение регионального социума к другим подобным сообществам). В зависимости от уровня освоения территории той или иной региональной системой количество системообразующих отношений или структур может быть увеличено или уменьшено. Система сама определяет релевантные ей в данный момент структуры. С помощью системообразующих отношений (структуры) регион как социальная система поддерживает свой аутопойезис. Структура системы определяет характер коммуникаций внутри нее. Благодаря коммуникациям система поддерживает свою функциональность, воспроизводит сама себя и свою структуру.

Литература

- 1. Лисичкин А. Н. Арктика регион России. Принципы выделения арктического экономического региона [Электронный ресурс]. URL: http://www.samoupravlenie.ru/35-11.php (дата обращения: 15.06.2010).
- 2. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
- 3. Дмитревская И. В. Мировоззрение как система // Сознание и теория мировоззрения: История и современность. Иваново, 1992.
- 4. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Электронный ресурс]. URL: http://bourdieu.name/content/fizicheskoe-i-socialnoe-prostranstva-proniknovenie-i-prisvoenie (дата обращения: 17.09.2010).
- 5. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский. М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1998. С. 26.
- 6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб: Наука, 2007. С. 373.
- 7. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 68
- 8. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. С. 68.

Рецензент – Цветков Александр Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент. УДК 911.3(571.56)

Развитие Якутии в контексте моделирования развития Севера России

© *Присяжный* Михаил Юрьевич, кандидат географических наук, заведующий кафедрой североведения Северо-Восточного федерального университета (Якутск). *Приоритетные темы исследований:* теория освоения, экономическая география, региональная экономика. Контактный телефон: +7 924 861 40 04. E-mail: wirt@mail.ru.

С учетом специфики освоения Севера на основе экономикогеографического подхода нордификация хозяйственной деятельно-

сти и региональной политики базируется в едином пространстве разнообразных факторов, условий и инструментов освоения. В Якутии реализуются долговременные специфические геополитические цели государства. В статье показаны подходы к выбору управленческих стратегий развития северных территорий страны.

Каючевые слова: Север, Якутия, хозяйственное освоение, типы территорий, региональная политика, модели развития.

The development of Yakutia in the context of modeling the development of the North of Russia

© *Prisyazhny* Mikhail Yurievich, Ph. D. in Geographic Science, Head of the Northern Research, North-Eastern Federal University (Yakutsk). *Priority themes of the research:* the theory of development, economic geography, regional economy. Contact phone: +7 924 861 40 04. E-mail: wirt@mail.ru.

Abstract

Taking into account the specific development of the North on the basis of economic-geographical approach of nordifikation of economic activity and regional policy is based in the same space a variety of factors, environment and development tools. In Yakutia, realized long-term specific geopolitical goals of the state. The article describes the approaches to the selection of management strategies for the development of the northern territories of the country.

Keywords: North, Yakutia, economic development, types of territories, regional policy, and the development model.

Социально-экономическое развитие Якутии и других северных регионов России осложнено целым рядом негативных факторов и условий освоения. С учетом специфики освоения Севера на основе экономико-географического подхода нордификация хозяйственной деятельности и региональной политики базируется в едином пространстве разнообразных условий, факторов и инструментов освоения (рисунок 1).

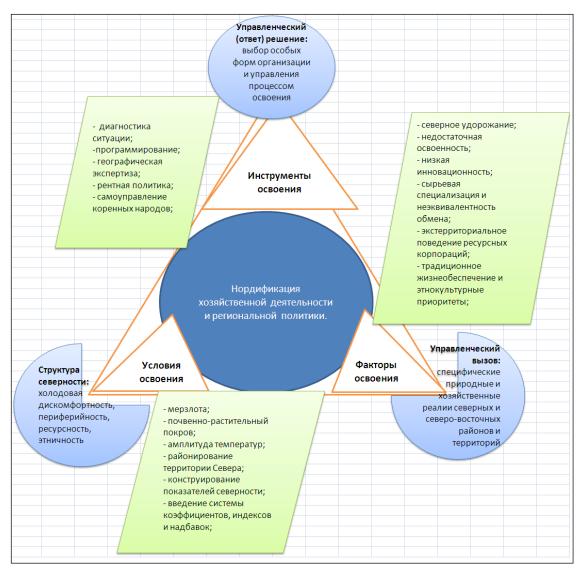

Рисунок 1. Специфика освоения Севера (экономико-географический подход)

Сегодня нужна новая генеральная линия развития Севера, которую условно можно назвать «От дотаций – к саморазвитию». Для понимания принципиальных отличий преобладающей из существующих на российском Севере моделей и нового как качественно, так и количественно набора моделей для Севера России на современном этапе и в ближайшие 50–60 лет приведем их характеристики (таблица 1).

Таблица 1 Особенности существующей и формирующейся модели развития российского Севера

1. Север, как колониальная окраина ресурсного
типа для более южных частей страны, не сфор-
мировался как связное социально-экономическое
пространство по типу и функционировал в си-
стеме «Север – Юг – Север»

Ведомственная индустриальная модель

- 2. Россия позиционируется как одна из сверхдержав или как несущественная часть Большой геоэкономической восьмерки
- 3. Преобладает принцип природно-ресурсной уникальности Севера и его персонификации через систему внутреннего госрегулирования (районный коэффициент и северные надбавки, северный завоз и пр.)

Территориальная модель устойчивого развития

- 1. Все более эволюционирующая в системе «Север Юг Север» Арктика становится ареной действий региональных правительств по созданию транснациональных ассоциаций
- 2. Для России важно рассматривать развитие Севера и основной территории в рамках Большой арктической восьмерки
- 3. Принцип персональных «северов» дополняется принципом циркумполярности с использованием нерыночного характера целей северной политики

Ведомственная индустриальная модель

4. Затратный механизм господдержки, неравноценный обмен финансовыми и материальными ресурсами между Севером и основной территорией

- 5. Централизация всей политико-экономической, хозяйственной, социально-культурной деятельности исключительно в руках государства и его уполномоченных органов
- 6. Права коренных народов в рамках традиционного законодательства в сфере природопользования (распределение квот, лицензии, традиционный промысел и пр.)
- 7. Преимущественные права коренных народов над другими группами постоянного населения Севера в большинстве сфер жизнедеятельности
- 8. Плановая или переходная экономика с ориентацией на рыночные механизмы функционирования производственной и непроизводственной сферы, включая нормативное финансирование
- 9. Узкоспециализированная занятость постоянного и пришлого населения в непересекающихся секторах хозяйства, низкая вовлеченность коренного населения в индустриальные виды деятельности
- 10. Государство регулирует объемы и характер использования природных ресурсов
- 11. В годы холодной войны Арктика выглядела регионом конфронтации, если вообще заслуживала рассмотрения как отдельный регион мира
- 12. Использование Севера и его ресурсов с участием иностранного капитала носит преимущественно запретительный характер
- 13. Развитие хозяйства северных районов преимущественно привязано к обеспечению ресурсами, предоставлению возможности для жителей основной зоны расселения заработать «длинный рубль» и уехать на «материк»
- 14. Контроль за Арктикой на основе секторального подхода. Преимущественное участие в исследовании и освоении Севера незначительного числа государств мира
- 15. Глобализация оказывает все более усиливающееся воздействие на ход экономических процессов в Арктике и на Севере

Территориальная модель устойчивого развития

- 4. Для России важно через позиционирование в качестве северной страны-макротерритории легитимно закрепить особый режим господдержки в рамках единого мирового рыночного экономического пространства по типу ВТО
- 5. Децентрализация, перенос акцентов региональной политики на передачу значительной части полномочий самим северным субъектам, что будет являться современным проявлением процесса «централизации» в традициях российского управления Сибирью
- 6. Федеральное правительство передает организациям коренных народов ответственность за распределение допустимых квот использования ресурсов и введение соответствующего регулирования
- 7. Упорядоченное равноправие современной юридической практики коренных народов и укоренившегося населения
- 8. Нерыночный характер целей северной политики с использованием для отдельных персональных «северов» России передового опыта зарубежных «северов»
- 9. Синтез, сочетание сезонно упорядоченной мультизанятости постоянного населения и сезонно упорядоченной монозанятости временного населения
- 10. Общественная форма собственности на ресурсы доминирует, в некоторых юрисдикциях допускаются процессы приватизации с закреплением контрольного пакета за государством в лице региональных и местных властей
- 11. Происходит арктическое регионостроительство. Одновременно создаются управленческие структуры на национальном и межнациональном уровнях
- 12. Реализуются международные проекты в области транспорта, энергетики, горнодобывающей промышленности, образования, науки и т. д.
- 13. Приоритетом экономического развития становится повышение качества жизни северян. Север как «дом» постоянного стабильного долгосрочного проживания населения на основе реализации принципов равных возможностей для жителей как Севера, так и других регионов
- 14. Вступление в конкурентную борьбу за Арктику широкого круга государств, включая неарктические. Свободный доступ к акватории Северного Ледовитого океана торговым и исследовательским судам разных стран
- 15. Стимулирование обмена знаниями в Арктике путем укрепления международного сотрудничества на уровне общин, муниципалитетов и коренных народов

В Якутии (как и в любом другом регионе страны) реализуются долговременные специфические геополитические цели государства. Геостратегической задачей, которая решается посредством освоения и развития Северо-Востока страны на протяжении почти 400 лет, является обеспечение военно-политического и экономического влияния России в Арктиче-

ском бассейне и бассейне Тихого океана, контроль над важнейшими запасами сырьевых ресурсов и получение выгод от эффективного включения на основе их эксплуатации в систему международных экономических отношений. Именно развитие Якутии как ключевого субъекта на Северо-Востоке страны может поддержать и упрочить статус России как мировой державы (рисунок 2).

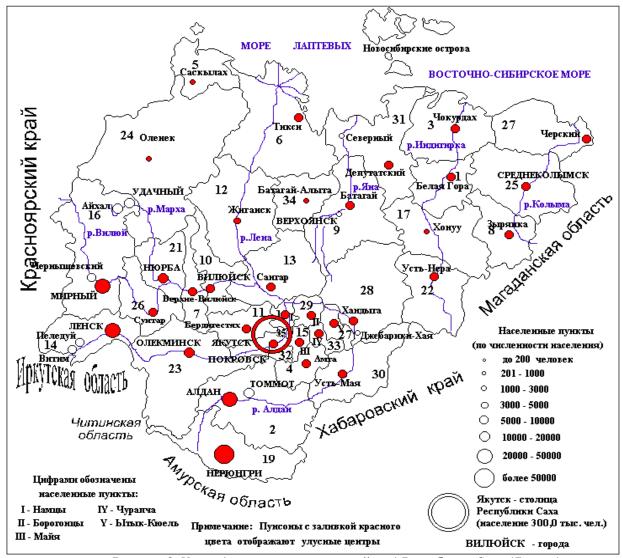

Рисунок 2. Улусы (административные районы) Республики Саха (Якутия)

Порядковый номер улуса соответствует его номеру на помещенных в работе картосхемах; перечень улусов приведен в таблице 2.

Таблица 2

:	Улусы (административные районы) Республики Саха (Якутия)								
1. Абыйский	11. Горный	20.Нижнеколымский	29. Усть-Алданский						
2. Алданский	12. Жиганский	21. Нюрбинский	30. Усть-Майский						
3. Аллайховский	13. Кобяйский	22. Оймяконский	31. Усть-Янский						
4. Амгинский	14. Ленский	23. Олёкминский	32. Хангаласский						
5. Анабарский	15.Мегино-Кангаласский	24. Оленёкский	33. Чурапчинский						
6. Булунский	16. Мирнинский	25.Среднеколымский	34. Эвено-Бытантайский						
7. Верхневилюйский	17. Момский	26. Сунтарский	35. Город Якутск						
8. Верхнеколымский	18. Намский	27. Таттинский							
9. Верхоянский	19. Город Нерюнгри	28. Томпонский							
10. Вилюйский									

Курс российского государства на рыночный механизм функционирования экономики должен подкрепляться и/или корректироваться целесообразной государственной политикой социально-экономического развития. Для этого в пределах республики нами определены шесть общих типов (подтипов) территорий (рисунок 3):

- 1-й тип территории с интенсивным культурным слоем и длительной историей освоения;
- 2-й тип территории преимущественно индустриального периода освоения, имеющие значительную численность населения и располагающие сетью фокусов-поселений;
- 3-й тип включает улусы, в которых ведущими факторами освоения являются исторический и инфраструктурный;
- 4-й тип выделен на основе специфики исторического и сельскохозяйственного развития;
- 5-й тип включает три улуса, в которых сочетаются промышленный и инфраструктурный способы освоения;

6-й тип – районы, в которых проявились историческая, сельскохозяйственная, промышленная и инфраструктурная компоненты развития. Эта типология территорий, различающихся по способам освоения и объему природных и человеческих ресурсов в совокупности с выделенными нами типами хозяйственного освоения, позволяет приступить к определению сценариев развития [1, 2; таблица 3].

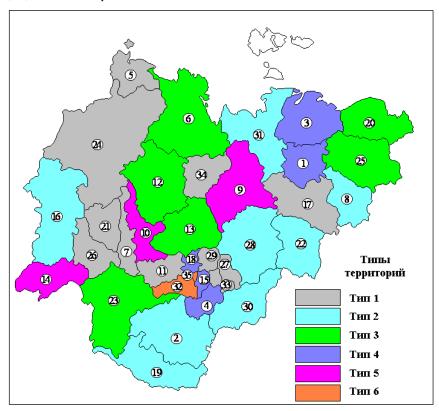

Рисунок 3. Типы территорий Якутии, различающихся по способам освоения и объему природных и человеческих ресурсов (общая типология)

Таблица З

	1		Типология хоз	яйственного ос	воения террито	рии Якутии							
, H		Типы хозяйственного освоения территории											
Типы территорий, различаю- щихся по способам освоения и объему природных и человеческих ресурсов	I – оленеводческо- промысловый	II – аграрный	III – аграрно-оленеводческо- промысловый	IV – оленеводческо- промысловый с очаговым развитием промышленности	V – аграрно-оленеводческо- промысловый с очаговым развитием промышленности	VI – преимущественно аграрный с очаговым развитием промышленности	VII – новый промышленно- транспортный	VIII – промъшленно- транспортный	IX – промышленно- транспортный с развитием сферы услуг				
Тип 1	Момский Эвено- Бытантай- ский	Верхневилюй- ский Горный Сунтарский Таттинский Усть- Алданский Чурапчинский		Анабарский Оленёкский		Нюрбинский							
Тип 2					Верхнеколым- ский Томпонский			Алданский Мирнинский Город Нерюнгри Оймяконский Усть-Майский Усть-Янский					
Тип 3			Среднеколым- ский	Булунский Жиганский Нижнеколым- ский	Кобяйский Олёкминский								
Тип 4	Аллаиховский	Амгинский Намский	Абыйский				Мегино- Кангалас- ский						
Тип 5					Верхоянский	Вилюйский							
Тип 6								Хангалас- ский	Город Якутск				

Применительно к Якутии одним из путей регулирования является структурный сдвиг, направленный на сглаживание иерархической вертикали «республиканские власти – власти улусов – власти наслегов – отдельное домохозяйство» и постепенный переход к более горизонтальным формам партнерской работы власти и общественности, власти и отдельного домохозяйства. Модернизация ранее сложившихся многоуровневых иерархий в управлении и руководстве республиканской экономикой возможна и за счет формирования самоорганизующихся ассоциаций кооперативов, старателей, аграриев, общин коренных жителей, национальных корпораций, малых предприятий.

Признание усиливающегося значения региональной экономики для республики означает необходимость искать выходы на инновационность. Интересы жителей Якутии должны быть обязательно учтены при формировании общего баланса интересов участников процесса развития и размещения производительных сил Якутии – федерального центра, Дальневосточного федерального округа, республики, крупного российского и иностранного бизнеса, местного бизнес-сообщества, структур гражданского общества/общественности и местных территориальных сообществ.

Созданный в Якутии производственный потенциал, имеющиеся минерально-сырьевые ресурсы, адаптированное к северным условиям население, накопленный опыт освоения ресурсов и хозяйствования в новых рыночных условиях представляют реальные предпосылки для экономического и социального прогресса республики. Привязка предложений к уровням реализации потенциала отдельного административного района и единому сценарию развития всего региона позволит сделать адекватный для конкретных условий выбор управленческих стратегий.

Административная организация территории

Административно-территориальное членение проводится для удобства управления территорией существующей государственной властью. При таком делении стараются учитывать историю территориальных связей населенных пунктов, некоторое единство экономического характера, удобство географического соседства. Последнее можно видеть на примере территории поселка Хани (на самом юге Якутии). Раньше эта полоса земли была территорией Олёкминского улуса и была, за исключением нескольких эвенкийских кочевий, практически пустынной. Районные власти и другие службы достигали этих мест в таких исключительных случаях, как выборы, тяжелая болезнь какого-нибудь кочевника, требующая вызова врача из центра. Связь была только вертолетная, а в полную воду можно было доплыть по реке Олёкма. Теперь же по этим местам проложена Байкало-Амурская железная дорога, построена железнодорожная станция Хани. Территория имеет при выправлении экономической ситуации в стране большие перспективы по возможности освоения многих месторождений полезных ископаемых, в том числе и, главным образом, высококачественной железной руды. Поэтому территория была передана Нерюнгринскому району, откуда можно до Хани доехать железной дорогой. В итоге Нерюнгринский район с 1987 года имеет к западу от своего главного массива вытянутый в широтном направлении клин территории.

Мы исходим из методологического принципа рассмотрения основного противоречия территории: между относительно устойчивой природной средой территории и чрезвычайно

динамичной экономической деятельностью человека. Природная среда в виде природных ландшафтов среднего (местности, районы, бассейны) и высшего (зоны, пояса, горы, равнины) уровня размерностей сохраняют свою устойчивость тысячелетиями, а экономическая деятельность меняется не только в масштабах десятилетий, а подчас и быстрее.

Разрешение противоречия между устойчивостью и динамичностью применительно к территории видится в изменении административно-территориального деления (далее – АТД) по мере необходимости. При этом следует более всего коснуться уровня улусного подразделения территории. Ныне существующие улусы преимущественно образованы чисто интуитивно. У АТД республики возникает еще одна линия противоречий. Специфичность взаимодействия экономических и административно-территориальных структур заключается в разной степени их устойчивости: первые структуры более динамичны, вторые – более инерционны.

До 1930-х годов вся Якутия была подразделена на семь округов: Булунский, Вилюйский, Верхоянский, Якутский, Ленский, Алданский и Колымский. Основной костяк современного деления сложился в 1930-1931 годах. Потом АТД на уровне улусов перекраивалось семь раз (исключая кратковременное укрупнение районов в конце 1950-х годов): были организованы позже Верхневилюйский, Кобяйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Усть-Янский, Мирнинский, Эвено-Бытантайский районы и город Нерюнгри. Они создавались за счет передачи территорий соседних улусов. Так, Кобяйский улус образовался в 1937 году за счет земель Намского, Горного, Вилюйского улусов, позже к нему отошла половина ликвидированного Саккырырского района в правобережье реки Лены и в бассейне реки Яны. В данном случае никаких географических оснований такого расширения территории улуса, кроме необходимости простого административного закрепления, не было. В результате к расположенному по соседству равнинному скотоводческому району присоединили горную, оленеводческую территорию, с которой кроме авиации никаких транспортных отношений не было и долго, вероятно, не будет. С таким же успехом эту территорию можно было передать и Намскому улусу, с которым, по крайней мере, могла бы быть связь по автозимнику по долине Тумары. Так что вечного и чего-нибудь объективного в современном АТД Якутии на уровне улусов нет. Другое дело – наслежный уровень. В образовании наслегов отразилось некоторое наследие родо-племенного устройства населения Якутии.

Роды в пределах определенного ареала сначала на основе кровно-родственных связей были подчинены старейшине рода, который в некоторых условиях осуществлял разбирательскую, военную и иные функции, которые были в определенной мере востребованы при ссорах с родовичами, грабеже со стороны иных родов и т. д. Там, где не было налогов и сборов, не было крупных общественных работ, таких как, например, оросительных в Китае, больших военно-политических столкновений, нужды в постоянном регулировании жизни не было.

Конечно, в современных условиях чрезвычайной подвижности населения это основание во многом нарушено. Однако, как показывают конфликты земельного характера, наслежное деление до сих пор играет некоторую роль. В то же время, видимо, пока нет необходимости касаться этого уровня административно-территориального деления.

Наслег как единица низового административно-территориального деления есть только в Якутии. До недавнего времени в стране преобладал термин «сельсовет», ныне, в условиях

самоуправления, названный на западный манер «муниципалитетом». Редко в других регионах страны встречаются и другие названия. Слово «наслег» – это искаженное на якутский лад русское «ночлег». В последние годы идет отождествление низовых единиц территориального деления с понятиями «территориальное сообщество», «община» и др.

В настоящее время республика разделена на 34 территориальных деления улусного уровня и на одну городскую столичную территорию. Называться эти деления могут по любому: либо «улус», либо «район». «Улус» – это устаревшее якутское, возможно, древнетюркское слово, означающее большой род. До 1930 года, то есть до разделения территории республики на районы, этим словом обозначали территориальное деление в большей степени по традиционным племенным территориям: Ботурусский (ботуруцы), Хоринский (хоринцы), Болугурский (болугурцы) и т. д. Слово было возвращено для обозначения районов в начале 1990-х годов. Теперь районами себя называют Момский, Нерюнгринский и Мирнинский. Остальные пока сохраняют термин «улус». Это определяется решением собраний депутатов этих территориальных образований.

В 17 улусах якутское население преобладает, причем в шести улусах – абсолютно, составляя более 90 % всего населения. Рекордсменом в этом отношении является Чурапчинский – 98,5 %. Остальные по убыванию доли саха это: Усть-Алданский, Таттинский, Верхневилюйский, Горный, Сунтарский.

В остальных 18 улусах, включая территорию города Якутска, преобладают русскоязычные жители. В городе Нерюнгри эта цифра составляет 98 %, затем идут Мирнинский, Алданский и Ленский, где тоже более 90 % населения являются русскоязычными.

Единственный национальный улус – Эвено-Бытантайский, расположенный на реке Бытантай, притоке Яны, где коренное население составляет 96,7 %. Остальные улусы весьма разнятся по национальному составу. Нет необходимости специально создавать якутские или русские улусы, так как эти народы являются самыми крупными в республике. А в Эвенском улусе проводится специальная политика по возрождению языка, культуры и традиционного хозяйства. Во всяком случае, так было задумано, хотя при экономико-географическом анализе последствий такого шага выясняется его малая эффективность.

В последние годы произошли существенные изменения в количестве населения, связанные с кризисом, охватившим всю страну и все области человеческого бытия. Общее количество населения республики сократилось примерно на 15 %. Во всех крупных городах республики, за исключением столицы, произошло значительное сокращение численности населения. Особенно обвальным было сокращение численности населения в Усть-Янском улусе, где население сократилось на 80 %. Значительно сократилось население и в Оймяконском (на 63 %), Булунском (на 40 %), Верхоянском (на 48 %) и Алданском (на 19 %) улусах. При возрождении экономики после длительного кризиса численность население может снова начать расти.

В ближайшие годы территория республики не изменится, но возможны качественные и количественные изменения внутри республики. Вполне можно ожидать укрупнения улусов, что для редкозаселенной территории вполне реально. Но пока мы имеем то, что имеем. Таким образом, из всех административных единиц только город Якутск имеет площадь до 10

тыс. кв. км. Пять улусов имеют площадь 11–20 тыс. кв. км; четыре – 21–50 тыс. кв. км; двенадцать – 51–100 тыс. кв. км; восемь – 101–150 тыс. кв. км; три – 151–200 тыс. кв. км; два – более 200 тыс. кв. км, а это уже площадь крупного европейского государства. Административными центрами являются 10 городов, 11 поселков и 14 сел.

Количество низовых административных единиц подвержено постоянным изменениям. Отдельные поселения получают статус наслега или создают свои муниципалитеты. Сейчас в республике самоуправление принято на уровне улусов, но это не означает, что крупные поселки, особенно в пределах промышленных улусов, не могут объявить у себя самоуправление. Имеется несколько крупных поселков, которые по численности населения многократно превосходят некоторые улусы. Среди наслегов имеется 31 национальный, три из которых кочевые. Если они находятся в составе якутских и русскоязычных улусов, вполне могут, в целях национального развития, объявить свои муниципалитеты.

В природном отношении можно исходить из геолого-геоморфологической основы территории. Здесь территория Якутии делится на три части: Западная равнинная, Южная нагорная и Восточная горная. Дальнейшая ступень деления может быть осуществлена по бассейнам крупных рек: разных частей Лены, Анабара, Оленька, Вилюя, Олёкмы, Алдана, Яны, Индигирки и Колымы. Другое основание природного деления – ландшафтно-географическое. В этом отношении территория Якутии делится на тундровую, северо- и среднетаежную зоны и горную область с высотной дифференциацией ландшафтов. В дальнейшем эти зоны и горная область могут быть подразделены опять же по бассейнам рек, хотя почти все названные реки, кроме Вилюя, Алдана и Олёкмы, являются трансзональными.

Итак, самым реальным, соответствующим устойчивой природной среде, представляется деление территории по бассейнам крупных рек [3]. Более всего тенденции организации по бассейнам выражены в области экологической политики. Методологические и методические подходы позволяют широко внедрить данный метод в практику физико- и экономико-географических, а также геополитических и многих других направлений исследований. Тем не менее, современная динамическая часть территории – социально-экономическая деятельность людей – не совпадает с бассейнами рек, да и сами реки несоразмерны по показателям заселяющего их бассейны населения, хозяйственной специализации.

В современном административно-экономическом районировании Якутии, на наш взгляд, следует остановиться на эклектическом делении, в основу которого предпочтительнее положить природное деление. Однако следует учитывать также соразмерность населения и хозяйства, с тем чтобы улусы имели приблизительно равную политико-экономическую ответственность и социально-природную нагрузку [4]. С учетом высказанного предлагается выделить шесть укрупненных единиц управления Якутии (о названиях здесь речи не идет – это могут быть улусы, районы, округа и что угодно другое) (рисунок 4).

1) Северный, куда входят Анабарский улус, большая часть Оленёкского улуса, равнинные части Булунского и Жиганского улусов, низменная часть Усть-Янского улуса, Аллаиховский, Нижнеколымский и Среднеколымский улусы. Имеются бассейны рек Анабара, Оленька, Лены, Яны, Индигирки и Колымы преимущественно в нижних течениях каждой из них в пределах тундровой и северотаежной природных зон. Здесь занимаются рыбным промыс-

лом, охотой, оленеводством, а также добычей полезных ископаемых. Однако на некоторое время (до появления новых технологических решений) следует воздержаться от ускоренного развития горной промышленности, экологически опасной для данной территории. Малочисленные народности могут создавать по бассейнам средних рек свои родовые администрации.

- 2) Северо-Восточный горный, включающий Верхнеколымский, Абыйский, Момский, Оймяконский, Эвено-Бытантайский, Верхоянский улусы и горные части Усть-Янского, Булунского, Жиганского, Кобяйского, Томпонского, Усть-Майского улусов. Здесь развивается горная промышленность, жители занимаются коневодством, оленеводством, скотоводством, охотой. Малочисленные народы также могут иметь свои администрации, при этом не входя в природопользовательские конфликты отраслевого характера.
- 3) *Вилюйский*, куда включены все улусы Вилюйского бассейна, при этом от Оленёкского улуса входят бассейны рек Мархи и Верхнего Тюнга. Проживающее здесь население занимается земледелием, скотоводством, в районе развиваются промышленность и энергетика.
- 4) *Среднеленский* районы вдоль реки Лены от Ленского до Намского улуса, включая Горный. Из видов хозяйственной деятельности наиболее существенны скотоводство, земледелие, обрабатывающая промышленность, энергетика.
- 5) Восточный, включающий заречные улусы и равнинные части Томпонского и Усть-Майского улусов. Соответствует в основном бассейну реки Алдан в его среднем и нижнем течениях. Жители занимаются скотоводством, земледелием и переработкой сельскохозяйственного сырья.
- 6) *Южный*, включающий город Нерюнгри, Алданский улус, горную часть юга Олёкминского улуса. Получила развитие разнообразная промышленность, охота, оленеводство. Малочисленные народы в ареалах проживания осуществляют властные полномочия через свои администрации, но находятся под контролем субъектов промышленно-транспортного природопользования.

Такое деление учитывает распространение гор и равнин, ландшафтных комплексов, речных бассейнов и, некоторым образом, современную специализацию хозяйства. Как по территории, так и по количеству населения (может быть, за исключением Среднеленского и Южного регионов) они вполне соразмерны. Конечно, территории огромны, но в условиях современных коммуникаций это не представляет большой проблемы для управления и организации доступа населения к ряду социальных функций. Подобная реструктуризация АТД призвана служить оптимизации социально-экономического и политического управления, позволит сохранить поступательность процесса освоения территории.

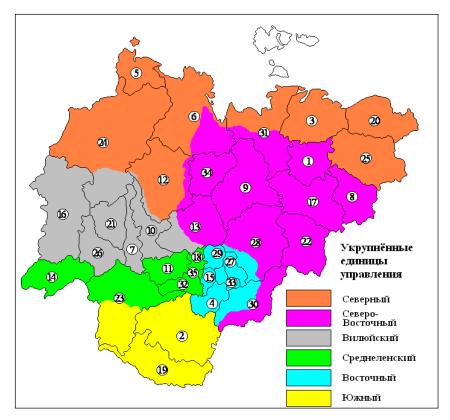

Рисунок 4. Вариант выделения укрупненных единиц управления Якутии

* * *

Глобализация оказывает все более усиливающее воздействие на ход экономических и социальных процессов в республике. Дальнейшее освоение территории Якутии определяется все возрастающим вниманием к северным территориям как к ресурсному и биосферному резерву. В связи с вызовами глобализации России необходимо реформировать всю систему организации жизнедеятельности на Севере. Надо перенести акценты региональной политики на передачу значительной части полномочий самим северным субъектам. Множественность рассмотренных сценариев и типологий – база для арктического регионостроительства на региональном, внутрирегиональном и локальном уровнях, не противоречащего подчеркнутым ранее аспектам нордификации хозяйственной деятельности и региональной политики.

Территория Севера России представляет значительный интерес для экономикогеографического анализа взаимосвязанных проблем освоения территории, побуждает ученых к дальнейшей научно-исследовательской работе [5]. Как в методическом, так и в практическом плане это связано с решением проблем не только изучаемого региона, но и важно с позиций разработки принципов и мер государственной региональной политики для северных, восточных и северо-восточных регионов России.

Литература

- 1. Присяжный М. Ю. Проблемы совершенствования форм освоения регионов Севера в переходный период и на перспективу // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 3. С. 42–46.
- 2. Присяжный М. Ю. Территориальная организация хозяйства Якутии // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 33–53.

- 3. Корытный Λ . М. Бассейновая концепция в природопользовании. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. 163 с.
- Максимов Г. Н., Присяжный М. Ю. География, история и философия самодостаточного развития Якутии // Географические основания развития Якутии в кратких описаниях улусов, наслегов и населенных мест республики. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. С. 19–26.
- 5. Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. 400 с.

Рецензент – Конов Александр Михайлович, кандидат социологических наук. УДК [332.12+338.2](985)(045)

Маркетинговый подход в изучении северных территорий

© **Цветков** Александр Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. *Приоритетные темы исследований:* стратегическое управление, устойчивое развитие северных особо охраняемых территорий, туристско-рекреационный комплекс и его место в социально-экономическом развитии региона, региональный маркетинг. Контактный телефон: +7 950 963 09 29. E-mail: ts@29.ru.

В статье рассмотрена концепция стратегического маркетинга се-

верных территорий и возможности ее применения в интересах долгосрочного, эффективного развития территории, ее внутренних и внешних субъектов, специфические потребности которых необходимо удовлетворить. Определены основные параметры разработки модели развития северной территории. Представлена авторская модель «экономического, социального, экологического маркетинга» территории.

Ключевые слова: маркетинговый подход, стратегический маркетинг, устойчивое развитие, северные территории, удовлетворение потребностей.

Marketing approach in the research of the Northern territories

© *Tsvetkov* Alexander Yurievich, Ph. D. in Economy, associate professor of the state, municipal management and the management of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. *Priority themes of the research:* strategic management, sustainable development of the northern protected areas, tourism and recreational complex and its place in the social-economic development of the region, regional marketing. Contact phone: +7 950 963 09 29. E-mail: ts@29.ru.

Abstract

In article the concept of strategic marketing of the northern territories and the possibility of its application for long-term efficient development of the territory and its internal and external stakeholders, the specific requirements that must be met, is considered. The main parameters of the model development of the Northern Territory. Authors model of the 'economic – social – ecological marketing' territory.

Keywords: marketing approach, strategic marketing, sustainable development, the northern territory needs.

Необходимость комплексного изучения Арктики и северных территорий с использованием актуальных современных подходов обоснована в научных трудах последнего времени. Так, профессор Ю. Ф. Лукин в монографии «Великий передел Арктики» отмечает, что «потребность в методологии в полной мере относится к арктической проблематике. Изучение социальных, экономических, политических и культурных проблем жизнедеятельности в Арк-

тике концептуально и методологически можно вести не только в русле геополитики, истории, географии, конфликтологии, социологии, политологии и других экономических, социальных и политических наук, но и в рамках современной регионологии как междисциплинарной мегаотрасли научных знаний» [1, с. 26]. В этой связи рассмотрим возможности применения маркетингового подхода в изучении северных территорий.

Маркетинг северных территорий – это комплекс маркетинговых мероприятий¹, направленных на всестороннее, комплексное развитие территории с учетом ограничений, обусловленных необходимостью изучения и охраны находящихся в ее пределах природных, историко-архитектурных и других ресурсов. Стратегический маркетинг северных территорий – это маркетинг в интересах долгосрочного, эффективного развития территории, ее внутренних и внешних субъектов, специфические потребности которых необходимо удовлетворить.

Среди внутренних субъектов следует выделить местное население, заинтересованное в улучшении условий проживания, формировании новых рабочих мест, а также местную власть, которая призвана сохранять и развивать потенциал территории и нуждается при этом в необходимых ресурсах (финансовых, информационных, управленческих и др.). Внешние субъекты представлены, например, инвесторами, которые готовы вкладывать средства в развитие территории и нуждаются в прозрачных, эффективных экономических отношениях, а также ученые, заинтересованные в изучении арктического макрорегиона, потребности которых следует удовлетворить. По нашему мнению, целевых противоречий между внутренними и внешними субъектами быть не должно, поскольку они заинтересованы в устойчивом, комплексном развитии территории.

Стратегическая направленность маркетинга северных территорий заключается в следующих его особенностях:

- ◆ ориентация на долгосрочное, перспективное развитие территории;
- ◆ тенденция гуманизации, направленности на человеческий фактор при развитии территории;
- систематический анализ рынка и конкретных потребителей, а также сильных и слабых сторон территории (информационная работа);
- формирование единой системы научной информации;
- ориентация на формирование спроса и предложения;
- приоритет гибкости ценовой политики (в широком смысле);
- ↓ интегрированность маркетинговых коммуникаций, воплощаемая в единой многоканальной синхронизированной коммуникации, ориентированной на установление двусторонних отношений с различными целевыми аудиториями, для каждой из которых выстраивается соответствующая модель общения;
- ф организация распределения и продаж, обеспечивающая комфортность принятия и реализации потребителями решений о предпочтениях и покупках.

 $^{^1}$ Маркетинговые мероприятия охватывают комплекс мер по формированию научного, образовательного, экологического, туристского и других продуктов территории, а также по его распределению, продвижению и т. д.

Маркетинг северных территорий, нацеленный на устойчивое развитие, в основе своей концепции, несомненно, должен иметь социально-ответственный, или, по Ф. Котлеру, социально-этичный маркетинг [2, с. 53]. Суть его в том, что организация должна определить нужды, потребности и интересы целевых рынков, а затем обеспечить высшую потребительскую ценность более эффективными, по сравнению с конкурентами, способами, которые поддерживают или улучшают благополучие как клиента, так и всего общества в целом. Таким образом, при принятии маркетинговых решений обязательно следует учитывать общественные интересы, ориентируясь не только на удовлетворение потребностей клиентов, но и на общечеловеческие ценности.

Важная особенность маркетинга северных территорий заключается в том, что, в отличие от классического коммерческого маркетинга, маркетинг территории должен исходить из интересов сохранения и изучения историко-культурного и природного потенциала региона, а также граждан, проживающих на данной территории. В качестве одной из приоритетных задач маркетинга северных территорий можно выделить повышение качества жизни населения. Так, в июле – августе 2011 года нами было проведено исследование локальной внутренней среды Соловецкого архипелага методами наблюдения и опроса, которое показало высокий уровень социальной напряженности, недоверия к органам власти, пессимизма в отношении возможных перемен среди местного населения, которое нуждается в улучшении условий проживания. В этой связи в управлении территорией Соловецких островов необходимо использовать маркетинговый подход, предполагающий удовлетворение потребностей (инфраструктурных, информационных, социальных и др.) местных жителей.

В контексте определения проблем изучения арктического макрорегиона профессор Ю. Ф. Лукин отмечает, что «явно не хватает литературы по стратегическому видению и анализу миссии арктического пространства в развитии современной России» [1, с. 5].

Стратегический маркетинг территории включает в себя:

- анализ территории;
- разработку стратегии развития территории;
- реализацию стратегии развития;
- контроль над реализацией стратегии.

Обратная связь должна обеспечивать возможность корректировок стратегии развития территории в связи с постоянными изменениями во внутренней и внешней среде территории.

Активными участниками маркетинговых отношений традиционно выступают производители продуктов, дистрибьюторы и потребители. Кроме вышеперечисленных, субъектами территориального маркетинга также могут быть научные работники (исследователи), предприниматели, инвесторы, представители экологических организаций, профессиональных ассоциаций и благотворительных фондов.

Субъекты территориального маркетинга могут быть классифицированы по различным основаниям:

- критерий территориальной принадлежности, постоянного проживания, расположения («резиденты – нерезиденты»);
- критерий юридического статуса («физические лица юридические лица»).

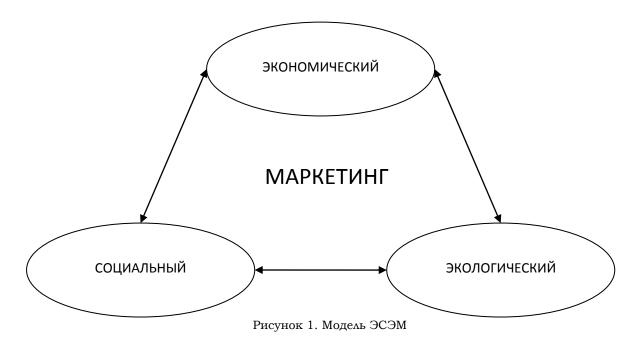
Каждая категория субъектов характеризуется различными целями в контексте развития территории, которые необходимо согласовать в интересах устойчивого развития северных территорий.

Стратегическое маркетинговое управление развитием территории предполагает разработку комплексной модели оптимального функционирования с учетом некоторых основополагающих принципов, раскрывающих сущность данной модели в отношении ее основных структурных блоков, а также взаимосвязей между ними.

При разработке модели развития северной территории необходимо учитывать и согласовывать следующие основные параметры:

- а) экономический, предполагающий активизацию развития хозяйственной деятельности в северных территориях с целью получения дохода и его использования для реализации ключевых функций устойчивого развития, а также удовлетворения потребностей резидентов и нерезидентов территории;
- б) социальный, ориентированный на необходимость учета интересов местного населения, проживающего на данных территориях, которое следует рассматривать как основной стратегический ресурс развития территории, и разработку комплекса мер, нацеленных на улучшение качества жизни населения;
- в) *экологический*, направленный на сохранение природного равновесия северных территорий, на изучение и охрану историко-архитектурных и природных объектов.

Параметры, приведенные выше, рассматриваются с позиций маркетинга, что предполагает согласование целей и потребностей каждого параметра, а также использование инструментов маркетинга при составлении модели стратегического развития. Маркетинговый механизм предусматривает разработку комплекса мер относительно продукта, предлагаемого резидентам/нерезидентам северных территорий, ценовой стратегии, а также стратегии реализации и продвижения данного продукта. Кроме того, маркетинг предполагает разработку стратегии развития человеческого потенциала и обеспечение эффективных взаимосвязей между всеми элементами комплекса маркетинга. Назовем данную модель ЭСЭМ (экономический, социальный, экологический маркетинг). Все четыре элемента данной модели являются одинаково важными. Экономический, социальный и экологический параметры рассматриваются сквозь призму маркетинговой концепции (рисунок 1).

Следует отметить, что необходима гармонизация экономического, социального и экологического параметров функционирования северных территорий, их всестороннее развитие, направленное на повышение качества жизни населения, совершенствование деятельности органов государственной власти и формирование потенциала долгосрочного устойчивого развития.

В основе управления северными территориями должно лежать использование потенциала местного населения для развития данных территорий, сопровождающееся повышением качества их жизни. Так, директор Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, наместник Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря архимандрит Порфирий в интервью порталу «Патриархия.ru» отметил, что «динамичное восстановление обители должно сопровождаться созданием современного поселка с развитой инженерной и социальной инфраструктурой, поселка красивого и удобного для проживания. В связи с этими масштабными программами возникает спрос на труд, часто высококвалифицированный и высокооплачиваемый. Задача местных жителей состоит в том, чтобы занять открывающиеся рабочие места в оргсистемах по сохранению древней архитектуры, по охране уникальной островной природы, по обслуживанию гостей, паломников и туристов со всего света» [3]. Таким образом, для реализации стратегии развития архипелага предполагается активно использовать потенциал местного населения.

Инновационность предполагает использование новых подходов в управлении, в том числе современных технологий стратегического территориального маркетинга, использование передовых информационных систем моделирования развития северных (арктических) территорий, применение инновационных подходов к обучению и развитию персонала и др. Использование технологий стратегического маркетинга позволит повысить эффективность научных исследований и процессов управления северными (арктическими) территориями.

Литература

- 1. Аукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010.
- 2. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2009.
- 3. Наместник Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий (Шутов): «Соловецкое наследие духовное и культурное сокровище, которое необходимо сберечь» [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь Официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1103992.html (дата обращения: 07.04.2012).

Рецензент – Сидоровская Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент. УДК 94(571)+325.454

Социально-экономические проблемы создания территорий традиционного природопользования

- © Шишацкий Николай Георгиевич, кандидат экономических наук, заведующий отделом региональных, социальных и экономических исследований Института экономики и промышленного производства Сибирского отделения РАН. Контактный телефон: +7 (391) 249 53 64. E-mail: nik@ksc.krasn.ru.
- © *Кирко* Владимир Игоревич, доктор физико-математических наук, профессор, директор НТЦ инновационных технологий Сибирского федерального университета. Контактный телефон: +7 (391) 252 15 23. E-mail: director.nifti@mail.ru.
- © **Keyu** Анна Викторовна, аспирант Сибирского федерального университета. E-mail: annakeush@mail.ru.

В статье анализируется понятие «территории традиционного природопользования», рассматриваются социально-экономические и правовые проблемы концепции территорий традиционного природопользования. Авторами предлагается подход к решению существующих проблем концепции. Выделяются критерии установления границ и этапы реализации концепции территорий традиционного природопользования. Итогом комплексного обоснования концепции должен являться типовой проект устройства территорий традиционного природопользования.

Ключевые слова: территории традиционного природопользования, коренные малочисленные народы Севера.

Social-economical problems of creating the territories of traditional land use

- © *Shishatsky* Nikolai Georgievich, Ph. D. in Economy, the head of the department of the regional social and economical researchers Institute of Economy Industrial Engineering, Siberian Branch of RAS. Contact phone: +7 (391) 249 53 64. E-mail: nik@ksc.krasn.ru.
- © *Kirko* Vladimir Igorevich, Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Director of the SEC Innovative Technologies of the Siberian Federal University. Contact phone: +7 (391) 252 15 23. E-mail: director.nifti@mail.ru.
- © *Keush* Anna Viktorovna, Postgraduate of the Siberian Federal University. E-mail: annakeush@mail.ru.

Abstract

The article analyzes the concept of 'territory of traditional nature use', addresses the social-economic and legal problems of the concept of territories of traditional nature. The authors propose an approach to solving the problems of the concept. Highlighted criteria for establishing boundaries and implementation phases of the concept of territories of traditional nature. The result of a comprehensive study of the concept should be a standard design of the unit territories of traditional nature.

Keywords: territories of traditional land use, native indigenous populations of the North.

Термин «территории традиционного природопользования» (далее – ТТП) используется в литературе в нескольких значениях. Наиболее распространенно его употребление в широком смысле как обозначение географического пространства, где в настоящее время осуществляется процесс традиционного природопользования. В этом случае сам процесс фактического использования выступает как критерий для определения ТТП.

После принятия федерального закона № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 07 мая 2001 года это словосочетание все чаще используется как юридический термин. При этом возникает путаница, так как фактически используемые в традиционном природопользовании территории не всегда имеют соответствующий официальный статус. Этот же термин нередко используется в историческом значении, когда имеются в виду территории, которые использовались для традиционного природопользования в недавнем прошлом и на которые, в принципе, еще могут распространяться права коренного населения.

Таким образом, термин ТТП используется в трех разных значениях:

- а) фактические ТТП, на которые права коренного населения, как правило, тем или иным путем оформлены, но они не имеют статуса ТТП в соответствии с Φ 3 № 49;
- б) исторические ТТП территории, в данный момент не используемые в традиционном природопользовании, но для которых возможна реставрация прав коренного населения;
- в) юридические ТТП, на которые права коренного населения официально оформлены и которые, в соответствии с ФЗ № 49, должны иметь статус ТТП федерального, регионального или местного значения.

В настоящее время в рамках ФЗ № 49 не создано ни одной ТТП федерального значения. Весьма скромными являются также результаты создания ТТП регионального значения. Так, например, на территории Красноярского края образована лишь одна ТТП регионального значения «Попигай» (на основании решения администрации Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа от 23 декабря 2003 года № 495). За период существования ТТП «Попигай» долганы, проживающие и осуществляющие деятельность в ее границах, не оформили права пользования земельными участками и иными природными ресурсами.

Во многом это связано с недостатками ФЗ № 49 и других нормативно-правовых актов в сфере регулирования традиционного природопользования коренных малочисленных народов. Федеральным законодательством признается, что в местах традиционного проживания

и традиционного природопользования должен быть установлен особый правовой режим использования природных ресурсов.

ТТП рассматриваются как вид особо охраняемых территорий, относящихся к общенациональной собственности. Они не могут быть собственностью граждан и юридических лиц, что вполне очевидно, поскольку более 70 % такого рода территорий находится на землях Гослесфонда.

Многие положения ФЗ № 49 не являются нормами прямого действия. Для их практической реализации статьей 11 предусмотрены разработка и утверждение положений (федеральных, региональных и локальных), регламентирующих правовой режим образования и использования ТТП. Однако на сегодняшний день правительством РФ такое положение не разработано и не утверждено, что вызывает нормативно-правовой вакуум практической реализации закона. Кроме того, некоторые нормы ФЗ № 49 (например, «безвозмездность» пользования земельными ресурсами) противоречат Земельному кодексу РФ. Также возникают новые правовые и организационные коллизии в применении Лесного кодекса РФ и федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06 октября 2003 года, по которому ТТП входят в состав территорий поселений (статья 11, пункт 3), относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Министерству регионального развития РФ.

Таким образом, до настоящего времени отношения в области аборигенного природопользования на территориях расселения КМНС урегулированы неудовлетворительно и фрагментарно. В этой связи неоднократно делаются попытки внести изменения в существующие законодательные акты. Например, предлагается исключить ТТП из категории «особо охраняемых природных территорий».

Распоряжением правительства РФ от 4 февраля 2009 года № 132-р утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Значение документа состоит в том, что официально были признаны основополагающие принципы устойчивого развития КМНС, в том числе:

- признание права КМНС на приоритетный доступ к рыбопромысловым участкам и охотничьим угодьям, к биологическим ресурсам в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности;
- необходимость участия представителей и объединений КМНС в принятии решений по вопросам, затрагивающим их права и интересы при освоении природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности;
- необходимость оценки культурных, экологических и социальных последствий, предлагаемых к реализации проектов и работ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС;
- ▶ возмещение ущерба, нанесенного исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью КМНС.

Принятие данной концепции позволяет надеяться, что существующие проблемы коренных малочисленных народов Севера в области реализации их прав на осуществление тра-

диционной хозяйственной деятельности на территориях традиционного природопользования будут, наконец, решены.

Для достижения конкретных результатов в этом направлении необходимо решение следующих задач:

- разработка четких критериев по определению необходимого размера (площади) выделяемой территории и ее расположения;
- ↓ разработка экономической концепции и программы развития традиционных отраслей хозяйства, основывающейся на развитии существующих структурных хозяйственных единиц на данной территории и восстановлении ее утраченных элементов. Основная цель программы создание условий для максимальной занятости среди коренного населения, экологической безопасности и устойчивости социально-экономического развития;
- ↓ разработка конкретных концепций и программ устойчивого этнодемографического и культурно-экологического развития автохтонных этносов, направленных на восстановление соответствующей системы брачных связей, медицинскую обеспеченность, возрождение культурных, духовных традиций и языка;
- ф разработка экологической концепции и программы использования ресурсов данной территории, обеспечивающей их связь с существующей системой природоохранных мероприятий и законодательством;
- ◆ разработка законодательной базы, закрепляющей статус и регулирующей характер использования данных территорий.

Подход к установлению границ, определение характера использования должны соответствовать следующим условиям или критериям выделения, которые можно сформулировать как:

- ✓ критерий «необходимой достаточности» размеров территории, запасов ресурсов на ней и так далее для поддержания на данном участке местности нормального экологического баланса совокупных составляющих кормящего ландшафта. Важнейшим условием выполнения данного критерия является проведение границ ТТП по естественным географическим рубежам данной территории (например, рекам, ручьям, водоразделам и пр.);
- ✓ критерий «функциональной дееспособности» системы ведения традиционного хозяйства. Размер территории должен оптимально соответствовать потребностям сложившегося типа традиционной хозяйственной деятельности и обладать необходимым запасом прочности при увеличении нагрузок на него, например из-за роста численности населения. Соответственно, в таежной зоне Сибири и Дальнего Востока размер будет один, в лесотундровой другой, в тундровой и горно-тундровой третий, увеличиваясь при продвижении с юга на север;
- ✓ критерий «разумной независимости» структур управления от деятельности уполномоченного государственного органа и хозяйственных организаций. Оптимальным вариантом здесь может быть создание координационного органа (Совет управления ТТП) из представителей местной администрации, хозяйственных организаций и населения (родовых общин), координирующий их деятельность по использованию и управлению территорией

и Администрации ТТП, руководитель которой назначается по согласованию с уполномоченными коренного населения.

Акцентируя, в первую очередь, внимание на проблемах возрождения традиционного хозяйства, национальных особенностей и традиций, восстановления нормального экологического баланса территорий, можно предложить следующую технологию реализации ТТП и определить ее основные этапы:

- 1) концептуальный этап определение круга заинтересованных участников, наличных ресурсов и ограничений; диагностика узловых проблем; выработка общей стратегии; восстановление приоритетов; подписание текстов предварительных соглашений;
- проектный этап комплексный эколого-социально-экономический анализ узловых проблем; поиск и оценка альтернативных вариантов решения; определение организационных форм и механизма взаимодействия участников; согласование конкретного вклада каждого участника; разработка учредительных и юридических документов, контрактов, кредитных соглашений;
- 3) стартовый этап учреждение и регистрация новых экономических и социальных структур; формирование структуры управления, фондов переселения и развития, создание поддерживающих коммерческих и холдинговых структур; освоение заброшенных угодий территории и ее ресурсов; поиск и апробация коммерческих связей по сбыту продукции традиционного хозяйства и рекреационному развитию;
- 4) этап развития оптимизация деятельности всех составляющих проекта; формирование долговременных культурных, хозяйственных и коммерческих связей; развитие органов самоуправления и социальных структур.

Для обоснования программы действий и успешной ее реализации желательно проведение комплексного обоснования устройства ТТП, которое разрабатывается исходя из интересов ее участников, имеющихся в наличии ресурсов, ограничений, результатов анализа проблемной ситуации, приоритетности поставленных целей.

Учитывая специфику образа жизни и традиционного хозяйства народов Севера, разработка должна вестись по четырем рабочим направлениям: этнодемографическому, ресурсно-экологическому, финансово- и технико-экономическому, культурно-историческому. Объем работ по каждому направлению определяется в соответствии с их приоритетами.

Этнодемографическое направление включает:

- ✓ анализ особенностей этнического состава населения (коллектива предприятия, жителей поселка и др.), мотиваций его экономического поведения, особенностей образа жизни, связанных с традиционным хозяйственным циклом;
- ✓ оценку уровня жизни коренного населения и роли традиционных отраслей в его жизнеобеспечении;
- ✓ анализ обеспеченности трудоспособного населения рабочими местами;
- ✓ оценку степени социальной напряженности и рекомендации по предотвращению возможных конфликтов в сфере традиционного хозяйства.

Используемые материалы: первичная информация о населении, данные переписей населения, актовые записи ЗАГСа, результаты выборочных социологических обследований и опросов.

Ресурсно-экологическое направление включает:

- количественную и качественную оценку угодий и биологических ресурсов оленеводческих и промысловых отраслей, а также других дополняющих хозяйственный комплекс видов деятельности (сельскохозяйственной, лесохозяйственной, рекреационной и др.);
- прогноз возможных объемов ресурсопользования с учетом возможности освоения новых угодий и ресурсов;
- обоснование мер по реализации схем традиционного природопользования и охраны ресурсов.

Используемые материалы: информация землеустроительных, охото-, рыбо- и лесохозяйственных служб, отчетные материалы оленеводческих, промысловых предприятий и заготовительных организаций прошлых лет (особенно отчетность производственных подразделений), экспертные опросные сведения, полученные от специалистов и опытных работников.

В экономическом направлении основное внимание уделяется характеристике имеющейся финансовой и материально-технической базы и возможностям внедрения эффективных технологий (как новых, так и традиционных). В соответствии с основными задачами проекта финансовая и материально-техническая база оценивается применительно к намеченным направлениям развития производства и реорганизации экономических структур.

Используемые материалы: производственная и финансовая отчетность, производственно-технические нормативы, технико-экономическая документация по технологиям, подлежащим внедрению. В необходимых случаях проводятся специальные технико-экономические расчеты (с привлечением местных специалистов).

Культурно-историческое направление обоснования включает:

- учет находящихся на территории археологических и природных памятников, исторических и сакральных мест, определение состояния их сохранности и расходов по восстановлению и содержанию;
- » перепись и учет местных жителей носителей утрачиваемых элементов национальной культуры, фольклора, языка и пр.;
- оценку состояния культурно-исторических объектов и программу по их использованию и сохранению.

Источниками могут служить: коллекции местных краеведческих музеев, библиотечные и архивные данные, результаты специальных полевых археологических и этнографических исследований.

Для быстрого и бесконфликтного решения проблемы необходимо также определение круга заинтересованных лиц и организаций и разработка эффективной процедуры согласования их интересов.

Итогом комплексного обоснования служит составление необходимых карт и схем с информацией, обосновывающей предложения по установлению границ, использованию ресурсов и развитию территории. Результаты данного обоснования можно оптимизировать в

виде типового проекта устройства ТТП. Одновременно данный проект может быть и основным рабочим документом, определяющим характер использования и развития ТТП. Таким образом, создание ТТП в условиях расширяющегося интенсивного освоения ресурсов Севера является, по сути, единственно возможным способом защиты и охраны КМНС.

Работа выполнена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда поддержки науки и научно-технической деятельности, а также федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Литература

- 1. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 12.12.2011) // СПС Консультант Плюс.
- 2. Лесной кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.12.2006 № 200-Ф3 (ред. от 06.12.2011) // СПС Консультант Плюс.
- 3. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 03.12.2008) // СПС Консультант Плюс.
- 4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) // СПС Консультант Плюс.
- 5. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р // СПС Консультант Плюс.
- 6. Правовой справочник для КМНС Сибири и Дальнего Востока РФ. М.: АКМНС, 2003. С. 133–141.

Рецензент – Залывский Николай Павлович, доктор экономических наук, профессор. УДК [316.3+316.334+316.334.52](470.11)(045)

О проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области (Некоторые итоги обучающих семинаров)

© *Калашников* Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: evgeny1110@mail.ru.

© *Лагунова* Светлана Владмировна, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 911 576 05 21. E-mail: decabr7@mail.ru.

В данной статье обобщен опыт проведения практических семинаров «Территориальное общественное самоуправление как ресурс развития муниципального образования», состоявшихся осенью минувшего года в муниципальногах Архангельской области. Конструктивное общение с лидерами территориальных сообществ и муниципальными служащими позволило авторам сформулировать

актуальные для региона проблемы и перспективы развития территориального общественного самоуправления.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, общественное участие, ресурсы развития.

About the problems and the perspectives of the development of the territorial and public authorities in the Arkhangelsk region (Several results from the seminars)

- © *Kalashnikov* Eugeny Vladimirovich, Ph. D. in History, associate professor, the deputy director of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. E-mail: evgeny1110@mail.ru.
- © *Lagunova* Svetlana Vladimirovna, the senior lecturer of the department of the State and Municipal management of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 911 576 05 21. E-mail: decabr7@mail.ru.

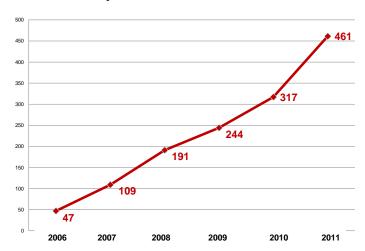
Abstract

This article summarizes the experience of holding the practical seminars 'Territorial public self-government as a resource for the development of the municipality', which was held last autumn in the municipalities of the Archangelsk region. The constructive dialogue with the leaders of territorial communities and local government officials allowed the authors to formulate relevant to the region's problems and the perspectives of the development of territorial public self-government.

Keywords: territorial and public authorities, public participation, resources for development.

Архангельская область входит в число регионов России, в которых активно развивается территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС). Количество территориальных сообществ, оформленных согласно действующему 131-ФЗ «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в регионе неуклонно растет (рисунок 1).

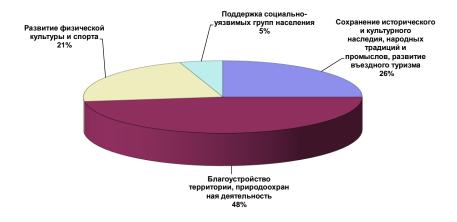
Динамика роста количества ТОС в Архангельской области

Данные Министерства по региональной политике и местному самоуправлению Архангельской области на 25 мая 2011 года

Расширяется и сфера деятельности участников ТОС, которые все чаще выходят за рамки решения проблем благоустройства территорий, занимаясь и вопросами сохранения культурно-исторического наследия, развития спорта, туризма, поддержкой ветеранов (рисунок 2).

Распределение проектов ТОС по приоритетным направлениям в 2011 году

Данные Министерства по региональной политике и местному самоуправлению Архангельской области на 25 мая 2011 года Исследователи проблематики ТОС характеризуют его как институт развития территории [2, с. 78], что особенно актуально для северной среды. В отношении северно-арктических регионов России, к которым отнесена Архангельская область, по мнению А. А. Дрегало и В. И. Ульяновского, сегодня должна реализовываться стратегия «обживания территории», которая на уровне субъектов «означает реабилитацию и развитие жизненной среды в имеющихся поселениях» [3, 405]. На наш взгляд, деятельность ТОС является эффективным ресурсом для данного процесса.

Анализируя историю появления и развития ТОСов в нашей области, сегодня можно говорить о новом качественном этапе в их развитии, так как впервые сделан серьезный акцент не только на увеличение финансовой поддержки проектной деятельности ТОС, но и на аспекте обучения населения основам территориального самоуправления.

Осенью минувшего года Министерство по региональной политике и местному самоуправлению Архангельской области и институт управления и регионологии САФУ начали осуществление обучающего проекта под общим названием «ТОС как ресурс развития муниципального образования». Обучающие семинары-тренинги состоялись в шести муниципальных образованиях Архангельской области: городе Котласе, Котласском, Вельском, Каргопольском, Коношском и Онежском районах. В общей сложности участниками семинаров стали порядка 170 человек, в число которых вошли муниципальные служащие, главы поселений, активисты ТОС, представители общественных организаций и объединений. Понимая, что семинар объединит людей, разных по возрасту, профессии, имеющемуся опыту участия в ТОС, программа обучения была построена на активных и интерактивных принципах работы с аудиторией.

Это изначально предполагало минимум теоретических лекций при значительном объеме творческой групповой работы слушателей. Следует отметить, что участники достаточно высоко оценили такую форму проведения занятий. Именно тренинги, групповая работа по поиску ресурсов, живые дискуссии, проектирование – тот формат общения, который, по их мнению, является наиболее эффективным.

Привлечению участников семинаров к конструктивному диалогу о ресурсах развития поселения, города или района способствовало использование SWOT-анализа. Слушатели, работая в группах, рассматривали сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы муниципального образования, на территории которого проводился обучающий семинар. На наш взгляд, данная форма коллективного обсуждения может быть широко использована при подготовке программ развития поселения или района: методика поможет аккумулировать взгляд общественности на доминирующие проблемы и выбрать приоритеты в планировании.

Исходя из заявленной темы обучающих семинаров, акцент был сделан на понимание того, что такое *ресурсы развития территории*. Преобладающим стереотипом мышления муниципальных служащих и населения является убеждение в том, что главной проблемой, препятствующей развитию муниципалитетов, является отсутствие финансовых и материальных средств. При таком подходе теряется понимание того, что одно из главных преимуществ территории – люди, их взаимоотношения, традиции, опыт, что и составляет сущность человеческого и социального капитала, имеющее вполне реальное измерение. В этом плане ТОС

логично рассматривать и как способ активации человеческих и социальных ресурсов, и как самостоятельный ресурс развития территории.

Как отмечалось выше, на семинарах был представлен взгляд на проблематику территориального самоуправления как самих активистов ТОС, так и муниципальных служащих, от которых во многом зависит использование и развитие потенциала данного общественного института.

В ходе круглых столов, которые традиционно завершали каждый день обучения, формулировались ожидания участников ТОС от муниципальной и региональной власти, а также назывались проблемы, требующие первоочередного решения.

Особое место в дискуссиях о будущем территориального самоуправления заняли вопросы правового оформления ТОС. Закон четко определяет, что «ТОС может быть зарегистрирован как юридическое лицо в форме некоммерческой организации». На октябрь 2011 года из почти 500 ТОСов юридическими лицами являлись только 18. Это представляется серьезной проблемой, так как только ТОСы, оформленные как юридические лица, имеют возможность брать на себя полномочия органов местного самоуправления, участвовать в международных и российских грантах, заниматься предпринимательской деятельностью. Интересные проекты ТОС по развитию туризма, например в городе Каргополе, Вельском районе, способные создать новые рабочие места и увеличить доходы населения, не находят логического продолжения именно по причине отсутствия у ТОС юридического статуса.

Как выход из создавшейся ситуации можно рассматривать создание ассоциации ТО-Сов на уровне района, которая, став юридическим лицом, обеспечила бы входящим в нее ТОСам существенное расширение ресурсных возможностей.

За последние два года количество ТОСов в Архангельской области практически удвоилось. Это означает, что конкуренция между ними в рамках проектной деятельности будет только возрастать. Ресурсы, выделяемые регионом и муниципалитетами на стимулирование развития ТОС, в последние годы существенно возросли, но все равно являются ограниченными. С этих позиций чрезвычайно важным представляется четкость и прозрачность механизма отбора лучших проектов ТОС на муниципальном уровне, на котором с 2008 года организуется конкурс «Сельская инициатива». Напомним, что ранее отбором лучших конкурсных проектов занималась региональная власть.

Если анализировать ожидания действующих в области ТОСов, важным является вопрос о передаче на баланс местного бюджета социально-значимых объектов, создаваемых в результате проектной деятельности ТОС. Очевидно, что ТОС не должен восприниматься муниципалами лишь как способ решить хозяйственные проблемы и, соответственно, получить дополнительную финансовую поддержку области. Поэтому актуальными являются реализация предложений о создании Советов руководителей ТОС при главе администрации районов, разработке программ развития ТОС как на уровне региона, так и на уровне поселения.

Подводя первые итоги прошедших семинаров, следует подчеркнуть, что слушатели семинаров подтвердили высокую востребованность правовых и экономических знаний. Попрежнему высок интерес к позитивному практическому опыту деятельности ТОС в области и за ее пределами. Примечательно, что потенциальные участники и лидеры ТОС как муници-

пальные служащие предлагают новые темы для последующих встреч. Актуальны темы по командообразованию, деловому общению, развитию лидерских качеств. Это означает, что у министерства по региональной политике и местному самоуправлению и института управления и регионологии САФУ есть повод к дальнейшему сотрудничеству по реализации новых обучающих проектов.

Обучение – всегда процесс двухсторонний. Внимательный анализ практической деятельности ТОСов Архангельской области позволяет увидеть не только гражданскую активность местных сообществ, но и грамотные управленческие решения, продуманный менеджмент, который прежде всего подтверждает высокая экономическая эффективность реализуемых проектов.

Подобные семинары имеют важное значение, так как именно эти встречи дают хорошую возможность сверить наши учебные программы с реальными потребностями и вызовами практики управления.

Литература

- Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания 16 сентября 2003 года: одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года // СПб.: Приор, 2008. 134 с.
- 2. Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М.: Институт Гайдара, 2010. 116 с.
- 3. Дрегало А. А., Ульяновский В. И. Социология региональных трансформаций: в 2-х тт. Т. 2. Архангельск: Северный Арктический федеральный университет, 2010. 493 с.

Рецензент – Конов Александр Михайлович, кандидат социологических наук.

Новые публикации, рецензии

УДК 914.4:39(=1.470.1)(045)

Экспедиция по следам поморов

© **Лукин** Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, директор института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 (8182) 68 34 47. E-mail: ylukin@atnet.ru.

Рецензируется монография о результатах комплексной экспедиции «По следам поморов», которая в 2011 году провела исследования островов Петуховского архипелага на Новой Земле в проливе Карские Ворота.

Ключевые слова: Новая Земля, Петуховский архипелаг, история, природа, экология.

The expedition follows in the tracks of Pomors

© *Lukin* Yury Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 (8182) 68 34 47. E-mail: ylukin@atnet.ru.

Abstract

The monography is reviewing about the results of complex expedition 'Follows in the tracks of Pomors', which in 2011 conductes a research of the islands of the Petuhovsky Arhipelago on Novaya Zemlya in the Karsky Gate bay.

Keywords: Novaya Zemlya, Petyhovsky Archipelago, history, nature, ecology.

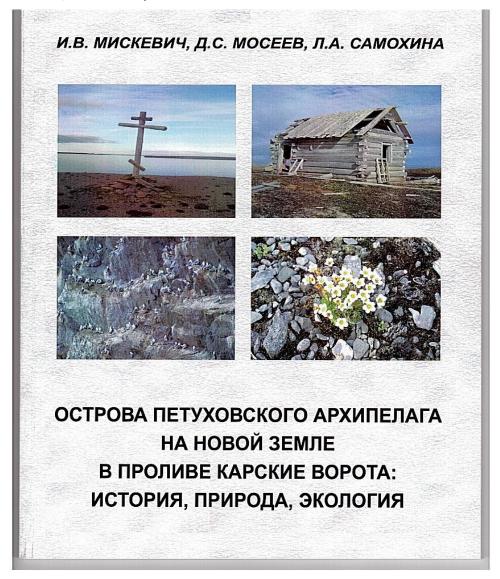
Архипелаг Новая Земля, располагающийся в Северном Ледовитом океане, играл важную роль в промысловой деятельности поморов – жителей прибрежных районов Белого моря. Освоение его природных биоресурсов, как полагает большинство ученых, началось в XVI веке и базировалось, в первую очередь, на добыче морского зверя. Как указывают исторические источники, в XVIII–XIX веках в промыслах на Новой Земле постоянно или эпизодически участвовали жители практически каждого поморского населенного пункта. Освоение Новой Земли поморами в начальный период проходило через пролив Карские Ворота при его пересечении в районе острова Вайгач. При этом маршруты поморских судов проходили мимо Петуховского архипелага – группы небольших островов, располагающихся в центральном районе южной оконечности Новой Земли.

К сожалению, этот важный в истории поморских промыслов район Новой Земли до настоящего времени изучен крайне слабо. Для решения данной проблемы Архангельским центром ВОО «Русское географическое общество» (АЦ РГО) в августе 2011 года была организована комплексная экспедиция «По следам поморов», которая провела исследования островов Петуховского архипелага. Финансирование экспедиционных работ осуществлялось по гранту ВОО «Русское географическое общество».

Руководителем проекта был назначен председатель АЦ РГО, кандидат географических наук Л. Ю. Васильев, ответственным исполнителем проекта – заместитель председателя АЦ РГО, доктор географических наук И. В. Мискевич. В состав экспедиционного отряда АЦ РГО

входили И. В. Мискевич, Д. С. Мосеев и Л. А. Самохина. Для доставки экспедиционного отряда на острова Петуховского архипелага использовалось научно-исследовательское судно Северного УГМС «Профессор Молчанов». В исследованиях островов принимал участие помощник капитана судна по науке А. С. Соломатов. Также на острова была произведена высадка сотрудников медиа-центра САФУ «Арктический мост»: начальника медиа-центра А. П. Долининой и оператора М. А. Долинина. Они занимались видеосъемками природы островов Петуховского архипелага и частично снимали ход экспедиционных работ АЦ РГО.

Результаты проведенных исследований опубликованы в монографии Игоря Владимировича Мискевича, Дмитрия Сергеевича Мосеева, Ларисы Анатольевны Самохиной «Острова Петуховского архипелага на Новой Земле в проливе Карские Ворота: история, природа, экология» (Архангельск, 2011. 75 с.).

Петуховский архипелаг состоит из 22 островов и располагается около южной оконечности Новой Земли в проливе Карские Ворота на акватории Баренцева моря, точнее, в той его части, которую принято называть Печорским морем. Здесь поморы могли укрыться от штормовой погоды, пополнить запасы воды, дров из плавника и продовольствия за счет добычи птицы и оленей. С другой стороны, Петуховский архипелаг служил районом промысла морского зверя, в первую очередь моржа.

В историческом отношении Петуховский архипелаг, несмотря на его близость к мате-

рику, является одним из малоизученных районов Новой Земли. Имеющаяся информация ограниченного и фрагментарного характера позволяет предположить об активном посещении Петуховского архипелага поморами и жителями нижнего течения реки Печоры (пустозерами), а также ненцами при ведении промыслов на Новой Земле. Здесь имелось становище Петухи, которое, в частности, упоминается в работе известного русского исследователя Арктики Ф. П. Литке «Четырежкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге "Новая Земля" в 1821–1824 годах». В 80-х годах XIX века, по словам новоземельских промышленников, Петухи входили в перечень 4 основных становищ Новой

Земли.

По мнению авторов книги, итоги комплексной междисциплинарной экспедиции 2011 года позволяют сделать следующие выводы:

- ♣ в ландшафтах островов Петуховского архипелага преобладают участки, занятые петрофитной тундрой, в понижениях рельефа встречаются участки мохово-осоковых, моховопушициевых и моховых тундр с включениями луговых биоценозов, имеются большие лагунные озера;
- флора архипелага характеризуется сравнительно богатым видовым составом растений, включающим значительное количество редких и охраняемых видов, при наличии сравнительного обилия «краснокнижной» родиолы розовой;
- ♣ на островах архипелага разнообразна орнитофауна, имеются колонии различных птиц, присутствует значительное количество охраняемых видов, на острове Бритвин был встречен стерх;
- ◆ на острове Пуховый зафиксировано наличие белого медведя, на всех обследованных островах наблюдаются кости и следы северного оленя;
- ↓ на архипелаге обнаружены исторические памятники промысловой деятельности поморов (гурии, кресты) с тенденцией к концентрации около становища Петухи, а также памятники советского периода освоения Новой Земли.

Результаты проведенных исследований позволяют предположить, что становище Πe -myxu являются старейшим опорным пунктом освоения поморами Новой Земли.

В случае аварийного разлива нефти на акватории Печорского моря при освоении шельфовых месторождений углеводородного сырья возникнет угроза поражения экосистемы Петуховского архипелага, затрагивающая, в первую очередь, водных и околоводных птиц и морских млекопитающих.

Для сохранения исторических памятников и уникальной природы Петуховского архипелага рекомендуется продолжить его изучение, а также рассмотреть вопрос о придании этому району Новой Земли статуса особо охраняемой природной территории (ООПТ). Стремление архангельских ученых комплексно исследовать ландшафт арктических островов, флору и фауну, историю их освоения, безусловно, заслуживает позитивной оценки. По большому счету, и эта, и другие подобные экспедиция отражают возрастающий общественный, политический интерес к поморской проблематике в начале XXI века, обусловленный как актуальностью темы, так и национальными интересами России. Результаты таких арктических экспедиций имеют не только научно-исследовательскую, но и высокую культурную, геополитическую значимость.

Следует отметить, что экспедиции по поморской проблематике проводились и ранее. Так, например, в 2008–2010 годах Архангельская региональная общественная организация (АРОО) «Поморская Экспедиция» под руководством А. А. Шаларёва провела хtnsht этнографических экспедиции, в ходе которых ее участники посетили 44 поморских села, расположенных на побережье Белого моря на участке город Кандалакша – город Онега. Из этих поморских поселений условно действующими тогда можно было назвать только 23. Одним из путей возрождения АРОО «Поморская экспедиция» считала создание в селах поморских общин и наделение их статусом коренного малочисленного народа¹. «Поморская экспедиция-2012» на побережье Белого моря стала уже совместным научно-исследовательским проектом Поморского института коренных и малочисленных народов САФУ, а также АРОО «Поморская экспедиция»².

Введение в научный оборот результатов проводимых экспедиций по изучению жизнедеятельности поморов, их истории создает надежную базу для проведения всего комплекса междисциплинарных научно-исследовательских работ, анализа и обобщения большого круга вопросов, в том числе и дискуссионных, связанных с идентичностью и правами коренных народов (больших и малочисленных), наделения русских поморов статусом коренного малочисленного народа, толерантностью, мультикультурализмом, «месторазвитием», этнической экологией, новыми самоуправляемыми общинами и др.

¹ Этнографический срез поморских сел, расположенных на побережье Белого моря на участке город Кандалакша – город Мезень. URL: http://www.peoples-rights.info/2011/09/etnograficheskij-srez-pomorskix-syol-raspolozhennyx-na-poberezhe-belogo-morya-na-uchastke-g-kandalaksha-%E2%80%93-g-mezen/ (дата обращения: 29.04.2012).

² Студенты САФУ прошли 600 км вдоль Белого моря. URL: http://aqarysa.net/content/studenty-safu-proshli-600-km-vdol-belogo-morya (дата обращения: 29.04.2012).

Summary

Авторы

- 1. Бидная Ксения Васильевна студентка 3-го курса отделения регионоведения и международных отношений института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 2. Бобина Юлия Владимировна студентка 5-го курса отделения регионоведения и международных отношений института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова, студентка факультета социальных наук Университета Нурланда (Норвегия).
- 3. Бобылева Надежда Игоревна кандидат биологических наук, доцент кафедры социальной работы института педагогики, психологии и социальной работы САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 4. Вязьмин Александр Михайлович доктор медицинских наук, профессор, проректор по стратегическому развитию ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ, директор института общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы.
- 5. Докучаев Денис Сергеевич кандидат философских наук, начальник отдела по взаимодействию со средствами массовой информации (пресс-центр), администрация города Иванова.
- 6. Жилина Ирина Святославовна выпускница Мурманского государственного технического университета по специальности «международные отношения», студентка Университета города Акурейри (Исландия), магистерская программа «Полярное право».
- 7. Звягин Сергей Александрович научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН, яхтенный капитан, художник.
- 8. Иванова Мария Михайловна студентка 5-го курса отделения журналистики института социально-гуманитарных и политических наук САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 9. Калашников Евгений Владимирович кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 10. Кеуш Анна Викторовна аспирант Сибирского федерального университета.
- 11. Кирко Владимир Игоревич доктор физико-математических наук, профессор, директор НТЦ инновационных технологий Сибирского федерального университета.
- 12. Корельская Татьяна Александровна кандидат химических наук, доцент кафедры химии и химической экологии института естественных наук и биомедицины САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 13. Королёва Наталья Евгеньевна кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории флоры и растительности КНЦ РАН «Полярно-альпийский ботанический сад-институт имени Н. А. Аврорина» (Кировск).
- 14. Лагунова Светлана Владмировна старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова.

- 15. Лукин Юрий Фёдорович доктор исторических наук, профессор, директор института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 16. Малаховская Мария Алексеевна студентка 4-го курса института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова, редактор журнала «Арктика и Север» на английском языке.
- 17. Мордовский Эдгар Артурович аспирант института общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы ГОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ», врач-организатор здравоохранения, магистр общественного здоровья.
- 18. Попова Людмила Фёдоровна кандидат химических наук, доцент кафедры химии и химической экологии института естественных наук и биомедицины САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 19. Присяжный Михаил Юрьевич кандидат географических наук, заведующий кафедрой североведения Северо-Восточного федерального университета (Якутск).
- 20. Пыжова Анна Николаевна магистр в изучении коренных народов.
- 21. Рыбак Евгения Владимировна кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы института педагогики, психологии и социальной работы САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 22. Санников Анатолий Леонидович доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития РФ.
- 23. Семушин Дмитрий Леонидович кандидат исторических наук, политический обозреватель ИА REGNUM (Москва).
- 24. Цветков Александр Юрьевич кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 25. Цихончик Надежда Васильевна старший преподаватель, аспирант кафедры социальной работы института педагогики, психологии и социальной работы САФУ имени М. В. Ломоносова.
- 26. Шишацкий Николай Георгиевич кандидат экономических наук, заведующий отделом региональных, социальных и экономических исследований Института экономики и промышленного производства Сибирского отделения РАН.

Аннотации, ключевые слова

Геополитика

Бидная К. В. Кибертерроризм как угроза государственной безопасности в Арктическом регионе

Статья представляет собой первый опыт в исследовании возможностей и вероятностей проведения кибернетических атак в Арктическом регионе, а именно: поражение и вывод из строя систем ПРО, а также компьютерных систем управления буровыми вышками, что может принести вред как национальной безопасности государств, так и экологическому состоянию Арктики. Помимо этого в статье освещается вопрос возможного влияния актов кибертерроризма на освоение арктического сектора России, то есть изучаются международные отношения России в «новых политических пространствах» – приполярной зоне и глобальной информационной сфере.

Ключевые слова: Арктика, кибертерроризм, Россия, США, НАТО.

Жилина И. С. Правовые аспекты развития Северного морского пути и Северо-Западного прохода как новой Арктической морской транспортной системы

Статья посвящена вопросам правового режима международного судоходства по водам Северного морского пути и Северо-Западного прохода и суверенитета государства в территориальных водах. Особое внимание автор уделяет внешнеполитическим аспектам развития Арктической транспортной магистрали и ее экономическому потенциалу.

Ключевые слова: Северный морской путь, Северо-Западный проход, Россия, Канада, Арктика, судоходство.

Исторические науки, этнология и антропология

Лукин Ю. Ф. О русском поморе замолвите слово

В статье рассматриваются концептуальные подходы к определению понятий «поморы», «русские поморы» в историческом и современном понимании.

Ключевые слова: поморы, русские поморы, Архангельская область.

Пыжова А. Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов

В статье приводится обзор двух основных теоретических подходов, которые широко применяются для изучения вопросов этнической идентичности в социальной антропологии – примордиализм и конструктивизм. Кроме того, дается обзор основных теоретических сложностей в определении этнической идентичности определенной группы. Используя данные полевых исследований (интервью), в статье приводится анализ этнической идентичности поморов, представленной через призму этих двух подходов.

Ключевые слова: идентичность, этничность, поморы, примордиализм, конструктивизм, маркеры идентичности.

Семушин Д. Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа

Исторический миф играет ключевую роль в любом этностроительстве. В этом отношении важную роль на первоначальном этапе играет работа идеологов, историков, литераторов. В статье проанализирована структура поморского исторического мифа, которая основывается на особой интерпретации колонизационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

Ключевые слова: Поморье, поморы, Баренцев регион, Русский Север, этностроительство, этносепаратизм, регионализм, исторический миф, историческая фальсификация.

Социологические науки

Бобина Ю. В. Особенности семейно-брачных отношений в странах Баренцева Евро-Арктического региона

В статье рассматриваются основные особенности семейно-брачных отношений в странах Баренцева Евро-Арктического региона: России, Норвегии, Швеции и Финляндии. Анализируются статистические данные по количеству заключенных браков и разводов, среднего возраста вступления в брак, результаты проведенных опросов. Акцентируется внимание на существовании особого института семейной политики в странах БЕАР – Семейного центра.

Ключевые слова: семья, страны Баренцева Евро-Арктического региона, индекс развития человеческого потенциала, средний брачный возраст, семейный центр.

Бобылева Н. И., Рыбак Е. В., Цихончик Н. В. К вопросу об изучении социокультурного потенциала населения Архангельской области как приарктической территории

В статье рассматривается социокультурный потенциал как элемент человеческого капитала. Понятие «социокультурный потенциал» включает социальную и культурную части. Авторы предлагают собственную методику изучения социокультурного потенциала. Они считают очень важным культурное развитие Архангельской области как арктической территории.

Каючевые саова: социокультурный потенциал, население, Архангельская область, Арктика.

Вязьмин А. Н., Санников А. Л., Мордовский Э. А. Ведущие детерминанты общественного здоровья приарктических территорий Европейского Севера России

В статье с позиции дисциплины общественного здоровья дана краткая характеристика динамики численности, возрастного состава населения Архангельской, Мурманской областей и Ненецкого автономного округа на рубеже XX-XXI веков. Рассмотрены основные аспекты естественного движения населения в трех регионах Европейского Севера России. Проанализированы показатели смертности от важнейших групп заболеваний (системы кровообращения, новообразований) и состояний (внешних причин смерти). Дана характеристика процессам брачности и разводимости. Представлены данные об инвалидности населения приарктических регионов как одного из важнейших факторов, ведущих к снижению трудового потенциала.

Ключевые слова: Арктика, Север, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, инвалидность.

Малаховская М. А., Иванова М. М. Студенты САФУ покорили Брюссель

Студенты САФУ имени М. В. Ломоносова прошли недельную стажировку по журналистике при Европейской Медиа-академии в Брюсселе. Во время стажировки они побывали во всех основных институтах европейской власти, таких как Европарламент, Евросовет и Еврокомиссия. Им удалось увидеть все подводные камни работы журналистов в НАТО и обсудить вопросы, связанные с Арктикой, с представителями русской миссии в НАТО и принять участие в выборах президента России.

Ключевые слова: Брюссель, НАТО, Евросоюз, Арктика, Бельгия, выборы, журналистика.

Биологические науки

Королёва Н. Е. Сто лет геоботанических исследований в Мурманской области: история, современное состояние и проблемы

В статье приводится обзор направлений и современного состояния геоботаники в Мурманской области с особым вниманием к проблемам современых геоботанических исследований. Подчеркивается важность развития геоботанических региональных исследований и геоботанической подготовки студентов биологических специальностей.

Ключевые слова: геоботаника, наука о растительности, фитоценология, экологическая экспертиза, Кольская энциклопедия, история науки, высшее образование, Мурманская область.

Корельская T. A., Π onoва $\Lambda.$ Φ . Тяжелые металлы в почвенно-растительном покрове селитебного ландшафта города Архангельска

Почвы селитебного ландшафта города Архангельска наиболее загрязнены валовыми формами тяжелых металлов (Pb, Cu и Zn) в старой его части, что может быть связано с типом подстилающих грунтов. Почвы Архангельска имеют высокую обеспеченность подвижными формами Cu и Zn, но испытывают дефицит актуальных запасов Co, Ni и Mn. Накопление тяжелых металлов в растениях города происходит интенсивнее, чем в естественных условиях, и увеличивается в ряду Fe < Ni < Co < Pb < Cu < Zn.

Ключевые слова: селитебный ландшафт, городские почвы, тяжелые металлы, загрязнение, почвенно-растительный покров.

Управление, экономика

Докучаев Д. С. Регион как социальная система

Статья посвящена социально-философскому анализу феномена региона. Автор с позиций системного подхода рассматривает регион в качестве социальной системы. Определяются концептуальный, структурный и субстратный уровни организации системы. Анализируются основные системообразующие отношения.

Ключевые слова: регион, системный подход, система, социум.

Присяжный М. Ю. Развитие России в контексте моделирования развития Севера России

С учетом специфики освоения Севера на основе экономико-географического подхода нордификация хозяйственной деятельности и региональной политики базируется в едином пространстве разнообразных факторов, условий и инструментов освоения. В Якутии реализуются долговременные специфические геополитические цели государства. В статье показаны подходы к выбору управленческих стратегий развития северных территорий страны.

Ключевые слова: Север, Якутия, хозяйственное освоение, типы территорий, региональная политика, модели развития.

Цветков А. Ю. Маркетинговый подход в изучении северных территорий

В статье рассмотрена концепция стратегического маркетинга северных территорий и возможности ее применения в интересах долгосрочного, эффективного развития территории, ее внутренних и внешних субъектов, специфические потребности которых необходимо удовлетворить. Определены основные параметры разработки модели развития северной территории. Представлена авторская модель «экономического, социального, экологического маркетинга» территории.

Ключевые слова: маркетинговый подход, стратегический маркетинг, устойчивое развитие, северные территории, удовлетворение потребностей.

Шишацкий Н. Г., Кирко В. И., Кеуш А. В. Социально-экономические проблемы создания территорий традиционного природопользования

В статье анализируется понятие «территории традиционного природопользования», рассматриваются социально-экономические и правовые проблемы концепции территорий традиционного природопользования. Авторами предлагается подход к решению существующих проблем концепции. Выделяются критерии установления границ и этапы реализации концепции территорий традиционного природопользования. Итогом комплексного обоснования концепции должен являться типовой проект устройства территорий традиционного природопользования.

Ключевые слова: территории традиционного природопользования, коренные малочисленные народы Севера.

Калашников Е. В., Лагунова С. В. О проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области (Некоторые итоги обучающих семинаров)

В данной статье обобщен опыт проведения практических семинаров «Территориальное общественное самоуправление как ресурс развития муниципального образования», состоявшихся осенью минувшего года в муниципалитетах Архангельской области. Конструктивное общение с лидерами территориальных сообществ и муниципальными служащими позволило авторам сформулировать актуальные для региона проблемы и перспективы развития территориального общественного самоуправления.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, общественное участие, ресурсы развития.

Новые публикации, рецензии

Лукин Ю. Ф. Экспедиция по следам поморов

Рецензируется монография о результатах комплексной экспедиции «По следам поморов», которая в 2011 году провела исследования островов Петуховского архипелага на Новой Земле в проливе Карские Ворота.

Ключевые слова: Новая Земля, Петуховский архипелаг, история, природа, экология.

Contents

Geopolitics

Bidnaya K. V. Cyber-terrorism as a threat to national security in the Arctic region Zhilina I. S. The legal aspects of the development of the Northern sea route and North-Western passage, like a new Arctic marine transportation system	4 8
Historical sciences, ethnology and anthropology	
Lukin Y. F. About Russian Pomor say a word Pyzhova A. N. Ethnic identity of Pomors of the Arkhangelsk region through the prism of the main anthropological approaches Semushin D. L. Pomorie and Pomors: the structure of one historical myth Pomor question: applications, documents, projects Zvyagin S. A. Project 'Pomor harbor'	22 37 45 59 73
Sociological sciences	
Bobina Y. V. The features of the family relations in the countries of the Barents Euro-	84
Arctic region Bobyleva N. I., Rybak E. V., Tshyhonchik N. V. To the question about the research of the socio-cultural potential of the population of the Arkhangelsk region, like Arctic territory	90
Vyazmin A. M., Sannikov A. L., Mordovsky E. A. The leading determinants of public health of the Arctic territories of the European North of Russia Malahovskaya M. A., Ivanova M. M. The students of NArFU conquered Brussels	97 113
Biological sciences	
Koroleva N. V. One hundred years of the geo-botanical research in the Murmansk region: history, modern position and problems Korelskaya T. A., Popova L. F. Heavy metals in the soil-vegetation cover of the selitebnii landscape of the city Arkhangelsk	121 136
Management, economics	
Dokychaev D. S. Region, like a social system Prisyazhny M. Y. The development of Yakutia in the context of modeling the development of the North of Russia Tsvetkov A. Y. Marketing approach in the research of the Northern territories Shishatsky N. G., Kirko V. I., Keush A. V. Social-economical problems of creating the territories of traditional land use	153 159 172 178
Kalashnikov E. V., Lagunova S. V. About the problems and the perspectives of the development of the territorial and public authorities in the Arkhangelsk region (Several results from the seminars)	185
New publications, reviews	
Lukin Y. F. The expedition follows in the tracks of Pomors	190
Summary	
Авторы Аннотации, ключевые слова Contents Authors Abstract, keywords Выходные данные/Output data	194 196 201 202 204 209

Authors

- 1. Bidnaya Ksenia Vasilievna 3rd year student of the Department of Regional Studies and International Relations of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 2. Bobina Yulia Vladimirovna 5th year student of the Department of Regional Studies and International Relations of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov, a student at the Faculty of Social Sciences, University of Nordland (Norway).
- 3. Bobyleva Nadezhda Igorevna Ph. D. in Biology, Associate professor of the social work department of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 4. Dokychaev Denis Sergeevich Candidate of philosophical sciences, the head of the department for Cooperation with the media (press center), the government of the City Ivanovo.
- 5. Ivanova Maria Mikhailovna 5rd year student of the Journalistic Department of the Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 6. Kalashnikov Eugeny Vladimirovich Ph. D. in History, associate professor, the deputy director of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 7. Keush Anna Viktorovna Postgraduate of the Siberian Federal University.
- 8. Kirko Vladimir Igorevich Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Director of the SEC Innovative Technologies of the Siberian Federal University.
- 9. Korelskaya Tatiana Alexandrovna Ph. D. in Chemistry, associate professor of the department of the Chemistry and Chemical Ecology of the Institution of the Natural Sciences and Biomedicine of the NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 10. Koroleva Natalia Eugenievna Ph. D. in Biology, Senior Researcher of the Laboratory of flora and vegetation of RAS 'Polar-Alpine Botanical Garden-Institute named after N. A. Avrorin' (Kirovsk).
- 11. Lagunova Svetlana Vladimirovna the senior lecturer of the department of the State and Municipal management of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 12. Lukin Yury Fedorovich Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 13. Malahovskaya Maria Alekseevna 4th year student of the Department of Regional Studies and International Relations of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 14. Mordovsky Edgar Arthurovich Postgraduate of the Institute of Public Health and Social Work of the Northern State Medical University Health Ministry of Russian Federation, the doctor-manager of Health, Master of Public Health.

- 15. Popova Lyudmila Fedorovna Ph. D. in Chemistry, associate professor of Chemistry and Chemical Ecology Department of the Institution of the Natural Sciences and Biomedicine NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 16. Prisyazhny Mikhail Yurievich Ph. D. in Geographic Science, Head of the Northern Research, North-Eastern Federal University (Yakutsk).
- 17. Pyzhova Anna Nikolaevna master's degree in the study of the indigenous people.
- 18. Rybak Eugeniya Vladimirovna Ph. D. in Pedagogy, Associate professor of the social work department of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 19. Sannikov Anatoly Leonidovich Doctor of Medicine, Professor of Public Health and Social Work department Northern State Medical University of the Health Ministry of Russian Federation.
- 20. Semushin Dmitry Leonidovich Candidate of Historical Sciences, Political Commentator IA 'REGNUM' (Moscow).
- 21. Shishatsky Nikolai Georgievich Ph. D. in Economy, the head of the department of the regional social and economical researchers Institute of Economy Industrial Engineering, Siberian Branch of RAS.
- 22. Tsvetkov Alexander Yurievich Ph. D. in Economy, associate professor of the state, municipal management and the management of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 23. Tshyhonchik Nadezhda Vasilievna Senior Lecturer, Postgraduate of the social work department of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work NArFU named after M. V. Lomonosov.
- 24. Vyazmin Alexander Mikhailovich Doctor of Medicine, Professor, Vice-Rector of the Strategic Development Northern State Medical University of the Health Ministry of Russian Federation, Director of the Institute of Public Health and Social Work.
- 25. Zhilina Irina Svyatoslavovna a graduate of the Murmansk State Technical University, specializing in 'international relations', a student of the University of Akureyri (Iceland), Master's program 'Polar Law'.
- 26. Zvyagin Sergei Alexandrovich scientific employee of Institute of ecologic problems of the North UB RAS, yacht captain, artist.

Abstacts, keywords

Geopolitics

Bidnaya K. V. Cyber-terrorism as a threat to national security in the Arctic region Abstract

This article represents the first experience in the research of possibilities and probabilities of cyber attacks in the Arctic region, namely the defeat and withdrawal from the ABM system, and computer control systems of drilling rigs, which can harm both national security and ecological state of the Arctic. Additionally, this article highlights the question of the possible impact of acts of cyberterrorism on the development of the Arctic sector of Russia, in other words, there are studied International Relations of Russia in the 'new political areas' – circumpilar area and global informative sphere.

Keywords: Arctic, cyber-terrorism, Russia, USA, NATO.

Zhilina I. S. The legal aspects of the development of the Northern sea route and North-Western passage, like a new Arctic marine transportation system

Abstract

The article is devoted to the legal regime for the international navigation on the waters of the Northern sea route and North-Western passage and sovereignty in the territorial waters. Particular attention is given to the foreign policy aspects of the development of the transport route of the Arctic and its economic potential.

Keywords: the Northern sea route, the North-Western passage, Russia, Canada, Arctic, navigation.

Historical sciences, ethnology and anthropology

Lukin Y. F. About Russian Pomor say a word

Abstract

Conceptual approaches 2 definition of concepts 'pomors', 'Russian Pomors' in historical and modern understanding are considered.

Keywords: Pomors, Russian Pomors, the Arkhangelsk region.

Pyzhova~A.~N. Ethnic identity of Pomors of the Arkhangelsk region through the prism of the main anthropological approaches

Abstract

This article provides an overview of the two main theoretical approaches that are widely used to study the issues of ethnic identity in social anthropology – primordialism and constructivism. In addition, an overview of the basic theoretical difficulties in determining the ethnic identity of the group. Using data from the field research (interviews), the article provides an analysis of the ethnic identity of Pomors, presented through the prism of these two approaches.

Keywords: identity, ethnicity, Pomors, primordialism, constructivism, markers of identity.

Semushin D. L. Pomorie and Pomors: the structure of one historical myth Abstract

The historical myth is playing a key role in any ethno-building. An important role in the initial stage is playing the work of ideologues and historians, writers. In the article is analyzed the structure of the Pomeranian historical myth, it is based on a specific interpretation of the colonization process of the Russian North and the specific interpretation of local history and geography and local concepts.

Keywords: Pomorie, Pomors, Barents region, Russian North, ethno-building, ethnoseparatism, regionalism, historical myth, historical falsification.

Sociological sciences

Bobina Y. V. The features of the family relations in the countries of the Barents Euro-Arctic region

Abstract

In the article discusses the main features of family relations in the Barents Euro-Arctic region: Russia, Norway, Sweden and Finland. Analyze statistical data on the number of marriages and divorces, the average age at marriage, the results of the polls. Attention is drawn to the existence of a special institution of family politics in the countries of BEAR – Family centre.

Keywords: family, countries of the Barents and Euro-Arctic regions, human development index, the average age of marriage, Family centre.

Bobyleva N. I., Rybak E. V., Tshyhonchik N. V. To the question about the research of the socio-cultural potential of the population of the Arkhangelsk region, like Arctic territory Abstract

In article the sociocultural potential as an element of the human capital is considered. The concept of 'social and cultural potential' includes social and cultural side. The authors propose their own method of studying the social and cultural development. They find it is very important to the cultural development of the Arkhangelsk region as the Arctic territory.

Keywords: socio-cultural potential, population of the Arkhangelsk region, Arctic.

Vyazmin A. M., Sannikov A. L., Mordovsky E. A. The leading determinants of public health of the Arctic territories of the European North of Russia Abstract

The article from the perspective of public health disciplines summarizes the population dynamics, age structure of population of Arkhangelsk and Murmansk regions and Nenets autonomous district at the turn of XX–XXI centuries. The main aspects of the natural movement of population in three regions of the European North of Russia. Analyzed death rates from the major groups of diseases (cardiovascular, tumor) and states (external causes of death). The characteristics of the processes of marriage and divorce. The data on disability populations of the Arctic regions as one of the most important factors leading to a reduction of the labor potential.

Keywords: Arctic, North, birth, death, marriages, divorces, disability.

Malahovskaya M. A., Ivanova M. M. The students of NArFU subdued Brussel Abstract

The students of the NArFU named after M. V. Lomonosov hold a week took part in the training course of Journalism in Brussels. During their trip they visited the main Institutions of European power, such as European Union, European Commission and European Parliament. They saw all the under water stones of the work of the journalists in NATO and they discussed the main questions, which were connected with the Arctic with Russian mission in NATO and they also had a chance to take part in the elections of the president of Russia.

Keywords: Brussels, NATO, European Union, Arctic, Belgium, elections, journalism, politics.

Biological sciences

Koroleva N. E. One hundred years of the geo-botanical research in the Murmansk region: history, modern position and problems

Abstract

This article provides an overview of trends and current status of Geobotany in the Murmansk region, with particular attention to the problems of modern geo-botanical studies. Emphasizes the importance of regional geo-botanical studies and preparation of students of geo-botanical biological specialties.

Keywords: geobotanics, the science of vegetation, phytosociology, ecological assessment, Kola encyclopedia, the History of the Science, the Higher Education, Murmansk Region.

Korelskaya T. A., Popova L. F. Heavy metals in the soil-vegetation cover of the selitebnii landscape of the city Arkhangelsk

Abstract

Soils of the selitebnii landscape of Arkhangelsk is the most polluted of the forms of heavy metals (Pb, Cu and Zn) in the old part, which may be related to the type of underlying soils. The soils have a high availability of Arkhangelsk mobile forms of Cu and Zn, but the actual reserves are deficient in Co, Ni and Mn. Accumulation of heavy metals in the city plants is more intense that in natural conditions and increases in the number of row of Fe < Ni < Co < Pb < Cu < Zn.

Keywords: selitebnii landscape, city soils, heavy metals, pollution, soils-natural cover.

Management, economy

Dokychaev D. S. Region, like a social system

Abstract

The article is devoted to the social and philosophical analysis of the phenomenon in the region. The author of the system approach considers the region as a social system. Determined by the conceptual, structural and substrate levels of the system. Analyzes the main systematic relationships.

Keywords: region, system research, system, sozium.

Prisyazhny M. Y. The development of Yakutia in the context of modeling the development of the North of Russia

Abstract

Taking into account the specific development of the North on the basis of economic-geographical approach of nordifikation of economic activity and regional policy is based in the same space a variety of factors, environment and development tools. In Yakutia, realized long-term specific geopolitical goals of the state. The article describes the approaches to the selection of management strategies for the development of the northern territories of the country.

Keywords: North, Yakutia, economic development, types of territories, regional policy, and the development model.

Tsvetkov A. Y. Marketing approach in the research of the Northern territories Abstract

In article the concept of strategic marketing of the northern territories and the possibility of its application for long-term efficient development of the territory and its internal and external stakeholders, the specific requirements that must be met, is considered. The main parameters of the model development of the Northern Territory. Authors model of the 'economic – social – ecological marketing' territory.

Keywords: marketing approach, strategic marketing, sustainable development, the northern territory needs.

Shishatsky N. G., Kirko V. I., Keush A. V. Social-economical problems of creating the territories of traditional land use

Abstract

The article analyzes the concept of 'territory of traditional nature use', addresses the social-economic and legal problems of the concept of territories of traditional nature. The authors propose an approach to solving the problems of the concept. Highlighted criteria for establishing boundaries and implementation phases of the concept of territories of traditional nature. The result of a comprehensive study of the concept should be a standard design of the unit territories of traditional nature.

Keywords: territories of traditional land use, native indigenous populations of the North.

Kalashnikov E. V., Lagunova S. V. About the problems and the perspectives of the development of the territorial and public authorities in the Arkhangelsk region (Several results from the seminars)

This article summarizes the experience of holding the practical seminars 'Territorial public self-government as a resource for the development of the municipality', which was held last autumn in the municipalities of the Archangelsk region. The constructive dialogue with the leaders of territorial communities and local government officials allowed the authors to formulate relevant to the region's problems and the perspectives of the development of territorial public self-government.

Keywords: territorial and public authorities, public participation, resources for development.

New publications, reviews

Lukin Y. F. The expedition follows in the tracks of Pomors

Abstract

The monography is reviewing about the results of complex expedition 'Follows in the tracks of Pomors', which in 2011 conductes a research of the islands of the Petuhovsky Arhipelago on Novaya Zemlya in the Karsky Gate bay.

Keywords: Novaya Zemlya, Petyhovsky Archipelago, history, nature, ecology.

АРКТИКА и СЕВЕР

Электронный научный журнал

2012. № 7

Главный редактор: Ю. Ф. Лукин.

Редактор на русском языке: Е. А. Суворова.

Редактор на английском языке: М. А. Малаховская.

Ответственный секретарь: *Е. С. Типпель*.

Компьютерная верстка (дизайн, обложка): А. Э. Ерёмин.

Размещение на сайте: Ю. В. Новиков.

Свидетельство о регистрации – Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года.

Учредитель - ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени

М. В. Ломоносова».

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17.

Электронный адрес редакции: mba@pomorsu.ru, iuppk@pomorsu.ru.

Адрес редакции: Россия, 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 8, каб. 3а-4.

Подписано для размещения на сайте http://narfu.ru/aan: 1.07.2012.

Размещено на сайте http://narfu.ru/aan: 2.07.2012.

ARCTIC and NORTH

Electronic scientific magazine 2012. Issue 7

Editor in chief: Y. F. Lukin.

An editor on Russian language: E. A. Suvorova.

An editor on English language: M. A. Malahovskaya.

Executive secretary: E. S. Tippel.

Computer design and cover: A. E. Eremin. Placement on the webpage: Y. V. Novikov.

Registration certificate - El № FS77-42809 From 26 of November 2010.

Founder - Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

An address of founder: Russia, 163002, Arkhangelsk, Northern Dvina River Street, 17.

Electronic address of editorial office: mba@pomorsu.ru, iuppk@pomorsu.ru.

An address of editorial office: Russia, 163002, Arkhangelsk, Novgorodskii Street, 8, room. 3a-4.

Signed for placement on the webpage: http://narfu.ru/aan: 1.07.2012.

Webpage: http://narfu.ru/aan: 2.07.2012.